

KO
151
NG1

В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ

**Категория
наклонения
в современном
литературном
хинди**

Издательство „Наука“

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ

Х

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ХИНДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

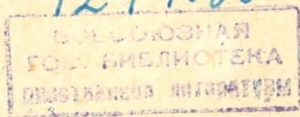
Москва 1964

KO-151
Λ 61

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. С. БАРХУДАРОВ

1244080

1512 1/3 *Липеровский*
Владимир Петрович Липеровский
КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ХИНДИ

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редактор Е. А. Поцелуевский
Технический редактор Л. Т. Михлина
Корректоры Г. А. Невелева и М. З. Шафранская

Сдано в набор 13/II 1964 г.
Подписано к печати 30/VI 1964 г.
A07473. Формат 60×90¹/₁₆ Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,74
Тираж 800 экз. Зак. 331 Цена 60 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ВВЕДЕНИЕ

Способы выражения модальности в языке хинди еще не подвергались специальному исследованию. В данной работе рассматриваются не все способы передачи модальных значений, существующие в хинди. Предметом настоящего исследования являются наклонения, т. е. тот способ выражения модальности, который с наибольшей отчетливостью проявляется в грамматическом строе хинди, получая воплощение в морфологии глагола.

В ряде форм глагола находят выражение те грамматические категории, в которых конструируется предикативность предложения. Именно поэтому за соответствующими формами глагола закрепляется синтаксическая функция — быть сказуемым в предложении. К такого рода категориям принадлежит и категория наклонения.

В каждом из наклонений закреплён в обобщенном виде определенный характер отношения действия к реальности (нереальности) его осуществления, и каждое из наклонений бывает представлено в языке целым рядом финитных (предикативных) форм глагола. В связи с этим под категорией наклонения понимается грамматическая категория в системе глагола, возникшая в языке на основе противопоставленности друг другу таких рядов морфологических форм, каждому из которых свойственно выражение в обобщенном виде отдельной, специфической для данного ряда модальности действия.

Следовательно, в основу разграничения наклонений в том или ином языке нужно класть морфологические различия, связанные со смысловыми различиями, так чтобы любое из выделяемых наклонений являло собой единство формы и содержания. Но при этом необходимо учитывать возможность грамматической омонимии, затрагивающей формы различных наклонений, и возможность совпадения форм различных наклонений в примерно одинаковых значениях при отдельных

случаях их употребления, ибо эти факторы затушевывают дифференцированность наклонений в языке.

Далее, существующее понимание языка как системы соотношений и взаимодействий его элементов выдвигает задачу показать системный характер форм, образующих ту или иную грамматическую категорию. В соответствии с этим весьма важным для данного исследования представляется выявление того, в каких отношениях находятся между собой наклонения хинди и каков характер той частной системы, элементами которой они являются. Непременное условие такого выявления состоит в том, чтобы определить по мере возможности специфику каждого из наклонений хинди на основании тех признаков, по которым одно из наклонений противопоставляется другим.

Анализ глагольной системы хинди показывает, что в этом языке имеются различные по своему строению финитные формы глагола, отличающиеся друг от друга по выражаемому ими модальному значению. В частности, А. П. Баранников выделил в хинди четыре наклонения: изъявительное (индикатив), повелительное (императив), сослагательное (конъюнктив) и условное (кондиционалис)¹.

Однако существующая в литературе по хинди, преимущественно в западноевропейской, тенденция рассматривать финитные формы глагола лишь под углом зрения их временной характеристики часто приводит к отрицанию наличия наклонений в этом языке. Например, Шолберг — автор одной из грамматик хинди, изданных за последнее время, пишет следующее: «Строго говоря, в хинди нет наклонения. То, что могло бы называться наклонением, компенсируется различными временами»².

Среди лингвистов, так или иначе признающих существование наклонений в хинди, нет единого мнения о количестве и, следовательно, о разновидностях наклонений этого языка. Так, например, Камтапрасад Гуру, Т. Е. Катенина объединяют в одном наклонении, называемом предположительным (сомнительным), те формы, которые А. П. Баранников относит к изъявительному наклонению³. Другой момент расхождения, поскольку речь идет о количестве и видах наклонений, каса-

¹ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 51—72, стр. 75—97; А. П. Баранников, П. А. Баранников, *Хиндустани (хинди и урду)*, стр. 8—97.

² Н. С. Scholberg, *Concise grammar of the Hindi language*, § 102, p. 76.

³ Kāmtāprasād Gura, *Hindī vyākaraṇ*, § 361, 361, p. 264—267; Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 63—64.

ется вопроса о выделяемости условного наклонения. В частности, существует точка зрения, согласно которой формы, известные у нас как формы условного наклонения, принадлежат сослагательному наклонению в качестве его форм прошедшего времени⁴.

На основании изучения грамматической литературы по хинди можно заключить, что для всех лингвистов, признающих существование наклонений в хинди, является характерным выделение изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений. Вопрос о наличии в хинди других наклонений подлежит рассмотрению на основе углубленного анализа языкового материала.

Материалом для данного исследования служит в основном язык современной художественной прозы на хинди.

⁴ Dhīrendra Varmā, *Hindī bhāṣā kā itihās*, 1958, pг. 298.

ГЛАВА I

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

ФОРМЫ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ И ИХ ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

Изъявительное наклонение объединяет такие глагольные формы, при употреблении которых в предложении сообщается о действии, осуществление которого представляется фактом действительности. Иначе говоря, назначением изъявительного наклонения является выражение реального действия, т. е. такого действия, которое соответствует действительности в том смысле, что при высказывании имеется в виду факт его реализации в настоящем, прошедшем или будущем времени. Именно это позволяет нам четко отграничивать формы изъявительного наклонения от финитных форм глагола, относимых к другим наклонениям. Функциональным своеобразием изъявительного наклонения объясняется то, что его анализ предполагает рассмотрение вопроса о выражении формами глагола временных значений, тогда как при исследовании других наклонений центр тяжести переносится на рассмотрение модальных отношений, выражаемых формами глагола. Поскольку такой анализ не служит выяснению вопроса о категории наклонения, находящей, как известно, свое проявление в существовании глагольных форм, отличающихся друг от друга по выражаемому ими модальному значению, мы ограничимся лишь указанием на те функции форм изъявительного наклонения, которые лежат в основе различия в семантическом плане одной формы от другой. Вопрос о передаче временных значений формами изъявительного наклонения должен быть предметом особого исследования точно так же, как и вопрос о случаях выражения различных модальных оттенков теми финитными формами глагола, принадлежность которых к изъявительному наклонению общепризнана¹.

¹ В целом ряде работ содержатся ценные сведения о значении и употреблении форм изъявительного наклонения, как и других финитных форм

При рассмотрении форм изъявительного наклонения следует прежде всего отметить то обстоятельство, что в языке хинди глагол *honā* 'быть' в отличие от всех других глаголов обладает простой формой настоящего времени и простой формой прошедшего несовершенного времени (имперфекта), а не только аналитически построенными формами этих времен. Наличием указанных простых форм обеспечивается использование глагола *honā* 'быть' в качестве вспомогательного для образования стандартных аналитических форм изъявительного наклонения как самого глагола *honā* 'быть', так и всех других глаголов. При использовании же этого глагола в качестве самостоятельного (полнозначного) или в качестве глагола-связки его простые формы в семантическом отношении несколько отличаются от соответствующих им аналитических форм.

Формами, принадлежность которых к изъявительному наклонению никем не подвергается сомнению, являются следующие: будущее время (будущее первое), настоящее время, прошедшее несовершенное, прошедшее совершенное, настоящее совершенное, давнопрошедшее (предпрошедшее) время. Остановимся вкратце на строении этих форм и их основных функциях, чтобы выявить те свойства каждой из форм, благодаря которым одна отличается от другой (или от других) в семантическом плане.

Будущее время (футурум) образуется путем присоединения морфемы *-gā*, изменяющейся по родам и — в мужском роде — по числам, к форме, генетически связанной с прежним презенсом индикатива, а в современном хинди обладающей особым модальным значением, что позволяет нам рассматривать ее как простую форму сослагательного наклонения (см. ниже).

Основная функция формы будущего времени изъявительного наклонения состоит в отнесении действия к плану будущего времени: *...vah prem to marte dam tak yād rahegā* (Р, М 2, 217) '...память об этой любви [я] буду хранить до самой смерти'; *kal Mrdulā yahān se calī jāygi, vah phir ake-*

глагола. В данной связи следует прежде всего отметить следующие работы: А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 59—72, стр. 75—90; З. М. Дымшиц, *Язык урду*, стр. 65—78; S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 763—793, pp. 455—477; «A basic grammar...», pp. 58—59; Kāmāprasād Gurgu, *Hindī vyākaran*, § 593—6.4, pg. 459—471. Подробно же вопрос о значении и употреблении форм изъявительного наклонения изложен в следующем исследовании: S. Lienhard, *Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindī*. С этим исследованием нам удалось ознакомиться уже после завершения работы по написанию данной монографии.

It ho jāygi (P, M 7, 7) 'Завтра Мридула уйдет отсюда, а она снова станет одинокой'.

Кроме того, ею может быть передано всевременное значение, как, например, в пословице: *jo boveṣā, so kāṭegā* 'Что посеешь, то пожнешь'.

Настоящее время (презент) образуется путем сочетания имперфективного причастия спрягаемого глагола с глаголом *honā* 'быть' в простой форме настоящего времени.

Основное назначение этой формы — выражение такого действия, которое является более или менее постоянным признаком субъекта, или выражение обычного, повторяющегося действия: *is jaṅgal meṅ tarah-tarah ke jānvar rahte haiṅ* (P, JK, 43) 'В этом лесу обитают различные животные'; *ye log pratidin in sārīyon ko dhokar sūkhne ke lie yahān dāi dete haiṅ...* (KC, AD, 81) 'Каждый день эти люди, выстирав эти сари, расстилают их здесь...'.

При этом данная форма может приобретать всевременное (или, что то же самое, вневременное) значение: *grāhak dukān meṅ vahī cīz letā hai, jo use pasand āti hai* (P, M 2, 92) 'Покупатель берет в лавке именно ту вещь, которая ему нравится'.

Итак, по своей основной функции данная глагольная форма изъявительного наклонения является настоящим общим временем. Такое наименование этой формы² представляется нам наиболее удачным, поскольку в нем учитывается специфика данной формы и ее функциональное отличие от других форм. Кроме отмеченных выше значений, данная форма может передавать также значение ближайшего будущего времени, настоящего исторического времени и значение настоящего актуального времени, представляя действие в процессе его конкретного совершения в момент речи. Однако указанные значения не составляют семантического ядра этой формы.

Заслуживает также внимания тот факт, что в случае выражения отрицания при помощи частицы *nahīṅ* 'не' данная временная форма бывает обычно представлена лишь имперфективным причастием (без вспомогательного глагола): *...vahī mujh se dahej nahīṅ cāhte, keval kanyā cāhte haiṅ* (P, GJ, 105) '...он не хочет [брать с меня] приданое, он хочет [взять] лишь [мою] дочь'.

Прошедшее несовершенное время (имперфект) образуется путем сочетания имперфективного причастия спрягаемого глагола с глаголом *honā* 'быть' в простой форме прошедшего времени. Данная форма изъявительного

² Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 62.

наклонения в основном используется для выражения действия, которое в прошлом являлось более или менее постоянным признаком субъекта, или действия, которое обычно имело место в прошлом: *jitne the sab apne the, sabhī ādar karte the, sahanubhūti rakhte the* (P, M 2, 265) 'Все были своими, все [его] уважали, проявляли сочувствие'; *har pūrṇamāsi ko Satyanārāyaṇ kī kathā sūnte the* (P, M 2, 25) 'Каждый раз в день полнолуния [он] слушал предание о Сатьянараяне'.

Итак, эта форма характеризует действие по способу его протекания в общем так же, как форма настоящего общего времени. Различаются обе формы между собой лишь временным значением. Однако форме прошедшего времени в большей степени, чем форме настоящего времени, присуща способность представлять действие в процессе его конкретного совершения. Выражение данной формой значения прошедшего актуального времени иллюстрируется следующим примером: *aur Motī vijay sūr kī bhāntī uskā rāstā roke kharā thā. gāñv ke log yah tamāśā dekhte the aur hañste the* (P, M 2, 161) 'А Моти с видом победителя преграждал ему дорогу. Жители деревни взирали на эту сцену и смеялись'.

Прошедшее совершенное время (претерит) равно по форме перфективному причастию. Основным видовым значением этой формы является значение завершенности действия, а основным временным значением — значение прошедшего времени. Наиболее ярко специфика данной формы проявляется в том, что она обычно выполняет повествовательную функцию. Определяя собой план повествования, она служит для передачи таких действий, которые последовательно сменяют друг друга или совмещаются в одной и той же временной плоскости: *cāroṇ taraf se āpattījanak āvāzeñ āne lagīñ; lekin Gopīnāth kī virodh karne kī sāhas kisī meñ nahuā. dhīre-dhīre log yahāñ se haṭ gaye* (P, M 2, 240) 'Со всех сторон стали раздаваться протестующие возгласы. Но никто не осмелился противиться Гопинатху. Постепенно люди разошлись (букв. 'ушли отсюда')'.

Обычно эта глагольная форма представляет однократное действие. Однако она может включать в план повествования и такое действие, которое неоднократно имело место в прошлом: *gaur parosin ko samṃpī, aur us se bār-bār kahā — «is kī pūrā-pūrā dhyān rakhnā»* (S, TY, 10) '[Ладжаванти] доверила корову соседке и несколько раз сказала ей: «Тщательно следите за ней»'. Многократное действие, включенное в план повествования, расценивается как одно действие, состоящее из многих одинаковых актов. Из этого следует, что рассматриваемая глагольная форма представляет действие в его це-

лостности, полноте, единстве. Именно с этим моментом связано выражение значения завершенности действия, о котором говорилось выше.

Подобным же образом эта форма может выражать одиночное изолированное действие, не включенное в цепь последовательно сменявших друг друга действий. При этом она в отличие от формы настоящего совершенного времени и формы давнопрошедшего времени не уточняет характер отнесенности действия к плану прошедшего времени (что, кстати сказать, дало Келлогу основание говорить об употреблении этой формы в значении перфекта и плюсквамперфекта³). Примеры:

yah gadhā kidhar se ghus āyā, nikālo ise bāhar (KC, GA, 148) 'Откуда взялся здесь этот осел? Гоните его прочь'; *caprāsī khālī hāth laṭ āyā. Padmā ne pūchā—rupaye? «baink ke bābū ne kahā, rupaye sab Prasād bābū nikāl le gaye»* (P, M 2, 97) 'Посыльный возвратился с пустыми руками. «А деньги?» — спросила Падма. «Служащий банка сказал, что все деньги забрал господин Прасад», [—ответил посыльный]'. Значение завершенности действия передается этой формой

и тогда, когда выражаемое ею действие не относится к плану прошедшего времени. Так, в современном хинди данная глагольная форма может выражать значение будущего времени или всевременное (вневременное) значение. В плане будущего времени ею подчеркивается идея скорого осуществления действия вслед за моментом речи или совершения действия в будущем: *Anilā —...maiñ abhī āī, do mināṭ meñ (jāī hai)* (JS, 184) 'Анила: ...я сейчас приду, через две минуты (уходит)'; *agar tum na pīyoge, to maiñ bhī na pīūngā. jis din tum ne pī, usī din phir śurū kar dī* (P, M 7, 37) 'Если вы не будете пить, то я тоже не буду пить. Я снова стану [пить вино] в тот же самый день, когда выпьете вы'.

При использовании этой формы во всевременной функции как бы подчеркивается, что справедливость высказывания, возможность его отнесения к любому временному плану основана на прошлом опыте: *soyā so khoyā, jāgā so pāyā* 'Пропал — потерял, проснулся — приобрел' (пословица).

Благодаря упомянутому смысловому моменту всевременной (гномический) претерит отличается от всевременного будущего времени и от формы настоящего времени во всевременном значении.

Настоящее совершенное время (перфект) образуется путем сочетания перфективного причастия спрягаемо-

³ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 787(2), (3), p. 473.

го глагола с глаголом *honā* 'быть' в простой форме настоящего времени.

Наиболее удачным мы считаем следующее определение специфики данной формы: «Настоящее совершенное время представляет завершенное действие, результат которого еще налицо. По сути дела это прошедшее время, но оно связывает прошлое событие с настоящим временем»⁴. В другом месте данной грамматики подчеркивается, что эта форма «не может относиться к сообщению, которое является целиком прошлым и минувшим», и вместе с тем отмечается, что она «не имеет никакого отношения к близости или отдаленности действия в прошлом»⁵. Последнее замечание подтверждается тем, что данная форма находит употребление и тогда, когда говорится о действии, осуществление которого объективно относится к далекому прошлому: *yahī bāt Vālmiki ne taiñtā-lts ślokañ meñ kahī hai* (HS, 229) 'Об этом же Вальмики рассказал в сорока трех шлоках'. Оно представляется ценным и в свете того, что перфект в хинди может употребляться в таких предложениях, в которых лексически указывается на отнесенность совершения действия к плану прошедшего времени, например: *mujhe kal rājā ke yahāñ se gāe milī hai* 'Вчера у раджи мне досталась корова'⁶; *jo ādmī kal pakar āyā hai uske sambandh meñ bāt-cit karne āyā hūñ* (S, TY, 120) 'Я пришел поговорить о том человеке, который вчера был схвачен [вами]'.

Последний пример примечателен еще и тем, что из двух глаголов, стоящих в форме настоящего совершенного времени (перфекта), второй (*āyā hūñ* '[я] пришел') выражает действие, законченное в момент речи. Время совершения такого действия и момент речи не противопоставлены друг другу, а как бы включены в один и тот же период времени — черта, характерная для презентного перфекта английского языка⁷. Здесь наиболее ярко проявляется результативное значение перфекта.

Итак, специфика настоящего совершенного времени (перфекта) в языке хинди состоит в том, что оно служит для выражения такого совершенного действия, результат реализации которого в прошлом актуален для настоящего времени независимо от того, к какому периоду (моменту) прошлого относится эта реализация. В этом смысле данная глагольная

⁴ «A basic grammar...», p. 69.

⁵ Ibid., p. 125.

⁶ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 789 с., p. 475.

⁷ В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Юфик, *Современный английский язык. Теоретический курс грамматики*, М., 1956, стр. 103.

форма является по своей функции прошедшим временем актуального результата. Будучи таковой, она противопоставляется форме настоящего времени как форма прошедшего времени, а имперфекту, претериту и плюсквамперфекту она противостоит как форма, связывающая действие через его результат с настоящим временем, не отличаясь при этом от двух последних форм по выражаемому ею видовому значению.

Некоторые глаголы (в особенности глаголы, обозначающие изменение состояния, положения, например *baithnā* 'садиться', *parṇā* 'падать', *uthnā* 'подниматься' и др.) в форме перфекта приобретают презентное значение, указывая на состояние, возникшее в результате реализации действия. Это дает основание исследователям трактовать причастие, образованное от этих глаголов, как предикативную часть сказуемого при глаголе-связке⁸. Такой перфект противопоставляется плюсквамперфекту как форма настоящего времени форме прошедшего времени. Обычно же форма перфекта приобретает презентное значение тогда, когда входящее в ее состав перфективное причастие смыслового глагола осложняется перфективным причастием глагола *honā* 'быть'.

В случае выражения отрицания при помощи частицы *nahīn* 'не' настоящее совершенное время обычно представлено перфективным причастием (без вспомогательного глагола): *kyoñ prabandh karen? dhobī ko magarmacch ne mārā hai, ham ne nahīn mārā* (КС, ГА, 32) 'А почему мы должны заботиться [о семье дхоби]? Ведь дхоби убил крокодил, а мы не убивали'.

Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) образуется путем сочетания перфективного причастия спрягаемого глагола с глаголом *honā* 'быть' в простой форме прошедшего времени. Основное видовое значение этой формы — завершенность действия, а основное временное значение — предшествование в прошлом.

Это предшествование может проявляться по-разному. Обычно глагол, выступающий в данной форме, обозначает действие, которое реализуется до какого-либо момента в прошлом или раньше другого действия, относящегося к плану прошедшего времени: *sañyog se usī vaqt Āgre se vah sajjan ā gaye, jin ke pās Jośī kuch dinoñ rahā thā* (Р, М 4, 72) 'Случайно в это же время из Агры приехал тот господин, у которого Джоши прожил несколько дней'; *un kī mātā pahle hī mar cukī thīñ, isī sāl pitā kā bhī dehānt ho gayā...* (Р, М

⁸ К. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 610 i, рг. 469.

2, 59) 'Его мать умерла раньше, а в этот год скончался и отец...'; *vah Pramadā ke liye jhūṭh bolne par udyat ho gaye the, parantu Jaysinh kī praśaṅsā ke jaykār unheñ viṣ ke ghūṇṭ mālūm hue* (S, TY, 239—240) 'Он уже был готов солгать ради Прамады, но возгласы ликования, прославляющие Джайсинха, показались ему подобными каплям (букв. 'глоткам') яда'.

При таком использовании плюсквамперфекта ему оказывается свойственным выражение таких действий, которые предшествуют событиям, определяющим план повествования (см. первые два примера). В связи с этим обнаруживается противопоставленность данной формы претериту, поскольку повествовательная функция в языке хинди свойственна претериту. С другой стороны, результат осуществления предшествующего действия может казаться актуальным для какого-то момента в прошлом (см. третий пример). Поэтому плюсквамперфект можно воспринимать в его противопоставлении перфекту, выражающему, как было показано, действие, результат осуществления которого актуален для настоящего времени.

Значением предшествования обуславливается частое использование рассматриваемой формы в препозитивной части ряда сложных предложений, в которых выражается значение быстроты следования, преждевременности, внезапности осуществления действия постпозитивной части, вводимой союзом *kī*. Здесь можно говорить о синтаксически связанном употреблении плюсквамперфекта: *...vah kursī se uṭhā hī thā kī kist ke paioṅ kī āhaṭ mālūm huī* (P, PD, 147) '...едва он поднялся со стула, как послышались чьи-то шаги'.

Во всех приведенных выше примерах рассматриваемая глагольная форма по своей функции является формой предпрошедшего времени, поскольку она выражает действие, осуществляющееся раньше какого-либо момента в прошлом.

В функции же собственно давнопрошедшего времени она выступает при обозначении действий, имевших место задолго до момента речи: *unhīñ dinoñ Kāśt meñ mahāmārī kā prakop bhī huā thā, unhoñ ne us samay jo dardasā dekhī thī uskā bhī śabdacitra khīnc diyā hai* (HS, 215) 'К тому же в те дни в Каши разразилась эпидемия, [и] он (Тулси Дас) нарисовал картину того бедствия, которое он тогда увидел'.

В данном случае значение предшествования, выражаемое плюсквамперфектом, понимается как предшествование определенному отрезку времени, отделяющему описываемое событие от момента речи. На свойство плюсквамперфекта передавать значение дистанции во времени указывает в своей

грамматике Келлогг, затрагивая вопрос о своеобразии анализируемой формы хинди по отношению к соответствующей ей форме английского языка⁹. Однако акцентирование внимания на дистанции во времени представляется лишь тогда оправданным, когда результат осуществления действия является неактуальным для настоящего времени. В противном случае можно употребить перфект, о чем, кстати сказать, свидетельствует приведенный выше пример, где один из глаголов стоит в перфекте: *khīnc diyā hai* 'нарисовал'.

Благодаря этому значению неактуальности свое отличие от перфекта плюсквамперфект сохраняет и тогда, когда выражаемое им действие отнюдь не является давнопрошедшим: *maiñ āj us mil meñ gayā thā. maiñ us sthān ko dekhñā cāh-tā thā jahāñ...* (Р, М 2, 246) 'Сегодня я ходил на ту фабрику. Я хотел увидеть то место, где...'

Особого внимания заслуживает употребление плюсквамперфекта в главной части сложноподчиненного предложения при выражении условно-следственной связи для обозначения такого действия, осуществление которого было предотвращено ходом событий: *yadi ek bhī kṣaṇ kā vilamb ho jātā to laysinh mārā jā cukā thā* (S, TY, 232) 'Если бы было допущено даже малейшее промедление, то с Джайсинхом было бы покончено'.

Помимо рассмотренных шести глагольных форм, относимых с должными основаниями к изъявительному наклонению, изъявительную модальность может выражать финитная форма, представленная имперфективным причастием. Она используется при обозначении действий, которые регулярно повторялись в прошлом: *us dīn se Tārā aksar mere ghar ātī* (Р, М 2, 99) 'С этого дня Тара часто приходила ко мне в дом'. Отнесение к числу форм изъявительного наклонения хинди еще одной формы — имперфекта регулярной повторяемости — представляется возможным в случае положительного решения вопроса о выделении в хинди условного наклонения, омонимичного данной форме. Дело в том, что финитная форма, равная имперфективному причастию, используется в хинди и при выражении неизъявительной модальности.

Некоторые случаи употребления данной формы в современном хинди позволяют говорить о ее использовании в качестве повествовательного имперфекта, служащего для выражения значения повторяемости действия в плане повествования, отнесенного к прошлому. В частности, показательны примеры, в которых прошедшее несовершенное время (имперфект)

⁹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 790, p. 475.

создает фон, на котором разворачиваются повторяющиеся в прошлом события, или же служит для изображения предшествующих событий: *kahīn gānā-bajānā hotā thā, kahīn bā-je bajte the. yah cahal-pahal dekhkar Devapriyā kā citta can-cal ho jātā* (P, SS, 101) 'В одном месте играли на музыкальных инструментах и пели, в другом раздавались звуки музыки. При виде такого веселья на сердце у Деваприи становилось беспокойно'; *pahle vah mere pās āyā karte the, ab main unke yahān jāne lagā. yadi ek dīn bhī na jātā, to man udās ho jātā...* (S, P, 43) 'Прежде они имели обыкновение приходить ко мне, а теперь я начал ходить к ним. Если я пропускал (букв. 'не ходил') хотя бы один день, то сердце мое охватывала печаль...'

При таком использовании для финитной формы, равной имперфективному причастию, характерна способность выступать в одном ряду с претеритом. Об этом, кроме последнего из приведенных примеров, где имеется форма претерита *jāne lagā* 'начал ходить', свидетельствует следующий пример: *gānō se melā calā. aur bacchoṅ ke sāth Hāmid bhī jā rahā thā. kabhī sab-ke-sab daurkar āge nikal jāte. phir kist per ke nīce khare hokar sāthvāloṅ kā intazār karte* (P, M 1, 25) 'Процессия двинулась из деревни, и Хамид тоже шел вместе с детьми. Иногда все они бегом вырывались вперед и потом, остановившись под каким-либо деревом, ожидали своих попутчиков'.

Выше упоминалось о том, что форма настоящего времени и форма прошедшего несовершенного времени (имперфект) могут выражать действие, которое находится в процессе конкретного совершения в определенный момент времени. Однако в современном хинди такая функция для этих форм не является основной. Язык хинди выработал специальные формы, назначение которых заключается в выражении действия как процесса, актуального для какого-то определенного момента времени. Они состоят из основы спрягаемого глагола, перфективного причастия глагола *rahnā* 'оставаться' и финитной формы глагола *honā* 'быть'¹⁰. Эти образования, трактуемые в книге А. П. Баранникова как одна из разновидностей сложновербальных глаголов, а именно как дуративные глаголы¹¹, в более новой литературе по хинди включаются в систему финитных форм глагола, объединяемых одним опре-

¹⁰ Подробно такие образования описаны в статье: В. М. Бескровный, *Сочетания глагольных основ хинди с rahnā*, — «Ученые записки ЛГУ», № 279, Серия востоковедческих наук, вып. 9, 1960, стр. 81—103.

¹¹ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 91, 92, стр. 108, 109.

деленным видовым значением¹². В них временное и модальное значения определяются, как и в аналитических образованиях с имперфективным или перфективным причастием, формой глагола *honā* 'быть'. Поэтому комбинация двух первых элементов таких образований может пониматься как причастие особого типа, которое, учитывая его семантическую роль в составе аналитических образований и его значение в случае атрибутивного употребления, мы можем назвать — в отличие от имперфективного и перфективного причастий — дуративным или процессивным. В результате сочетания этого причастия с простой формой настоящего времени или с простой формой прошедшего времени глагола *honā* 'быть' и образуются две глагольные формы, одна из которых обозначает действие как процесс, актуальный для настоящего времени (для момента речи), а другая — действие как процесс, актуальный для какого-то момента в прошлом. Для обозначения этих форм, включаемых в круг форм изъявительного наклонения, используются такие наименования, как настоящее продолженное время и прошедшее продолженное время¹³. Другими возможными наименованиями могут быть настоящее актуальное (или процессивное) и прошедшее актуальное (или процессивное) время. Использование этих форм в их основной функции иллюстрируется следующими примерами: *sahsā ek ādmī ne kahā — pūlis ā rahī hai* (Р, М 2, 78) 'Вдруг один из людей сказал: «Приближается полиция»'; *tīsre pahar kā samay thā. main baithā huā Gītā kā pāṭh kar rahā thā* (S, TY, 132) 'Было уже за полдень. Я сидел и читал «Бхагавадгиту»'.

* * *

Отличие простых форм настоящего и прошедшего времени глагола *honā* 'быть' от соответствующих аналитических форм времени, наблюдаемое при употреблении этого глагола в качестве самостоятельного (полнозначного) или в качестве глагола-связки, состоит прежде всего в том, что простые формы выступают при указании на нечто конкретное, индивидуальное, а аналитические формы служат для выражения высказываний-обобщений. Это можно показать на примере с двумя различными формами настоящего времени глагола *honā*: *main ne kahā «tumhāre dānt bahut acche haiñ»*. *Ānand bolā «hindīyon ke dānt bahut acche hote haiñ»* (КС, НV. 65)

¹² Н. С. Scholberg, *Concise grammar of the Hindi language*, § 121, pp. 9.—93; «A basic grammar...», pp. 56, 58, 92, 93; З. М. Дымшид, *Язык урду*, стр. 79; Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 62, 63.

¹³ Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 62, 63.

«У вас очень хорошие зубы», — проговорил я. «У индийцев [вообще] зубы очень хорошие», — сказал Ананд».

В связи с этим аналитические формы часто употребляются для выражения значения обычности, повторяемости: *pratidin do-dhāt̄ sau ādmī is rog kā śikār hote haiñ...* (KC, AD, 9) '...ежедневно двести — двести пятьдесят человек умирают от этой болезни... (букв. 'бывают жертвой этой болезни')'; *is liye maiñ jab bhī udās hotā thā, is ke pās jātā thā...* (KC, Gar, 106) 'Поэтому всегда, когда мне было грустно, я шел к ней...'

Иногда аналитическая форма настоящего времени и аналитическая форма прошедшего времени глагола *honā* 'быть' сочетаются с причастием смыслового глагола. Тем самым образуются нестандартные для современного хинди финитные формы изъявительного наклонения. Все такие формы передают значение обычности, повторяемости действия, что видно из трех следующих примеров с нестандартной формой настоящего времени, с нестандартным перфектом и нестандартной формой прошедшего актуального времени: *jab aur rāts mīñhī nīñd ke maze lete hote haiñ, to āp nadī ke kināre ūsā kā śṅgār dekhte haiñ* (P, M 4, 77) 'Когда все другие знатные люди [по обыкновению] сладко спят, сам он на берегу реки встречает утреннюю зарю во всей ее красе'; *jab usne vardī pahān rakhī hotī hai, vah barā sundar lagtā hai, parantu vaise vah sundar nahīñ* (NK, 1961, № 6, 6) 'Когда он бывает в форме, тогда он кажется очень красивым, а так он некрасив'; *logoñ ke cehre aur jism par pasīne kī dhārāñ bah rahī hotī thīñ aur ve dhyañmagna hokar Nehrūjī kā bhāṣaṇ sun rahe hote the* (Hindustān, 28.V.1961) '[Всякий раз] по лицам и телам людей струился пот и они с большим вниманием слушали речь Неру'.

Финитная форма глагола *honā* 'быть', представленная имперфективным причастием, также может сочетаться с причастием смыслового глагола (имперфективным, перфективным, дуративным), образуя аналитические формы, передающие значение как изъявительной, так и неизъявительной модальности. Употребление таких форм для выражения изъявительной модальности иллюстрируется следующими примерами: *koī kām kartī hotī, to bār-bār ākar us guldaste ko dekh jātī. kitnī bār use āñkhoñ se lagāyā, kitnī bār use cūmā!* (P, M 4, 95) 'Когда [я] выполняла какую-нибудь работу, то не раз ходила взглянуть на этот букет. Сколько раз я подносила его к своим глазам, сколько раз целовала!'; *phir jo larke bīkūl kore nikalte, athavā jin kā kām adhūrā hotā athavā jinhoñ ne begār ṭālī hotī, un kī jo gat bantī us kī kalpanā kī jā saktī*

hai (A, KS, 216) 'Можно себе представить, какова была участь тех мальчиков, которые или совсем ничего не знали, или не доводили работу до конца, или не проявляли старания'; *jab vah akhroṭ ke per ke nīce baithā huā jūtiyañ banā rahā hotā to us kā bhola aur pavitra cehrā kist deotā jaisā lagtā* (KC, Gar, 135) '[Всякий раз] когда он, сидя под ореховым деревом, изготовлял туфли, его простое и одухотворенное лицо казалось лицом бога'.

При использовании подобных аналитических образований для выражения изъявительной модальности передается, как показывают примеры, значение многократности, повторяемости глагольного действия. В зависимости от того, какое из причастий основного глагола — имперфективное, перфективное или дуративное — выступает в составе аналитической формы, выражается значение фреквентатива несовершенного, совершенного или длительного (продолженного) вида в плане прошедшего времени.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Существует два подхода к истолкованию аналитических форм глагола, в которых вспомогательный глагол *honā* 'быть' выступает в форме будущего времени. Если А. П. Баранников относит эти формы к формам изъявительного наклонения, то другие авторы (Камтапрасад Гуру, Дуничанд, Т. Е. Катенина) выделяют их в особое наклонение, называемое сомнительным (Камтапрасад Гуру, Дуничанд) или предположительным (Т. Е. Катенина). Касаясь семантики выделяемого наклонения, Камтапрасад Гуру пишет: «Глаголом в форме сомнительного наклонения выражается сомнение в отношении какого-либо факта»¹⁴. Т. Е. Катенина дает такое определение: «Формы предположительного наклонения служат для выражения максимальной вероятности действия»¹⁵. В основном здесь речь идет о формах, в построении которых участвует или имперфективное, или перфективное причастие, т. е. о формах, которые А. П. Баранников назвал будущим II и будущим III. Однако участь этих форм в отношении их принадлежности к тому или иному наклонению разделяется также и аналитической формой, содержащей в своем составе так называемое дуративное (процессивное) причастие. Кстати сказать, Дуничанд для пояснения выделяемого им сомнительного наклонения не без основания приводит такой пример: *vah is samay*

¹⁴ К. Guri, *Hindī vyākaran*, § 360(3), pg. 265.

¹⁵ Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 63.

ciṭṭhī likh rahā hogā 'В настоящее время он, вероятно, пишет письмо'¹⁶.

Аналитическая форма, включающая в свой состав имперфективное причастие, чаще всего выражает предположение относительно осуществления действия в настоящем времени: *Khannā ne kahā — tum samajhtī hogī, main̄ barā tyāg kar rahā hūn?* (Y, DD, 256) '«Ты, вероятно, думаешь, что я подвергаю себя большим лишениям?» — сказал Кханна'.

Выражаемое данной формой предположение может относиться и к плану прошедшего времени: *vah apne kāle bāloñ meñ sarsoñ hī kā tel dāltī hogī, kyon̄ki uske mastak par bāloñ ke nīce pasīne ke kārañ tel meñ mil̄ hū mail kī ek rekḥā bañ rahī thī* (A, P, 12) 'Она, должно быть, смазывала свои черные волосы горчичным маслом, потому что пот оставал на ее лбу тонкую полоску маслянистой грязи'.

Как видим, при выражении данной формой предположения временной план действия выявляется из контекста и в отношении передачи видо-временного значения она сопоставима или с формой настоящего времени, или (что бывает реже) с формой прошедшего несовершенного времени (имперфектом) изъявительного наклонения.

Однако форма, образованная от глагола *ānā* 'приходить', представляет собой исключение из этого общего правила, поскольку ею передается предположение, касающееся ближайшего будущего: *abhi kuch to baiṭhiye! bhaiyā āte hoñge, — Yaminā ne āgrah kiyā...* (Y, DK, 206) 'Посидите же еще немного! Сейчас брат, наверное, придет, — настаивала Ямуна...'

Форма с перфективным причастием выражает предположение относительно осуществления действия в прошлом: *tumheñ yahāñ kām karte kitne dīn hue? sāl-bhar to huā hī hogā?* (P, M 2, 193) 'Сколько времени вы здесь работаете? Вероятно, прошел уже целый год?'; *Pyārelāl baiṭhe intazār karte socte rahe, kahīñ aṭak gaye hoñge, āte hoñge* (SB, 89) 'Пьярелал сидел в ожидании и думал: «Должно быть, застрял где-нибудь. Сейчас, наверное, придет»'; *tagar bīs kadam bhī na gayā hūngā kī khānsāmā ne ākar mujhe pakāṛ liyā...* (P, KK, 57) 'Но не успел я пройти и двадцати шагов, как меня настиг буфетчик'.

Из приведенных примеров явствует, что в зависимости от контекста данная форма сопоставима или с претеритом, или с перфектом, или с плюсквамперфектом, т. е. с одной из

¹⁶ Dunicand, *Hindī vyākaraṇ*, pratham saṅskaraṇ Hoṣiyārpur, samvat 2007, p. 144.

форм изъявительного наклонения, образованных при помощи перфективного причастия.

Третья аналитическая форма, т. е. форма, включающая в свой состав дуративное причастие, обычно выражает предположение относительно такого действия, процесс осуществления которого мыслится актуальным для настоящего момента: *mijhe paisē jald dījīe, merā bhāt intazār kar rahā hogā* (KC, T, 73) 'Пожалуйста, отдайте мне побыстрее деньги, [а то] мой брат, вероятно, ждет [меня]'. Встречаются, однако, случаи (хотя и значительно реже), когда в предложениях с этими формами отмеченное предположительное значение не наблюдается. Это имеет место, во-первых, при сообщении о будущем. Так, в одном из приводимых ниже примеров форма с имперфективным причастием обозначает будущее незаконченное действие, в другом примере форма с перфективным причастием обозначает будущее законченное действие, которое мыслится предшествующим другому будущему действию: *use viśvās thā, Hariś kahīn na kahīn yah sab dekhtā hogā aur ākhīr apnī bhūl samajh pāy-gā* (Y, DK, 187) 'Она была уверена в том, что где-нибудь Хариш будет видеть все это и в конце концов поймет свою ошибку'; *...us kā anubhav to vahī karegā, jo kabhī jel gayā hogā* (P, KK, 33) '...это поймет лишь тот, кто когда-либо [сам] попадет в тюрьму'.

Во-вторых, отмеченное предположительное значение не обнаруживается и тогда, когда речь идет о действиях, относимых к плану настоящего или прошедшего времени. Это наблюдается в вопросительных предложениях при выражении сильного сомнения относительно реальности того, о чем спрашивает говорящий, или при выражении вопроса относительно неясного для говорящего обстоятельства, факта и т. п.: *kyā yah striyān tīr kamān calānā nahīn jāntī hoṅī?* (MN, 17) 'Разве эти женщины не умеют стрелять из лука?'; *...mrtyu ke samācār se us kā hāl kyā huā hogā?* (Y, DK, 44) '...что стало с ней по получении известия о [его] смерти?'; *vah becārī kis prakār jīvan kī gharīyān bitā rahī hoṅī?* (Y, DD, 191) 'Как она, бедняжка, проводит часы своей жизни?'

Итак, можно констатировать следующее:

1) модальное и временное значение форм, образованных путем сочетания причастия основного глагола с формой будущего времени глагола *honā* 'быть', обычно выявляется из контекста;

2) эти формы преимущественно служат для выражения значения, которое в русском языке передается формами изъявительного наклонения при использовании таких слов и сло-

восочетаний, как *вероятно, наверное, должно быть*, указывающих на то, что предположение граничит с уверенностью в осуществлении (неосуществлении) глагольного действия;

3) при выражении подобного значения, которое мы называем предположительным, эти формы диффузно передают те временные значения, для передачи каждого из которых в системе изъявительного наклонения существует особая форма;

4) при этом данные аналитические формы в отношении выражаемого с их помощью характера протекания действия не отличаются от других аналитических форм глагола, образованных при участии соответственно имперфективного, перфективного или дуративного причастия, что свидетельствует о противопоставлении этих форм друг другу в первую очередь по видовому признаку;

5) отмеченное выше предположительное значение часто не передается при выражении вопроса или же при отнесении глагольного действия к плану будущего времени.

На этом основании можно заключить, что в семантическом отношении анализируемые глагольные формы имеют ряд общих черт с аналитическими формами, относимыми к сослагательному и условному наклонениям. Ведь формы каждого из этих двух наклонений характеризуются выражением определенного модального значения, нечеткостью в передаче временных отношений по сравнению с формами изъявительного наклонения, противопоставлением друг другу по видовому признаку. Следовательно, выведение анализируемых глагольных форм за пределы изъявительной модальности подсказывается самим языковым материалом.

Но при выделении этих форм в особое наклонение возникает вопрос об отнесении к этому наклонению и формы будущего времени глагола *honā* 'быть', которая семантически характеризуется теми же чертами и, как можно полагать, играет свою роль в формировании модального значения данных форм.

В частности, с помощью формы будущего времени глагола *honā* 'быть' может быть передано предположительное значение в плане настоящего или прошедшего времени, например: *āo uṭho, khāne ke kamre meñ āo, vahāñ pitā jī ke sīvā is samay aur koī na hogā* (Y, DK, 36) 'Ну-ка, поднимайся. Иди в столовую. Сейчас там, наверное, нет никого, кроме отца'; *maiñ udās rahne lagā. us samay merī umr bārah varṣa ke lagbhag hogī* (S, SS, 51) 'Я загрустил. В то время мне, наверное, было лет двенадцать'.

В вопросительном же предложении данное предположительное значение может отсутствовать: *us ne pūchā, Māñḍū*

meñ kyā bahut striyoñ ke pās hoñge aise gahne-kapre? (MN, 238) 'Разве у многих женщин в Манру есть такие украшения и одежда?'—спросил он'.

Тот факт, что данная форма глагола *honā* 'быть' обуславливает формирование предположительного значения в аналитических формах, наглядно проявляется в следующем примере: *Suratī ne kahā, «antim samay tak apne pati kā nām us kī zabān par rahā. kyōñ mīs sāhab, Khannā sāhab bhī us se itnā hī pyār karte hoñge».*—«*hoñge kyā, karte haiñ*», *Sultānā ne Rašīdā kī kalāī choṛkar kahā, «Lakṣmī ko to marnā hī isī liye sugam ho gayā»* (A, P, 83) 'Сурати сказала: «До последнего мгновения своей жизни она повторяла имя мужа. Как, по-вашему, мисс? Вероятно, господин Кханна любит ее так же сильно».—«Почему „вероятно“? Действительно любит,—проговорила Султана, отпустив руку Рашиды,—поэтому Лакшми и умерла без мучений»'.

Здесь налицо противопоставление по смыслу между *karte hoñge* — одной из анализируемых нами аналитических форм и *karte haiñ* — формой настоящего времени изъявительного наклонения, причем оказывается допустимым перевод формы будущего времени глагола *honā*, взятой отдельно от причастия, через 'вероятно'.

Следовательно, форму будущего времени от глагола *honā* 'быть' нельзя рассматривать в отрыве от аналитических форм, в построении которых она принимает участие. При этом намечаются три подхода к решению вопроса о характере всех этих форм, из которых каждый исключает правомерность двух других: а) рассматривать все эти формы в пределах изъявительного наклонения; б) считать их принадлежащими к особому наклонению, отличному от изъявительного; в) признать факт существования грамматической омонимии, затрагивающей формы изъявительного наклонения и формы наклонения, отличного от изъявительного.

Взгляд, согласно которому в каждой из этих форм по сути дела совпадают две различные формы, принадлежащие к двум различным наклонениям, представляется неприемлемым на том основании, что легко можно проследить существование семантической связи между значением будущего времени в аспекте изъявительной модальности и значением предположительности в плане настоящего или даже прошедшего времени. Для подтверждения этого можно обратиться к доводам общелингвистического порядка.

Так, из всех времен изъявительного наклонения будущее время в большей степени подвержено проникновению в значение его форм таких оттенков, как предположение, вероят-

ность, потому что глагол в форме будущего времени означает действие, которого пока еще нет и представление о котором в связи с этим легко может сопровождаться оттенком сомнения и т. п.¹⁷. «С формами изъявительного наклонения (в сфере будущего времени), — отмечает В. В. Виноградов, — связаны также оттенки предположительности, потенциальности действия, субъективной готовности к действию»¹⁸. Но этим общим замечанием нельзя ограничиться, когда речь идет о модальном значении аналитических форм хинди, содержащих вспомогательный глагол в форме будущего времени.

Аналитические формы глагола, образованные посредством соединения причастия со вспомогательным глаголом, восходят к сочетанию самостоятельных слов — причастия и финитной формы глагола. В подобном сочетании тот временной план, которым характеризуется содержание высказывания, определяется финитной формой. Поэтому при сочетании причастия с формой будущего времени действие, обозначенное причастием, соотносится с планом будущего времени в общих чертах независимо от того, когда оно реально совершается. В некоторых языках подобные сочетания могут получить значение будущего времени. Так, в польском языке причастие прошедшего времени образует с глаголом семантики «быть» в форме будущего времени единую аналитическую форму со значением будущего времени (*będę miał* 'буду иметь'¹⁹).

В хинди же смысловой глагол, выступающий в составе рассматриваемых аналитических образований в форме одного из причастий, преимущественно обозначает такое действие, совершение которого мыслится в плане настоящего или прошедшего времени. Но при этом данное действие остается соотносенным и с планом будущего времени в том смысле, что его осуществление может стать очевидным фактом только в будущем. Отсюда и вытекает то значение, которое нами квалифицировалось как предположительное. Поясним сказанное на следующем примере: *maiñ kañ din se muhalle meñ gayi bhī nahīñ, ab acchā ho gayā hogā* (А, Р, 56) 'Я несколько дней не ходила в [этот] квартал. [Ребенок] теперь,

¹⁷ Примечательно то, что Курилович считает форму будущего времени наклонением, противопоставляемым в модальном отношении формам настоящего и прошедшего времени. См. Jerzy Kuryłowicz, *Aspects et temps dans l'histoire du persan*, — «Rocznik Orientalistyczny», t. XVI, Kraków, 1953, pp. 532—533.

¹⁸ В. В. Виноградов, *О категории модальности и модальных словах в русском языке*, — «Труды Института русского языка», т. II, 1950, стр. 50.

¹⁹ А. А. Потехина, *Из записок по русской грамматике*, ч. I—II, Харьков, 1888, стр. 293.

Наверное, уже выздоровел'. Здесь говорящий, с одной стороны, утверждает, что данное действие осуществилось — 'выздоровел'. Однако, с другой стороны, он отдает себе отчет в том, что такое утверждение может и не соответствовать действительности, поскольку только в будущем может подтвердиться его правильность для того временного момента, к которому говорящим относится действие.

Такое понимание высказывания обусловлено тем, что вспомогательный глагол, участвующий в построении аналитической формы, выступает в форме будущего времени, а не в форме настоящего или прошедшего времени. Это же в свою очередь говорит о том, что различные значения анализируемых форм (будущность в аспекте изъявительной модальности, предположительность) связаны друг с другом в синхронном плане. Следовательно, нельзя считать, что в каждой из рассматриваемых форм реализуется явление грамматической омонимии, затрагивающей два различных наклонения, т. е. все они могут принадлежать только к одному наклонению.

Чем же эти формы отличаются семантически от других форм, относимых всеми грамматистами к изъявительному наклонению? Ответ на этот вопрос можно получить лишь в результате обобщения всех случаев их использования. При таком подходе обнаруживается, что в любом случае своего употребления каждая из форм служит для выражения такого действия, реальность которого неочевидна (недостоверна): а) в применении к плану настоящего или прошедшего времени общее значение неочевидности проявляется в виде значения предположения; б) совершение действия в будущем не может быть очевидным в силу самого характера временной отнесенности; в) в вопросе спрашивается обычно о том, что для говорящего не является очевидным фактом.

Свойственное данным формам общее значение неочевидности, относящейся к реальности действия, может быть выявлено и на основании анализа только тех случаев их использования, когда предложениями передается предположительное значение. В этой связи показательны примеры, в которых содержатся слова, лексически определяющие модальность глагольного действия: *bhāī jān śāyad abhī Lāhaur hī meñ hoṅge...* (KC, T, 66) 'Возможно, брат находится еще в Лахоре...'; *zarūr vahāñ ādmī rahte hoṅge* (P, KK, 67) 'Несомненно, там живут люди'; *śok, khījh aur bebaśī kī aīśī karuṇ mūrti śāyad hī kīśī ne dekhī hogī* (S, N, 118) 'Вряд ли кто-нибудь видел столь скорбное воплощение печали, гнева и беспомощности'; *vah avaśya pūjā kar rahī hogī* (JS, 167) 'Она, конечно, совершает молитву'.

Способность анализируемых глагольных форм выступать в предложении совместно с такими словами, как *śāyad* 'возможно', 'может быть', 'вероятно', *zarūr*, *avaśya* 'конечно', 'несомненно', 'непременно', *śāyad hi* 'едва ли', 'вряд ли', свидетельствует о том, что назначение этих форм не состоит в выражении какого-либо частного из предположительных значений в диапазоне от несомненности до вероятности осуществления действия. Они являются как бы нейтральными по отношению к тому, какое именно из слов, указывающее на предположительное значение, выступает в предложении. Данные формы сосуществуют в языке с глагольными формами, принадлежность которых к изъявительному наклонению ни у кого не вызывает сомнения, и это не может не подтвердить того, что назначение анализируемых форм заключается в выражении неочевидности по отношению к реальности действия.

Итак, неочевидность по отношению к реальности глагольного действия — вот общее значение формы будущего времени глагола *honā* 'быть' и аналитических форм, образованных с ее участием. В связи с этим возникает вопрос, в какой мере можно говорить о выделении всех рассмотренных форм в особое наклонение, отличное от изъявительного. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, какое место занимало бы это наклонение среди других наклонений хинди. Допустим, что данные формы образуют особое наклонение. Нетрудно заметить, что это наклонение семантически тяготеет к изъявительному наклонению, поскольку выражаемое им значение неочевидности относится лишь к реальности глагольного действия. Оно, следовательно, должно противопоставляться всем остальным наклонениям по тем же признакам, по каким им противостоит изъявительное наклонение. Таким образом, выражаемое значение неочевидности не обеспечивает данному наклонению равноправного места среди противопоставляемых друг другу остальных наклонений. Иными словами, анализируемые глагольные формы не имеют достаточной семантической опоры для выделения в особое наклонение, которое было бы равноправным с другими наклонениями. Поэтому сохраняется возможность рассматривать их в пределах изъявительного наклонения в качестве специального средства выражения неочевидности, тем более что в плане будущего времени ими передается изъявительная модальность, а значение предположительности, в силу которого исследователи склоняются к выделению их в особое наклонение, представляется связанным со значением будущего времени в синхронном плане.

Интерпретации этих форм как особого наклонения способ-

ствует то, что, будучи формами, служащими для передачи значения неочевидности, они в целом однотипны по своему строению с другими формами, выражающими косвенную (не изъявительную) модальность, например с формами сослагательного наклонения и формами, объединяемыми в условном наклонении. Однако невозможность исключить из числа форм изъявительного наклонения форму будущего времени глагола *honā* 'быть', объединенную, как известно, в значении будущего времени с аналогичной формой любого другого глагола, препятствует в какой-то мере выделению рассматриваемых форм в особое наклонение.

Следовательно, если признавать существование в хинди особого наклонения, которое правильнее было бы истолковывать как наклонение неочевидного действия, нужно учитывать, что данное наклонение не является равноправным среди других наклонений хинди ни семантически, ни в полной мере формально.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Среди финитных форм языка хинди отчетливо выделяется девять форм, выступающих при сообщении о действии, осуществление которого представляется фактом действительности. Эти формы следующие: 1) будущее время (футурум), 2) настоящее общее время (презенс), 3) настоящее актуальное время (актуальный презенс), 4) прошедшее несовершенное время (имперфект), 5) актуальный имперфект, 6) прошедшее совершенное время (претерит), 7) настоящее совершенное время (перфект), 8) давнопрошедшее время (плюсквамперфект), 9) имперфект регулярной повторяемости.

В зависимости от того, с каким временным планом соотносится выраженное глаголом действие — с планом будущего, настоящего или прошедшего времени, — эти формы подразделяются на три группы, находящиеся между собой в отношении равнозначного противопоставления. К первой из этих групп принадлежит форма будущего времени, вторую группу составляют презенс и актуальный презенс, а в третью группу форм входят имперфект, актуальный имперфект, претерит, плюсквамперфект и имперфект регулярной повторяемости. Перфект же занимает несколько своеобразное положение: в силу того, что результат выраженного им действия представляется актуальным для настоящего времени, он примыкает ко второй группе, но поскольку осуществление выраженного им действия связывается с планом прошедшего времени, он обладает также свойством форм третьей группы.

По признаку перфективности—имперфективности упомянутые выше формы изъявительного наклонения делятся на две группы, находящиеся между собой в отношении антонимического противопоставления. В группу форм, сигнализирующих о завершенности действия, входят претерит, перфект и плюсквамперфект; вторую группу форм составляют презенс, актуальный презенс, имперфект, актуальный имперфект и имперфект регулярной повторяемости. В противоположность каждой из этих форм форма будущего времени оппозицией по признаку перфективности—имперфективности не затрагивается.

Среди форм, обладающих признаком перфективности, перфект и плюсквамперфект находятся в отношении антонимического противопоставления, так как перфект сигнализирует об актуальности результата осуществленного действия для настоящего времени, а плюсквамперфект — о неактуальности такого результата для настоящего времени. В противоположность перфекту и плюсквамперфекту претерит оставляет данный признак актуальности—неактуальности невыраженным. Существенна также противопоставленность плюсквамперфекта претериту, имеющая место в связи с тем, что плюсквамперфект указывает на предшествование действия в плане прошлого, а претерит таким свойством не обладает.

Среди форм, характеризующихся признаком имперфективности, актуальный презенс и актуальный имперфект сигнализируют о конкретном действии, протекающем в данный момент (соответственно в плане настоящего или прошедшего времени), а форма настоящего общего времени (презенс) и имперфект оставляют признак актуальности протекания действия в данный момент невыраженным. Существенна противопоставленность имперфекта имперфекту регулярной повторяемости. Она обусловлена тем, что имперфект в отличие от имперфекта регулярной повторяемости оставляет невыраженным такой смысловой момент, как обычность, повторяемость действия в прошлом.

Среди форм, соотносящих действие с планом прошедшего времени, претерит и в какой-то мере имперфект регулярной повторяемости характеризуются повествовательной функцией.

По своему строению презенс, перфект, актуальный презенс, имперфект, плюсквамперфект и актуальный имперфект являются аналитическими формами. При образовании первых трех из них причастие основного глагола (имперфективное, перфективное или так называемое дуративное) сочетается с простой формой настоящего времени вспомогательного глагола *hona* 'быть'. В построении же остальных из перечисленных форм участвует простая форма прошедшего времени этого глагола.

При посредстве сложной формы настоящего времени и сложной формы прошедшего времени глагола *honā* 'быть', а также при посредстве формы этого глагола, представленной имперфективным причастием, образуются нестандартные для современного хинди аналитические формы, которые в семантическом плане характеризуются значением обычности, повторяемости действия.

Те же аналитические формы, которые образуются путем сочетания формы будущего времени глагола *honā* 'быть' с причастием основного глагола, обладают общим значением неочевидности по отношению к реальности глагольного действия, значением, присущим и форме будущего времени глагола *honā* 'быть'. Форма, содержащая перфективное причастие, противопоставляется по признаку перфективности—имперфективности двум другим аналитическим формам. Из этих последних форма с дуративным причастием сигнализирует о действии, протекающем в данный момент, а форма, включающая в себя имперфективное причастие, таким свойством не обладает. Выражаемое значение неочевидности не является в полной мере достаточным для того, чтобы выделить в хинди особое, отличное от изъявительного наклонение, которое занимало бы равноправное место среди противопоставляемых друг другу остальных наклонений.

ГЛАВА II

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

С точки зрения строения в сослагательном наклонении языка хинди можно выделить четыре формы, одна из которых (простая форма) строится синтетически, а три остальные аналитически.

Простая форма сослагательного наклонения образуется путем прибавления личных окончаний к основе глагола: для 1, 2 и 3-го лица единственного числа соответственно *-ūñ*, *-e* и *-e*, для 1, 2 и 3-го лица множественного числа — *-eñ*, *-o* и *-eñ*.

Спряжение глагола *bolnā* 'говорить' в простой форме сослагательного наклонения выглядит следующим образом:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>bolūñ</i>	<i>boleñ</i>
2-е л.	<i>bole</i>	<i>bolo</i>
3-е л.	<i>bole</i>	<i>boleñ</i>

Как видим, формы 2-го и 3-го лица единственного числа, а также формы 1-го и 3-го лица множественного числа не отличаются друг от друга.

При образовании простой формы сослагательного наклонения от глаголов, основа которых оканчивается на долгий гласный звук, между основой и личными окончаниями может выступать в зависимости от фонетических условий эвфонический губной звук *v*, обозначаемый на письме деванагари буквой *ṽ*, или же среднеязычный щелевой сонант *u*, обозначаемый на письме буквой *ṽ*. Эвфонический звук *v* всегда выступает перед окончаниями *-e* и *-eñ* простой формы сослагательного наклонения с конечным гласным основы *e*, если этот гласный не исчезает. Звук *u* выступает исключительно в формах 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 3-го лица множественного числа, в особенности после конечного

основы *ā*. При таком характере основы наличие звука у нередко сопровождается тем, что гласный окончания *-e* исчезает, а на месте окончания *-eñ* выступает *-añ*. В простой форме сослагательного наклонения при отсутствии эвфонического звука *ʋ* конечные долгие гласные основы *ī* и *ī̄* становятся краткими. Для глаголов *lenā* 'брать' и *denā* 'давать' характерно, что гласный основы *e* обычно исчезает при образовании простой формы сослагательного наклонения и личные окончания присоединяются к остальной части основы.

Парадигма спряжения глагола *honā* 'быть', участвующего в построении аналитических форм глаголов хинди, в простой форме сослагательного наклонения имеет следующий вид (в скобках приводятся реже встречающиеся формы):

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>hoīñ</i> или <i>hoñ</i>	<i>hoñ</i> (<i>hoveñ</i>)
2-е л.	<i>ho</i> (<i>hove</i>)	<i>ho</i> (<i>hoo</i>)
3-е л.	<i>ho</i> (<i>hove</i>)	<i>hoñ</i> (<i>hoveñ</i>)

Как видим, образование наиболее употребительных форм лица от глагола *honā* несколько отступает от общего правила.

Аналитические формы сослагательного наклонения образуются путем сочетания причастия того или иного вида от смыслового глагола с простой формой сослагательного наклонения от вспомогательного глагола *honā* 'быть'. В зависимости от того, какое причастие — имперфективное, перфективное или дуративное — участвует в образовании аналитической формы сослагательного наклонения, для языка хинди можно выделить следующие аналитические формы сослагательного наклонения: имперфектив, перфектив и дуратив. Причастие, входящее в состав аналитической формы сослагательного наклонения, претерпевает изменения по правилам согласования, действующим в хинди, в зависимости от рода, а в мужском роде в зависимости и от числа имени. Перфектив сослагательного наклонения от переходных глаголов обуславливает использование конструкции с послелогом *pe*.

О генезисе сослагательного наклонения современного литературного хинди

Происхождение личных окончаний простой формы

А. П. Баранников в работе «Флексия и анализ в новоиндийских языках» отмечает, что простая форма сослагатель-

ного наклонения хинди является остатком старых флективных форм¹. С этим нельзя не согласиться. В конце XIX в. в работах Бимза, Хернле, Грирсона было высказано мнение, что личные окончания сослагательного наклонения хинди и аналогичные им окончания других современных индоарийских языков восходят к окончаниям настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога древнеиндийского языка и пракрита². В частности, Грирсон отмечает, что из многочисленных флективных форм древнеиндийского языка и пракрита в новоиндийских языках сохранились лишь форма настоящего времени и форма будущего времени³. Касаясь происхождения простой формы сослагательного наклонения, Грирсон в своем знаменитом труде «Лингвистический обзор Индии» пишет следующее: «Время, которое в хиндустани часто называется аористом и которое обычно употребляется как настоящее время сослагательного наклонения, в действительности представляет собой старое настоящее время изъявительного наклонения, получившее специфическое значение»⁴. Этой же точки зрения придерживались лингвисты, занимавшиеся вопросами грамматики хинди и урду⁵.

Ознакомление с работами, в которых затрагивается вопрос об изменениях в окончаниях настоящего времени изъявительного наклонения по мере развития языка от древнеиндийской стадии до современного, позволяет констатировать следующее:

1. При выведении простой формы сослагательного наклонения хинди и соответствующих ей форм других новоиндийских языков из формы настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога ученые отмечают возможность обусловленности фонетического состава отдельных глагольных окончаний такими факторами: а) влиянием местоименного элемента (формы личного местоимения), б) влиянием формы вспомогательного глагола, в) уподоблением одних личных форм глагола другим и формированием форм лица по аналогии, г) изменением в процессе развития языка грамматического значения какой-либо формы.

2. Прослеживается восхождение личных окончаний простой

¹ «Ученые записки ЛГУ», № 98, 1949.

² См., например: R. Hoernle, *A comparative grammar of the Gaudian languages with special reference to the Eastern Hindi*, London, 1881, pp. 332—337.

³ G. A. Grierson, *On the radical and participial tenses of the modern Indo-Aryan languages*, — JASB, vol. LXIV, 1895, p. 353.

⁴ G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, vol. IX, pt 1, p. 73.

⁵ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 631, pp. 342—343; C. J. Lyall, *A sketch of the Hindustani language*, Edinburgh, 1880, p. 44.

формы сослагательного наклонения хинди к окончаниям апабхрانشа: 1-е л. ед. ч. $-\ddot{u}ñ < -a\ddot{u}ñ$, 2-е л. ед. ч. $-e < -ahi$, 3-е л. ед. ч. $-e < -a\ddot{i}$, 2-е л. мн. ч. $-o < -ahu$, 3-е л. мн. ч. $-eñ < -ahiñ$.

3. Ряд окончаний апабхрانشа можно считать непосредственно восходящими к окончаниям древнеиндийского языка: $-ahi$ ($< -asi$ или $< -adhi$), $-a\ddot{i}$ ($< -ati$), $-ahu$ ($< -athas$ или $< -atha\infty u$).

4. В целом же настоящее время изъявительного наклонения древнеиндийского и среднеиндийского языка следует рассматривать как основу, послужившую для образования сослагательного наклонения хинди, при обязательном учете того, что на формирование отдельных личных окончаний, помимо непрерывного процесса фонетического изменения, могли оказать влияние и другие факторы, нефонетические по своему характеру.

Существование генетической связи между простой формой сослагательного наклонения современного литературного хинди и соответствующими формами других новоиндийских языков и диалектов, с одной стороны, и древнеиндийским и среднеиндийским презенсом индикатива — с другой, подтверждается данными, касающимися семантики интересующих нас форм в различных языках и диалектах.

Формы, объединенные общностью происхождения с простой формой сослагательного наклонения современного литературного хинди, имеются и в других индоарийских языках и диалектах. Во многих языках и диалектах ими выражается значение изъявительного наклонения.

Та форма, которую мы в применении к современному литературному хинди называли простой формой сослагательного наклонения, в старом хинди имеет значение настоящего времени изъявительного наклонения, о чем свидетельствует язык «Адигрантха», например: *sabh sriṣṭi karai jaikārā* (Gr S2, 621) 'Все живое провозглашает здравицу'. Ее употребление в этом же значении можно встретить и в языке Лаллу джи Лала: *rahā Nārāyaṇ so sangrām nahīñ jāne* (PS, 20) 'Остался лишь Нараян, но он не понимает воинского дела'.

В произведении «Прем Сагар» Лаллу джи Лал нередко использует эту форму при сообщении об обычных действиях, относимых к плану прошедшего времени. По всей вероятности, такое употребление данной формы обуславливается ее способностью выступать в функции настоящего исторического времени: *aise jab putra hūy tab Basudev le āveñ au Kans mār dāle* (PS, 13) 'Так всякий раз, когда рождался сын, Васудев его приносил, а Канса убивал'.

В произведении Лаллу джи Лала «Байताल-пачиси» эта

форма от глаголов *dekhnā* 'видеть', 'смотреть' и *cāhnā* 'желать', 'хотеть' выступает при сообщении об однократном действии, относимом к прошлому: *yah vahān jākar dekhe, to vuh mīl hūl parī hai* (BP, 331) 'Придя туда, он увидел, что она лежит мертвая'; *cāhe ki us meñ āg dilvāve...* (BP, 222) 'Уже готова была зажечь его...' Она сохраняет свое значение настоящего времени в ряде пословиц современного хинди: *cor ko cor hī pahcāne* 'Уж вор-то знает вора' (ср. «Рыбак рыбака видит издалека»).

Кроме того, в современном хинди обнаружено употребление этой формы при сообщении о быстро сменявшихся друг друга, повторявшихся в прошлом действиях, т. е. при выражении такого значения, для передачи которого в русском языке допускается использование будущего совершенного времени: *maiñ parā-parā soc rahā thā ki is prem-patra kā kyā karūñ? ek dil kare ki is ko phāṛ dūñ aur is ke tukre nahar meñ pheñk dūñ. phir socūñ, oh! maiñ kitnā kaṭhor hūñ* (NK, 1961, № 5, 26) 'Лежа я думал о том, что мне делать с этим любовным письмом. То вдруг у меня появится желание порвать его и выбросить клочки в канаву, то подумаю: «О боже! Какой я жестокий...»'

Общие предпосылки возникновения сослагательного наклонения в хинди

Переосмысление прежней формы настоящего времени изъявительного наклонения в модальном отношении не могло не находиться в связи с «размыванием» ее временного значения. В хинди данная форма уже выделилась из изъявительного наклонения и явилась основой нового наклонения.

К периоду появления новоиндийских языков система древних флективных форм времени была уже утрачена. Пишель указывает, что в пракритах значения древнего имперфекта, аориста, перфекта выражались при помощи причастия в сочетании с глаголом семантики «быть»⁶. Новоиндийские языки начали свое развитие, унаследовав из форм, восходящих к древнеиндийскому языку, лишь флективные формы настоящего и будущего времени. Поскольку процесс развития причастных образований, заменяющих древние флективные формы времени, продолжался, то во многих индоарийских языках значение настоящего времени в плане изъявительной модальности стало выражаться посредством сочетания имперфек-

⁶ R. Pischel, *Grammatik der Prakrit-Sprachen*, «Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde», Bd 1, Hft 8, Strassburg, 1900), S. 321.

тивного причастия с вспомогательным глаголом. Это относится и к языку хинди.

Вместе с тем при переходе к новоиндийским языкам было утрачено так называемое желательное наклонение (оптатив), которое в древнеиндийском и среднеиндийском языке имело примерно такие же функции, как сослагательное наклонение в современном литературном хинди. По свидетельству Шпейера, в санскрите это наклонение служило для выражения желания, требования, просьбы, возможности, вероятности, условия, сомнения, невозможности и широко употреблялось также в придаточных предложениях цели и следствия, в придаточных предложениях условных и в придаточных предложениях, выражающих содержание общего характера⁷. В среднеиндийском языке это наклонение «выражает следующие модальные значения: 1) возможность, 2) долженствование или уместность, 3) решимость или волю, 4) пожелание, желание или надежду, 5) вопрос, 6) обычность»⁸.

В связи с утратой этого наклонения в новоиндийских языках стала ощущаться необходимость в глагольной форме, которая бы выражала косвенную модальность. Отвечая этому требованию, в ходе языкового развития на базе прежнего презенса, значение которого стало передаваться причастным образованием, в хинди возникла простая форма сослагательного наклонения.

Следовательно, переосмысление в модальном плане прежней формы настоящего времени изъявительного наклонения не может не находиться в связи с тем, что: 1) функцию выражения значений настоящего времени (и других времен) взяли на себя причастные образования, развитая система которых характерна для новоиндийских языков; 2) в период перехода от среднеиндийских языков к новоиндийским исчезает так называемое желательное наклонение (оптатив), восходящее к древнеиндийскому языку и служившее для выражения примерно таких модальных значений и оттенков, которые в хинди выражаются при помощи сослагательного наклонения.

Что же касается аналитических форм сослагательного наклонения хинди, то их возникновение связано с общим процессом развития причастных образований в системе финитных форм глагола хинди, с процессом развития, затронувшим и сферу глагольных форм, передающих косвенную модальность.

⁷ J. S. Speyer, *Vedische und Sanskrit Syntax*, — «Grundriss der Indoarischen Philologie und Altertumskunde». Bd 1, Hft 6, Strassburg, 1896, S. 58.

⁸ Sukumar Sen, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, p. 100.

Выше было отмечено, что в образовании аналитических форм сослагательного наклонения принимает участие простая форма сослагательного наклонения глагола *honā* 'быть'. Эта форма возводится грамматистами к форме настоящего времени изъявительного наклонения древнеиндийского глагола *√bhū* 'быть', 'становиться', тогда как форма настоящего времени изъявительного наклонения глагола *honā* связывается в генетическом отношении с формой настоящего времени глагола *√as* 'быть', 'существовать'⁹.

Таким образом, построение аналитических форм сослагательного наклонения хинди основывается на сочетании причастий смыслового глагола с формой прежнего презенса индикатива глагола семантики «быть», модифицированной, видоизмененной в модальном отношении.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Вопрос об использовании форм сослагательного наклонения в хинди и о модальных оттенках, выражаемых с их помощью, заслуживает серьезного внимания. По своей употребительности в хинди сослагательное наклонение уступает только изъявительному. Однако в имеющихся грамматиках хинди (и урду) данный вопрос не получил исчерпывающего описания: ряд случаев использования сослагательного наклонения выпадает из поля зрения авторов или получает неверное толкование. Более того, подход грамматистов к выявлению случаев употребления сослагательного наклонения (а также и других наклонений) не всегда представляется правильным. В частности, нельзя считать оправданным стремление Плэттса рассматривать так называемый аорист (простую форму сослагательного наклонения) в качестве формы, представляющей два различных наклонения: индикатив и субъюнктив¹⁰. Освещение вопроса об использовании форм сослагательного наклонения имеет и другие недостатки. Уместно отметить основные из них.

Во-первых, при указании на различные модальные значения и оттенки, выражаемые с помощью сослагательного наклонения, в грамматической литературе не отмечаются те моменты, которые оказываются свойственными предложению при выражении данного модального значения или оттенка.

Во-вторых, не всегда проводится различие между упот-

⁹ C. J. Lyall, *A sketch of the Hindustani language*, pp. 51—53; S. H. Kellogg, *A grammar...*, pp. 232, 347—348; J. T. Platts, *A grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874, p. 143.

¹⁰ J. T. Platts, *A grammar...*, pp. 343, 361.

реблением сослагательного наклонения в независимом предложении¹¹ и придаточном.

В-третьих, недостаточное внимание обращается на общность модальной характеристики простой формы и аналитических форм сослагательного наклонения, а также на расхождения, существующие между простой формой и аналитическими формами в разных случаях их употребления.

Поэтому возникает необходимость при анализе случаев использования сослагательного наклонения указывать на те моменты, свойственные предложению, которые обуславливают передачу именно данного модального значения или оттенка, а не какого-либо другого, рассматривать употребление этого наклонения в придаточном предложении отдельно от его использования в независимом (не придаточном) предложении, определить сферу применения каждой из форм сослагательного наклонения. Вначале будут отмечены случаи употребления сослагательного наклонения в независимом предложении. При этом представляется целесообразным в основу их разграничения положить семантический критерий, не упуская, однако, из виду характерных признаков предложения при том или ином значении сослагательного наклонения. Вопрос об употреблении сослагательного наклонения в придаточном предложении будет рассматриваться в связи с основными типами связи, существующей между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения.

Употребление форм сослагательного наклонения в независимом предложении

1. Выражение недостоверности содержания сообщения

Формы сослагательного наклонения часто используются в предложениях, выражающих предположение относительно совершения действия, не противопоставляемого действительности. В этом случае предложения по составу характеризуются обычно тем, что они включают в себя такие слова, модальные по своей семантике, как *śāyad*, *kadācit*, *syāt*, *sambhavataḥ*, *tumkin*. Каждое из этих слов, имея в современном литературном хинди значение 'возможно', 'может быть', 'вероятно', указывает на предположительный характер выраженного в предложении знания. Примеры:

¹¹ Под независимым предложением здесь условно имеется в виду или простое предложение, или главная часть (главное предложение) сложноподчиненного предложения, или же одна из частей (одно из предложений) сложносочиненного предложения.

sambhavataḥ is *kām* ke *liye dāktar ko hī Māsko jānā* *parē* (Y, DD, 150) 'Возможно, именно доктору придется поехать в Москву для этой работы'; *śāyad ye mere ūpar na hañs rahī hoñ* (MN, 321) 'Может быть, они смеются не надо мной'; *kuch gāñvāle bhī syāt jānte hoñ* (MN, 28) 'И некоторые жители деревни, возможно, знают [об этом]'; *mun-kin, jaisā sab socte haiñ, unhoñ ne bhī socā ho* (SB, 62) 'Возможно, он подумал так же, как думают [обычно] все'.

Как видим, при выражении недостоверности содержания сообщения могут выступать все четыре формы сослагательного наклонения. В приведенных примерах выражается идея возможности совершения действия, а именно то, что осуществление действия не является достоверным фактом.

В тех случаях, когда упомянутые выше слова, характеризующиеся модальной семантикой, сопровождаются частицей *hī* 'же', 'ведь', высказываемое предположение граничит с отрицанием реализации глагольного действия, т. е. глагол означает маловероятное действие, например: *Maḥāsīnh ko to ka-dācit hī kabhī pahle aise pyāre śabdoñ ke sunne kā avasar milā ho* (P, D, 37) 'Вряд ли когда-нибудь раньше Махасинху довелось слышать такие теплые слова'.

Недостоверность содержания сообщения выражается и предложениями, содержащими глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения, которые включают в свой состав такие слова и фразеологические единицы, как *jāne*, *kyā jā-ne*, *kaun jāne*, *na jāne*, *kyā patā*. Эти слова и фразеологические единицы по своей функции сходны со словами *śāyad*, *syāt* и др. Они имеют значение 'неизвестно', 'как знать': *kaun jāne, ab bhī use dayā ā jāy!* (P, PPh, 49) 'Как знать, может быть, и на этот раз он смилостивится'.

В связи с рассмотрением вопроса об употреблении форм сослагательного наклонения при выражении недостоверности содержания сообщения нельзя не обратить внимания на следующие два обстоятельства.

Во-первых, предположение относительно совершения действия, не противопоставляемого действительности, может быть выражено предложением при отсутствии в нем слова, модального по своей семантике, например: *calūñ, dekhūñ, koī kha-bar āī ho!* (Y, Abh, 104) 'Пойду посмотрю: может быть, пришла весточка'.

Во-вторых, при наличии слов, модальных по своей семантике, недостоверность содержания сообщения часто выражается предложениями, глагол-сказуемое которых стоит в форме изъявительного наклонения. При этом предложение с формой изъявительного наклонения может в модальном отноше-

нии не отличаться заметным образом от предложения с формой сослагательного наклонения, что видно из сравнения двух следующих примеров: *phir main ne socā ki śāyad mujhe bhram ho gāyā hai* (P, JK, 46) 'Потом я подумал: «Возможно, мне показалось»'; *phir socā, śāyad yah bhī bhram ho* (P, JK, 47) 'Потом [я] подумал: «Возможно, [мне] опять кажется»'.

Из этого следует, что при выражении предположения от-носительно совершения действия, не противопоставляемого действительности, модальные по своей семантике слова, будучи включенными в состав предложения, освобождают сослагательное наклонение от его функции передавать значение неизъявительной модальности.

2. Выражение допущения

Глагол, выступающий в какой-либо из форм сослагательного наклонения, может обозначать такое действие, которое мысленно допускается говорящим в качестве соответствующего действительности, например: *koī zindagī bhar parhṭā rahe, magar yah zarūrī nahīn ki vah acchā ejent bhī ho jāy* (P, DB, 6) 'Один может учиться всю жизнь, но это отнюдь не значит, что он станет хорошим агентом'.

Допущение может быть альтернативным. В таком случае в предложении обычно выступает союз *yā* 'или', служащий для выражения разделительных отношений: *bhaiyā kā man kavita kartā ho yā na kartā ho, par tum bhī, bhaujī, sacmic kavi ho* (MN, 314) 'Слагает ли брат стихи или нет, — ты тоже, сестрица, истинный поэт'.

Как видим, модальный оттенок допущения в предложении, содержащем глагол в форме сослагательного наклонения, поддерживается благодаря тому, что далее следует предложение, вводимое обычно противительным союзом, которое по своему смыслу противопоставляется выраженному допущению. Смысловая связь между двумя предложениями напоминает связь между частями сложноподчиненного предложения в случае уступительно-следственного типа их соединения. Однако такой формальный момент, как отсутствие уступительного союза в предложении, выражающем допущение, не позволяет усматривать здесь наличие сложноподчиненного предложения.

3. Выражение нереального сравнения

Формы сослагательного наклонения используются нередко в таких предложениях, которые служат для того, чтобы более образно, наглядно описать какое-либо явление путем его

сравнения с другим явлением. Чаще всего в хинди сравнение передается придаточным предложением. Однако оно может быть выражено и независимым предложением, например: *hāu yah pīrā! māno tīvra lahareṇ taṭ se ṭakrā rahī hoṇ!* (КС, Gar, 43) 'О, эта боль! Словно мощные волны бьются о берег!'; *Baijū ne jaise dekḥā hī na ho* (MN, 428) 'Байджу как будто не заметил этого'.

Примеры показывают, что предложения, выражающие сравнение, включают в свой состав такие слова, как *jaise*, *māno* (*mānoṇ*) 'как будто', 'словно'. Эти слова, выполняющие при подчинении роль союзов, в самостоятельном предложении выступают как модальные частицы. Они являются основным показателем того, что предложением выражается сравнение. Об этом свидетельствует возможность использования форм изъявительного наклонения при выражении нереального сравнения: *Jagatsiṅh ke hrday par jaise kiś ne ghūṅsā mār diyā* (S, TY, 225) 'Словно кто-то ударил кулаком по сердцу Джагатсинха'.

4. Выражение оптативного значения с оттенком опасения

При выражении оптативного значения с оттенком опасения предложения характеризуются тем, что в их начале выступает наречие *kahīṇ* 'где-нибудь', 'куда-нибудь', а при глаголе имеется отрицательная частица *na* 'не': *kahīṇ Lacchamī kī kudṛṣṭi un par na paṛ jāy* (A, P, 94) 'Как бы Лаччхми не сглазила их своим дурным глазом'; *kahīṇ bābū jī bigareṇ na!* (P, N, 100) 'Как бы не рассердился отец!'

В предложениях с данным модальным значением могут быть использованы и аналитические формы сослагательного наклонения, в частности перфектив, например: *vah āj kidhar calī gaī hai? kahīṇ bīmār na ho gaī ho?* (КС, Т, 12) 'Куда же сегодня она запропастилась? Уж не заболела ли она?'

По своему модальному значению приведенные предложения близки к предложениям, выражающим недоверие к содержанию сообщения. В связи с этим Камтапрасад Гуру оба случая употребления сослагательного наклонения относит к одной общей рубрике, объединяющей предложения, выражающие предположение¹². Но предложения, рассматриваемые в данном параграфе, имеют с точки зрения семантики свои особенности. В них сообщается не просто о действии, осуществление которого является недоверенным фактом, а о таком действии, которое вызывает опасение у говорящего.

¹² К. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 593a, p. 459.

Поэтому им свойственно выражение желания, чтобы глагольное действие не осуществилось. В случае отсутствия в предложении наречия *kahīn* отмеченное значение может быть выявлено лишь из контекста: *Khannā khaṛā ho gayā — maiñ dūsrī davāt le āyī. dukāneñ band na ho jāyañ* (Y, DD, 265) 'Кханна встал [и проговорил]: «Я принесу другое лекарство. А то закроются лавки»' (или, точнее: 'как бы не закрылись лавки').

Подобное понимание значения сослагательного наклонения основано на контексте: Кханна отправляется за лекарством в поздний час.

В языке урду рассмотренное модальное значение передается предложениями, в составе которых выступает слово *tabādā*, выполняющее роль эмоционально-экспрессивной частицы: *tabādā havā kā koī tez-o-tund jhoñkā unheñ urā kar le jāye* (KC, HQ, 41) 'Как бы их не унес сильный порыв ветра'.

Отсутствие отрицания при глаголе легко объясняется этимологией слова *tabādā*. Это слово по своему происхождению является формой желательного наклонения (*bādā*) от персидского глагола *būdan* 'быть' с отрицательной частицей *ta* 'не'. Таким образом, налицо сходство между *tabādā* и построением *aisā na ho*, выступающим часто в хинди и урду в качестве главной части сложноподчиненного предложения.

5. Выражение значения необходимости, долженствования

Выше были отмечены такие модальные значения, при выражении которых могут использоваться как простая, так и аналитические формы сослагательного наклонения. В дальнейшем речь будет идти о выражении модальных значений и оттенков, при передаче которых из форм сослагательного наклонения употребляется лишь простая форма. Это касается случаев выражения значения необходимости, долженствования.

Предложения, имеющие данное модальное значение, часто характеризуются тем, что глагол-сказуемое в них имеет форму страдательного залога: *svāyam Jagatsiñh se pūch liyā jāy* (S, TY, 235) 'Надо бы спросить у самого Джагатсинха'.

Другой разновидностью предложений, выражающих значение необходимости, долженствования, являются предложения, в которых простая форма сослагательного наклонения от непереходного глагола имеет при себе отрицательную частицу *na* 'не', например: *khabardār, zarā bhī der na ho* (P, PP, 361) 'Смотри у меня, не должно быть ни малейшего промедления'.

Еще одна разновидность предложений, выражающих необходимость, долженствование; представлена предложениями, в которых выступает сочетание инфинитива с формой сослагательного наклонения от глагола *rāṇā* 'получать' при наличии отрицательной частицы, например: *magar Zī-t ke kān meñ is kī bhanak na paṇe pāye* (КС, АД, 132) 'Но весть об этом не должна дойти до Ци-и'.

Семантической особенностью приведенных выше предложений является то, что в них слово, выступающее в функции подлежащего, не обозначает активного субъекта глагольного действия. Обычно в подобных предложениях наличествует оттенок повеления или желания.

Примером лексического ограничения употребления формы сослагательного наклонения для выражения необходимости, долженствования является использование глагола *rahnā* 'оставаться' в сочетании с существительным *smaraṇ* или *yād* 'память': *smaraṇ rahe kī saṇyukta kriyā kī pahlī kriyā hī pradhān hai* 'Следует помнить, что в составе сложного глагола именно первый глагол является главным'¹³.

Значение необходимости, долженствования свойственно таким предложениям, содержащим форму сослагательного наклонения, которые являются заголовками газетных и журнальных статей. Выражение необходимости, долженствования обуславливается здесь функциональной ролью предложения. Приведем пример: *sarkārī karmacārī cunāo meñ koī bhāg na leñ* (Bhārat, 3.II.1957) 'Правительственные чиновники не должны принимать участия в выборах'.

В остальных случаях значение необходимости, долженствования может быть выявлено лишь на основании широкого контекста: *maiñ tumheñ batāūñ, ek śāndār nṛtyapāṛṭī ho jāye grāṇḍ meñ* (КС, АД, 25) 'Вот что я тебе скажу: надо устроить грандиозный бал в «Гранд-отеле»'.

6. Выражение риторического вопроса

Простая форма сослагательного наклонения нередко используется в предложениях, содержащих риторический вопрос. При этом передаются оттенки необходимости, долженствования, возможности: *nimiṣ bhar ke lie Vāsantī asamanjas kī daśā meñ kharī raht. kyā vah us veśyā ke pairon meñ jā gire* (А, КС, 51) 'Какое-то мгновение Васанти стояла в зашатавшемся положении. Как? Ей пасть к ногам этой распутной женщины?!'; *ab mujhe yah avasar milā hai, ise kyon chorūñ?*

¹³ В. В. Śarmā, *Navīn Hindī vyākaraṇ*, Dillī, p. 66.

(P, SS, 34) 'Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же упускать ее?'; *cār dīn ke sukh ke liye apnā ghar kaise bec dūn?* (S, SS, 34) 'Как я могу продать свой дом ради четырех дней счастья?'

Поскольку в данных примерах глагол не имеет при себе отрицательной частицы, постольку предложения являются отрицательными по смыслу, т. е. выражаемые модальные оттенки понимаются в негативном плане. Модальный оттенок долженствования ярко проявляется при отсутствии в предложении вопросительного слова (местоимения или местоименного наречия). В остальных случаях характер модального оттенка определяется значением вопросительного слова. Так, например, в приведенных примерах при использовании вопросительного слова *kyon* 'почему', 'зачем' отрицается целесообразность, необходимость глагольного действия, при употреблении слова *kaise* 'как' отвергается возможность совершения действия. В первом примере, где повествование ведется в прошедшем времени, простая форма сослагательного наклонения употреблена в составе несобственно-прямой речи.

В хинди часто употребляются предложения, которые имеют в своем составе вопросительное наречие *kyon* при наличии отрицательной частицы *na* 'не' перед глаголом в форме сослагательного наклонения. В них также содержится риторический вопрос. Такие предложения выражают оттенок возможности осуществления глагольного действия. Эта возможность представляется вытекающей из того, что отсутствуют обстоятельства, препятствующие реализации действия: *kyon na usī ojhe ke pās calūn?* (P, PP, 37) 'Почему бы мне не пойти к этому знахарю?'

7. Выражение вопроса относительно целесообразности осуществления действия

Осуществление того или иного действия может ставиться говорящим в зависимость от того, как относится к этому действию собеседник. Высказываемое в таких случаях предложение имеет характер вопроса относительно целесообразности, необходимости осуществления действия. Глагол-сказуемое предложения выступает в простой форме сослагательного наклонения: *jī jī, ek bāt pūchūn?* (JS, 185) 'Сестрица, можно задать вопрос?'; *kuch log "āe haiñ, bulā lūn?* (S, N, 140) 'Пришло несколько человек. Позвать?'; *kahāñ lagāūñ cāu, bībī jī?* (JS, 147) 'Куда мне поставить чай, госпожа?'

При выражении вопроса относительно целесообразности осуществления действия говорящий либо обращается к себе-

седнику за разрешением или советом, либо просто осведомляется о мнении собеседника относительно предполагаемой реализации действия. Такие смысловые оттенки могут быть выявлены лишь из контекста.

Предложения, выражающие вопрос относительно целесообразности глагольного действия, характеризуются следующими особенностями: 1) способностью включать в свой состав слова, указывающие на адресата сообщения (например, слова-обращения), 2) грамматическим значением 1-го лица, 3) использованием исключительно в составе прямой речи.

8. Выражение недоуменного вопроса

В предложениях, содержащих недоуменный вопрос, обозначаются такие состояния, как раздумье, нерешительность, сомнение, колебание относительно совершения какого-либо действия. Все эти состояния объединяет то, что они предшествуют принятию определенного решения, выбору определенной линии поведения. Глагол-сказуемое таких предложений выступает в простой форме сослагательного наклонения, например: *dūsre din Jamnā kā man dōl rahā thā—vah jāy uā na jāy?* (КС, Gar, 11) 'На другой день Джамну охватили сомнения: идти ей или не идти?'; *vah ek kṣaṇ soctī hai—is meñ baiṭhūn?* (Р, N, 5) 'Она на мгновение задумывается: «Садиться ли мне в нее (лодку)?»'

Предложения, выражающие недоуменный вопрос, имеют грамматическое значение 1-го лица, когда они выступают в составе прямой речи, и значение 3-го лица, когда они выступают в составе несобственно-прямой речи. Иногда они характеризуются тем, что передают разделительные отношения. Это находит свое выражение в наличии разделительного союза *uā* 'или'.

9. Экспрессивное обозначение реального действия

Здесь имеются в виду такие предложения, в которых глагол, выступающий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, которое имело или имеет место в действительности: *par is man mārne kā yah phal! gārhe pariṣram ke rupaye luṭ jāyañ!* (Р, РР, 35) 'И таковы плоды этого воздержания! Украсть деньги, заработанные в поте лица!'; *mujh se hī kām leñ aur mujhe hī dhokhā deñ* (NN, 29) 'Прибегнуть к моей помощи, а потом надуть меня!'

В подобных предложениях передается эмоциональное отношение к тем фактам, о которых сообщается. Оно опреде-

ляется тем, что реализация глагольного действия представляется говорящему не вытекающей из условий. Говорящий выражает свое недоумение по поводу реализации действия, поскольку факт совершения действия кажется ему невероятным. Такое значение предложения может быть выявлено лишь на основании контекста. Здесь сослагательное наклонение выступает в переносном значении.

10. Выражение желания и пожелания

Значение желания или пожелания, выражаемое предложением с глаголом-сказуемым в простой форме сослагательного наклонения, выявляется обычно из контекста: *maiñ aur kuch nahīñ cāhtā, merā baccā bac jāy* (S, TY, 97) 'Я больше ничего не хочу. Уцелел бы только мой ребенок'; *Rām tumhārā bhalā kare* (KC, KK, 13) 'Да даст вам Рама счастье'.

Большинство предложений, выражающих значение желания и пожелания, не поддаются в формальном отношении выделению в особый синтаксический тип. Исключение составляют лишь те предложения, которые содержат в своем составе слово *kāś* 'о, если бы', 'пусть' или слово *naij* 'не дай бог'. Эти слова выполняют в хинди (и в урду) роль эмоционально-модальных частиц. При использовании слова *kāś* предложением выражается значение желания: *kāś maiñ bhī ekṭar ban jāūñ—vah soctā* (ZPh, 78) '«О, если бы стать мне тоже актером!» — думал он'.

При употреблении слова *naij* пожелание имеет негативный характер: *naij koī tum jaisā ādmī ho* (P, PD, 170) 'Избави [меня] бог от такого человека, как ты!'

В приведенных предложениях, выражающих желание, осуществление глагольного действия мыслится в плане будущего времени, в связи с чем само действие, как правило, не представляется противопоставляемым действительности.

11. Выражение волевых оттенков (намерения, готовности)

Простая форма сослагательного наклонения может служить для выражения намерения, готовности говорящего осуществить действие: *zarā dekhūñ, kaisā nācte ho* (P, M 7, 69) 'Погляжу-ка я, как ты танцуешь'; *calo koī aur jūtā hī kharīd lūñ...* (KC, AD, 154) 'Куплю-ка я другие ботинки...'; *calo ab ghar caleñ, āo tumheñ uṭhā lūñ* (KC, T, 60) 'Ну, теперь пошли в дом. Давай я понесу тебя'.

Предложения, выражающие намерение и готовность совершить действие, часто включают в свой состав частицу *zarā*

‘пожалуйста’ или употребляемую в качестве частицы форму повелительного наклонения от глаголов *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’, *ānā* ‘приходить’, *lānā* ‘приносить’. Эти лексические элементы сами по себе являются показателем того, что в анализируемых предложениях содержится волевой оттенок. Такие предложения обычно характеризуются значением 1-го лица единственного числа. На грамматическое значение лица ясно указывает глагольная форма. Этим легко объясняется частое отсутствие в предложении подлежащего-местоимения 1-го лица. Предложения, выражающие намерение, готовность, используются, как правило, в составе прямой речи.

12. Выражение вежливой просьбы

Простая форма сослагательного наклонения нередко используется при выражении вежливой просьбы. В этом случае в качестве подлежащего выступает местоимение *āp* ‘вы’, ‘Вы’, что обуславливает принятие глаголом-сказуемым формы 3-го лица множественного числа: *Mahārāja! āp mere rājā haiṁ. āp mere sammukh sir na jhukāyeṁ* (S, TY, 281) ‘Махараджа! Вы мой повелитель. Не склоняйте предо мной свою голову’; *khudā ke liye āp merā pīchā karnā chōṛ deṁ* (KC, KK, 43) ‘Ради бога, перестаньте, пожалуйста, меня преследовать’.

Вежливая просьба может проявляться по-разному: мольба, упрашивание, приглашение и др. Но в строго грамматическом отношении такие оттенки не находят никаких специальных средств выражения.

13. Выражение призыва к совместному действию

При выражении призыва к совместному осуществлению действия предложение имеет грамматическое значение 1-го лица множественного числа. Предложения с отмеченным модальным значением используются тогда, когда говорящий, побуждая кого-либо к совершению действия, мыслит самого себя в числе исполнителей данного действия. Примеры: *āo hāth milāyaṁ. tum āj se hamārā dost hai* (S, N, 205) ‘Ну, давай пожмем друг другу руки. С сегодняшнего дня ты мой друг’; *calo, zarā pārk ghūm āyeṁ* (Am, 159) ‘Погуляем-ка немного по парку’.

Характерной чертой подобных предложений является их способность включать в свой состав используемые в качестве частиц формы повелительного наклонения от глаголов *ānā* и *calnā*. Глагол-сказуемое выступает в простой форме сослагательного наклонения.

14. Выражение косвенного побуждения

Косвенное побуждение — это побуждение, обращенное говорящим к третьему лицу через собеседника. Исполнителем (субъектом) глагольного действия в этом случае мыслится не собеседник говорящего, а какое-то третье лицо. В соответствии с этим глагол-сказуемое предложения выступает в форме 3-го лица: *Algū ne dīnbhāv se kahā, Samajhū sāhu hī cup leñ* (P, Ss, 57) '«Пусть выбирает сам Самаджху-саху», — смиренно проговорил Альгу'; *koī harj nahīñ, jāne do.pati kā daršan to kar le* (P, PP, 240) 'В этом нет ничего плохого. Пустите ее. Пусть посмотрит на мужа'.

В тех случаях, когда в качестве подлежащего выступает неопределенное местоимение *koī* 'кто-нибудь', предложение выражает оттенок побуждения обычно вместе с оттенком долженствования, необходимости, например: *sāvadhān! mere nikat koī na āe, maiñ senāpati hūñ* (S, TY, 271) 'Берегитесь! Пусть никто не приближается ко мне. Я военачальник'.

* * * *

Выше были отмечены наиболее типичные случаи использования сослагательного наклонения хинди в независимом предложении. При классификации значений можно пользоваться различными критериями. Во-первых, с точки зрения семантики все отмеченные значения, передаваемые с помощью сослагательного наклонения, можно разделить на две группы: 1) значения, в которых преимущественно проявляется оценка реальности осуществления действия, 2) желательно-волеизъявительные значения. Возможность такого разделения обуславливается тем, что в языке не только выражаются категории мышления, но также проявляются и волевые процессы психики человека. К первой группе мы относим значения, отмеченные в пунктах 1—3 и 5—9. При выражении их в предложении находит свое воплощение логическая, рассудочная оценка сообщения. Ко второй группе мы склонны отнести значения, рассматриваемые в пунктах 10—14. Эти значения объединяются тем, что в них проявляется склонность, стремление говорящего к тому, чтобы действие осуществилось. Однако поскольку желательно-волеизъявительные значения имеют свое мыслительное содержание и связаны с интеллектуальными процессами, постольку между выделенными группами нет четкой границы. Об этом, в частности, свидетельствует то, что значение, разбираемое в пункте 4, т. е. оптативное значение с оттенком опасения, может рассматриваться среди значений, относимых как к первой, так и ко второй группе. Кроме того,

предложения, выражающие значение необходимости, долженствования, в ряде случаев близки по смыслу предложениям, в которых выражается значение желания, побуждения.

Во-вторых, с точки зрения возможности употребления аналитических форм сослагательного наклонения можно выделить такие значения, при выражении которых используется не только простая форма сослагательного наклонения, но и аналитические формы, а также такие значения, при выражении которых выступает лишь простая форма. Аналитические формы сослагательного наклонения используются при выражении недоверности содержания сообщения, допущения; сравнения и оптативного значения с оттенком опасения (пункты 1—4). Предложения, выражающие эти значения, передают предположение. Те же случаи, которые характеризуются употреблением исключительно простой формы сослагательного наклонения, объединяются перспективно-потенциальным значением: осуществление глагольного действия может быть обусловлено последующим ходом событий.

Исключением является случай экспрессивного обозначения реального действия (пункт 9). При экспрессивном обозначении реального действия форма сослагательного наклонения выполняет в хинди примерно такую же роль, что и так называемый восклицательный инфинитив в других языках. Следует отметить, что в общем перспективно-потенциальном значении объединяются как значения, в которых проявляется оценка реальности осуществления действия, так и желательно-волеизъявительные значения. Это лишний раз свидетельствует об отсутствии четкой границы между указанными группами значений, выделенными на основании семантического критерия.

В-третьих, некоторые значения выражаются такими предложениями, которые исключительно (пункты 7, 12—14) или же преимущественно (пункт 11) выступают в составе прямой речи; остальные из отмеченных выше значений передаются предложениями, которые могут находиться в составе как прямой, так и несобственно-прямой речи (см., например, пункт 8).

Чем же обуславливается выражение того или иного модального значения (оттенка) в независимом предложении?

Большую роль в выявлении модального значения играет контекст¹⁴. В частности, существенно, является ли адресат

¹⁴ Поскольку выражаемым модальным значением определяется модальность предложения в целом, то нам в данном исследовании кажется целесообразным исключение из понятия контекста совокупности признаков, заключенных в рамках предложения и способствующих однозначному пониманию семантики грамматической формы, т. е. исключение того, что иногда учебными называется микроконтекстом. См. Г. В. Колшанский, *О природе контекста*, — «Вопросы языкознания», 1959, № 4, стр. 47.

сообщения таким лицом, которое может быть активным исполнителем глагольного действия, или не является (в первом случае выражается побуждение, в другом — пожелание). О контекстуальной обусловленности конкретного модального значения упоминалось выше только в том случае, если она была связана с формальными, грамматическими моментами. Например, отмечалось, что выражаемое значение допущения поддерживается тем, что за предложением, содержащим глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения, следует предложение, присоединяемое обычно противительным союзом.

Важную роль в выявлении конкретного модального значения играет интонация. В ряде случаев определенный характер интонации является органической принадлежностью предложения, необходимой для выражения определенного модального значения. Так, предложения, выражающие риторический вопрос, или вопрос относительно целесообразности совершения действия, или недоуменный вопрос (пункты 6—8), не могут не характеризоваться вопросительной интонацией. Что же касается семантического различия между такими предложениями, то его легко установить, исходя из их противопоставления в двух планах: а) в связи с тем, требуют ли они ответа (+) или нет (—), б) в связи с тем, имеют ли они вопросительное значение (+) или нет (—). При таком подходе окажется, что предложения, выражающие риторический вопрос, характеризуются двумя минусами; предложения, выражающие вопрос относительно целесообразности совершения действия, — двумя плюсами, а предложения, служащие для выражения недоуменного вопроса, — минусом и плюсом. Нельзя также выявить значение вежливой просьбы, или призыва к совместному осуществлению действия, или косвенного побуждения вне связи с побудительной интонацией, свойственной предложениям (пункты 12—14). Далее, вопросительной интонации не могут иметь предложения, выражающие значение необходимости, долженствования (пункт 5), и предложения, выражающие допущение (пункт 2). Предложения же, передающие значение недоверности содержания сообщения, выражающие сравнение или же оптативное значение с оттенком опасения, могут быть и вопросительными.

Однако контекст и интонация часто оказываются недостаточными для того, чтобы было четко выражено именно данное значение. Поэтому выражение определенного модального значения может сопровождаться некоторыми моментами, характеризующими предложение с точки зрения его структуры и создающими тем самым так называемый микроконтекст для формы сослагательного наклонения или же характеризующими

предложение с точки зрения его грамматических признаков. Роль таких моментов обуславливается рядом факторов.

1. Наблюдается взаимосвязь между модальными оттенками и различными лексическими элементами, употребляемыми в составе предложения в качестве частиц или модальных слов (*šāyad*, *māno*, *kāš*, *zarā*, *calo* и др.). Употребление каждого из таких слов бывает связано с выражением определенного модального значения. Так, например, *māno* используется при выражении сравнения, *calo* — при выражении намерения, готовности совершить действие и т. п. Иначе говоря, лексические элементы, употребляемые в составе предложения, становятся средством дифференциации значений, передаваемых с помощью сослагательного наклонения. Это свидетельствует о некоторой специализации языковых средств для выражения конкретных модальных значений, о тенденции выражать частные модальные значения лексико-грамматически.

2. Наблюдается взаимосвязь между модальными оттенками и грамматическим значением лица. Так, например, выражение намерения, готовности связано со значением 1-го лица (единственного числа), оттенок косвенного побуждения — со значением 3-го лица.

3. Существует взаимосвязь между модальным оттенком и залоговой формой глагола (например, выражению оттенка необходимости, долженствования способствует использование формы страдательного залога), а также между модальным оттенком и употреблением того или иного аналитического глагольного построения (например, сочетание формы сослагательного наклонения от глагола *rānā* с инфинитивом используется при передаче оттенка долженствования).

4. Прослеживается зависимость модальных оттенков от наличия отрицания при глаголе-сказуемом (например, *kahīn... na* используется при выражении оптативного значения с оттенком опасения, *kuon na* — при выражении возможности; наличие отрицательной частицы *na* при непереходном глаголе обычно сопутствует выражению значения необходимости, долженствования).

5. Наблюдается взаимосвязь между модальными оттенками и семантикой вопросительных слов в предложениях, выражающих риторический вопрос (например, при использовании слова *kuon* отрицается необходимость действия, при использовании *kaise* — возможность и т. д.).

Среди факторов, обуславливающих выражение того или иного конкретного модального значения, следует различать факторы обязательные, наличие которых необходимо для передачи данного значения, и факторы факультативные.

Поскольку каждое предложение при выражении того или иного модального значения характеризуется особой интонацией, постольку в каждом из случаев интонация может рассматриваться в качестве обязательного фактора, обуславливающего выражение данного значения. Нельзя не отметить, что своеобразной интонацией характеризуются предложения, выражающие вопрос, и предложения, передающие различные виды волеизъявления. Помимо того что вопросительная и волеизъявительная интонации обязательны для выражения соответствующих значений, они не встречаются в предложениях, передающих другие значения.

Некоторые модальные значения не могут быть переданы вне связи с определенным значением лица. В частности, грамматическое значение 1-го лица единственного числа обязательно при выражении вопроса относительно целесообразности совершения действия, при выражении недоуменного вопроса (в составе прямой речи), при выражении волевых оттенков намерения, готовности; грамматическое значение 1-го лица множественного числа обязательно при выражении призыва к совместному совершению действия; значение 3-го лица множественного числа (в случае соотнесения с местоимением *āp*) — при выражении вежливой просьбы; значение 3-го лица (как единственного, так и множественного числа) — при выражении необходимости, долженствования и косвенного побуждения.

Наличие отрицательной частицы *na* необходимо для передачи оптативного значения с оттенком опасения. Выражение нереального сравнения связано с наличием в предложении слов *jaise, māno (mānoī)*, употребляемых исключительно при сравнении. Использование в составе предложения других лексических элементов или их эквивалентов для указания на определенный модальный оттенок является в большей или меньшей мере факультативным. Наименьшей факультативностью обладает использование лексических элементов или их эквивалентов для указания на недостоверность содержания сообщения, например: *šāyad, kadācit, kuā jāne* и др., и использование наречия *kahīñ* при выражении оптативного значения с оттенком опасения. Иными словами, эти лексические элементы используются почти всегда, когда нужно выразить соответствующее модальное значение.

Итак, выше были отмечены модальные значения, которые могут быть выражены в независимом предложении с помощью форм сослагательного наклонения, и моменты, сопутствующие выражению того или иного определенного модального значения или обуславливающие его выражение. Если не рассматри-

вать вопрос об интонации ввиду его абсолютной неразработанности, то можно прийти к заключению, что чем большим количеством таких моментов (как обязательных, так и факультативных) характеризуется то или иное предложение, тем меньшая роль принадлежит контексту в выявлении определенного модального значения. Так, например, в предложении *calo koī aur jūtā hī kharīd lūñ...* (КС, АД, 154) 'Куплю-ка я другие ботинки...' выражается намерение, готовность совершить действие. Такое понимание обуславливается грамматическим значением 1-го лица единственного числа, являющимся необходимым признаком предложений с отмеченным модальным оттенком, и наличием в составе предложения формы повелительного наклонения *calo*, выступающей в качестве модально-побудительной частицы. Поэтому приведенное предложение нельзя истолковать как-нибудь иначе.

Теперь же обратимся к такому предложению: *dukāneñ band na ho jāyañ*. В зависимости от контекста его можно понимать по-разному: как выражающее допущение, как передающее оптативное значение с оттенком опасения, как выражающее долженствование, желание и др. В одном из приведенных выше примеров это предложение было нами истолковано на основании контекста во втором из упомянутых значений, т. е. как выражающее оптативное значение с оттенком опасения: 'Как бы не закрылись лавки'.

Итак, сослагательное наклонение служит для выражения ряда модальных значений. Установление определенного модального значения (оттенка) в конкретном предложении производится, если оставить в стороне вопрос об интонации, на основании контекста и особенностей самого предложения, которые проявляются в его составе и его грамматической характеристике.

Выше отмечалось, с какими формальными особенностями предложения связывается выражение того или иного конкретного модального значения. Как показывают примеры, наибольшей аморфностью обладают предложения, выражающие допущение, и предложения, передающие значение желания, пожелания, а также предложения, служащие для выражения необходимости, долженствования.

Поэтому есть основания считать, что среди частных значений, объединяемых общим значением предположения, значение допущения является ведущим, а остальные в связи со специфичностью условий их выражения (в рамках предложения) — производными от него. Точно так же можно предположить, что среди частных значений, объединяемых общим перспективно-потенциальным значением, ведущую роль играют

значение желания, пожелания и значение необходимости, долженствования.

При выражении с помощью сослагательного наклонения недостоверности содержания сообщения и нереального сравнения стирается противопоставление между сослагательным и изъявительным наклонениями, поскольку изъявительное наклонение также нередко употребляется при передаче этих значений. Возможность использования изъявительного наклонения объясняется здесь тем, что наличие в предложении таких слов, как *śāyad*, *māno*, освобождают глагол от необходимости выступать в форме, которая указывала бы на соответствующие модальные значения, отличные по сути дела от изъявительной модальности.

Употребление форм сослагательного наклонения в придаточной части сложноподчиненного предложения

Сослагательное наклонение языка хинди весьма широко используется в придаточной части (придаточном предложении) сложноподчиненного предложения. Здесь оно выступает, пожалуй, чаще, чем в независимом предложении. Его можно встретить при различных типах связи частей сложноподчиненного предложения.

1. Сослагательное наклонение при изъяснительном типе связи

Изъяснительный (точнее, союзно-изъяснительный) тип связи частей сложноподчиненного предложения характеризуется тем, что придаточной частью, вводимой обычно союзом, раскрывается, конкретизируется значение знаменательных слов или словосочетаний главной части. Использование сослагательного наклонения в придаточной части находится в зависимости от семантики слова или словосочетания главной части. Иначе говоря, не всякое понятие, выраженное в главной части, требует раскрытия, распространения придаточной частью, содержащей форму сослагательного наклонения. Сослагательное наклонение используется тогда, когда главная часть указывает лишь на определенный круг значений, характеризующих действие придаточной части в модальном отношении. Выявление этих значений будет по сути дела выявлением специфики использования сослагательного наклонения в придаточной части при изъяснительном типе ее соединения с главной частью.

Глагол придаточной части обозначает такое действие, относительно которого в главной части указывается, что оно рассматривается как возможное. Модальная характеристика действия определяется такими компонентами главной части, как прилагательные *sambhav*, *tumkin* 'возможный', 'вероятный', *asambhav* 'невозможный', глагольная форма *ho saktā hai* 'может быть' и другие, например: *sambhav hai ki vah apnī mān ko smaraṇ kar ro paṛā ho* (P, PP, 87) 'Возможно, что он расплакался, вспомнив свою мать'; *par yah kadāpi nahtn ho saktā ki un ke liye main apnā jīvan naṣṭa kar dūn* (P, Ss, 93) 'Но не может этого быть, чтобы я из-за них погубил свою жизнь'.

При утвердительном смысле главной части рассматриваемые сложноподчиненные предложения сближаются по значению с теми простыми предложениями, которые, имея в своем составе слово *śāyad* и другие, служат для выражения неустойчивости содержания сообщения. Подобное сближение объясняется функциональной однородностью модальных слов *śāyad*, *kadācit* и других, с одной стороны, и построений *sambhav hai*, *ho saktā hai* и подобных—с другой.

Рассмотрению же этих построений в качестве главной части сложноподчиненного предложения способствуют следующие моменты: 1) использование союза *ki*, являющегося средством подчинения одного предложения другому; 2) их положение в начале предложения, а не внутри его, как это бывает нередко со словами *śāyad*, *kadācit* и др.; 3) их способность, обусловленная наличием финитной формы глагола, определять временной план действия, обозначенного глаголом в форме сослагательного наклонения (например: *sambhav hai ki...*, *sambhav thā ki...*); 4) их способность распространяться, в частности способность включать в свой состав соотносительное слово (обычно местоимение *yah* 'это' или *vah* 'то').

Утрата этих признаков ведет к сближению в формальном отношении главной части сложноподчиненного предложения со словами, выступающими в качестве модальных слов в условиях вводности, такими, как *śāyad* и другие, например: *tumkin hai, Aslam ke kamre meñ rah gai ho* (S, N, 107) 'Возможно, [словарь] остался в комнате Аслама'.

Следует отметить формальный момент: при использовании построений типа *sambhav hai*, *ho saktā hai* глагол, обозначающий действие, которое изображается как возможное, не выступает обычно в форме изъявительного наклонения. Это говорит о том, что при выражении предположительной возмож-

ности (недостоверности содержания сообщения) сослагательное наклонение совпадает по функции с изъявительным лишь в независимом предложении.

На оттенок возможности и невозможности (субъективной) указывают такие прилагательные, как *yogya* 'пригодный', 'достойный', 'способный', *asahya* 'невыносимый'. Раскрывающая их содержание придаточная часть имеет глагол в простой форме сослагательного наклонения, например: ...*aur is yogya ho gaye ki Durgādās ki sahāytā binā hī rājya-bhār vahan kar sakeñ* (P, D, 84) '...и стал способным нести все бремя управления государством даже без помощи Дургадаса'; *mere lie yah asahya hai ki mere sāmne koī vyakti ātma-hatyā kar jāe* (S, SS, 99) 'Я не могу вынести, чтобы кто-либо совершил предо мною самоубийство'.

Примечательно, что, как показывают примеры, сослагательное наклонение в придаточной части используется обычно тогда, когда в главной части глагол выступает в форме настоящего времени.

б. Выражение значения необходимости, долженствования, целесообразности

Глагол придаточной части, выступающий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, относительно которого в главной части указывается, что оно является необходимым, должным, целесообразным. На модальную характеристику действия придаточной части указывают обычно такие слова, как существительные *āvaśyaktā*, *zarūrat* 'необходимость', *kartavya* 'долг', 'обязанность', *dharma* 'долг', 'обязанность', 'закон', прилагательные *āvaśyak*, *zarūri* 'необходимый', 'нужный', 'непременный', *ucit* 'надлежащий', *acchā* 'хороший', предикативное наречие *cāhiye* 'нужно', 'необходимо', 'следует', 'желательно'. Примеры: *ab hamēñ cāhiye ki Ajit kā lālan-pālan hośiyāri se kareñ* (P, D, 4) 'Теперь нам надлежит заботливо делеять Аджита'; *yah zarūri hai ki vah brāhmaṇ ho...* (P, PD, 91) 'Необходимо, чтобы он был брахманом...'; *is se to yahī acchā hai ki ham apnī pustak paṛheñ* (S, N, 42) 'Уж лучше я буду читать свою книгу' (букв. 'лучше то, чтобы я читала свою книгу').

На оттенок целесообразности указывает также слово *yogya* 'пригодный', 'достойный', 'способный', например: *tum jāist naṭkhaṭ laṛkiyāñ isī yogya haiñ ki unheñ knūb pīṭā jāy* (KC, KK, 45) 'Такие проказницы, как ты, заслуживают того, чтобы их хорошенько поколотили'.

Когда в придаточной части глагол, обозначающий необхо-

димое, должное действие, выступает в простой форме сослагательного наклонения, глагол главной части обычно имеет форму настоящего (или будущего, что бывает реже) времени.

в. Сообщение о желании (нежелании)

Глагол придаточной части в простой форме сослагательного наклонения обозначает действие, относительно которого в главной части указывается, что оно расценивается как желательное. Эта модальная характеристика действия определяется наличием в главной части глагола *cāhnā* 'хотеть', 'желать', имен существительных, имеющих значение «желание», «стремление», как-то: *icchā*, *abhilāṣā*, *utkanṭhā*, *manṣā*, *cāh* и др. Желание, о котором повествуется, может относиться как к настоящему (или будущему), так и к прошедшему времени. Об этом свидетельствуют примеры: *icchā hai ki āp ko bhī sāth le jāūn* (MN, 107) '[Я] хочу взять и вас с собой'; *uski icchā hui ki vah turant šivir meñ pahuñce* (Ir, 101) 'У него появилось желание немедленно отправиться в лагерь'; *ve keval yah cāhte the, ki Trivenī āñkhoñ se ojhal na ho* (S, N, 193) 'Он лишь хотел, чтобы Тривени не скрылась из виду'.

О том, что действие придаточной части расценивается как желательное, могут сигнализировать фразеологические единицы *dil karnā*, *jī meñ ānā*, *man meñ ānā*: ...*Rahmān ke jī meñ kaī bār āyā ki vah Fazal ko ghar se bāhar nikāl de* (KC, AD, 150) '...У Рахмана не раз появлялось желание прогнать Фазала из дома'.

Здесь уместно упомянуть и те сложноподчиненные предложения, в главной части которых выражается идея страха, опасения благодаря наличию слов этой семантики: *ḍarnā*, *ḍar*, *bhay*, *sañṣay* и др. В придаточной части таких сложноподчиненных предложений говорится о действии, осуществление которого рассматривается как нежелательное (при глаголе выступает отрицательная частица). В придаточной части в зависимости от смысла может быть использована и аналитическая форма сослагательного наклонения, например перфектив сослагательного наклонения: *tum hāki khelne jāte ho to mujhe sañṣay hotā hai ki kahīñ coṭ na lag gayī ho...* (P, PP, 331) 'Когда тыходишь играть в хоккей, я опасюсь, как бы ты не ушибся...'.

В данном случае действие придаточной части по своей модальной характеристике сближается с действием, относительно которого в главной части указывается, что оно является возможным, что реализация его не является исключенной (см. пункт а). Этим и объясняется возможность использования аналитической формы.

г. Указание на предполагаемый, кажущийся характер осуществления действия придаточной части

В зависимости от смысла высказывания в придаточной части для обозначения предполагаемого, кажущегося действия могут быть использованы различные формы сослагательного наклонения. Лексическими компонентами, в связи с наличием которых в главной части действие придаточной части расценивается как предполагаемое, кажущееся, являются такие слова, как глаголы *lagnā, jān parṇā* 'казаться' и выступающие с глаголом-связкой прилагательные *bhāsit, pratit, mālūm, jñāt*, понимаемые в данном случае в смысле 'кажущийся'. Придаточная часть вводится обычно союзами *jaise, māno (mānoṇ)* 'словно', 'будто', 'будто бы'. Приведем примеры: *lag-tā thā jaise pralay kī gharī ā gaī ho* (MN, 436) 'Казалось, что наступил час конца света'; *unheṅ bāzār meṅ jāte dekh-kār aisā pratit hotā thā, jaise kauṇ meṅ do rāj-hans jā rahe hoṇ* (S, P, 42) 'Когда видели их идущими на базар, казалось, будто среди ворон шествуют два лебедя'.

Для обозначения предполагаемого, кажущегося действия в придаточной части используются и формы изъявительного наклонения. В таком случае понимание глагольного действия в отмеченном модальном плане обуславливается, как правило, наличием союзов *jaise, māno (mānoṇ)* или соотносительного слова *aisā* 'так', выступающего в главной части, например: *aisā pratit hotā thā, jaise uske hṛday meṅ krodh kī agni dhadhak rahī hai* (S, TY, 133) 'Казалось, будто в ее сердце пылает огонь гнева'.

д. Обозначение волевых процессов

Глагол придаточной части, выступающий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, на осуществление которого направлены волевые процессы, ради совершения которого прилагаются усилия. Модальная характеристика действия определяется такими словами, как, например, имена существительные *niścay, faisalā* 'решение', *irādā* 'намерение', *koṣiṣ, yatna* 'старание', 'усилие': *faisalā yaḥi huā kī ham yaḥāṇ se kahīṇ cale jāyaṇ* (A, BP, 60) 'Мы решили уйти отсюда куда-нибудь' (букв. 'Решением стало, чтобы мы ушли отсюда куда-нибудь'); *Dvārkaḍas ne bahut yatna kiya kī āṅkheṅ band na hoṇ...* (S, SS, 64) 'Дваркадас приложил немало усилий к тому, чтобы не закрылись [его] глаза...'.

Глагол придаточной части, выступающий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, о побуждении к совершению которого говорится в главной части. Модальная характеристика действия определяется такими словами, как *māṅg* 'требование', *hukm*, *ājñā* 'приказ', *apil* 'прошение', 'обращение', *anurodh* 'просьба', 'упрашивание', *parāmarśa* 'совет' и др.: *sāhab kā hukm hai ki yah bāt gupta rakhī jāy* (Р, М 7, 290) 'Сахиб приказывает сохранять это в тайне' (букв. 'Приказ сахиба, чтобы это сохранялось в тайне'); *Aṭal ne anurodh kiya ki vah kisī ko un savāroṅ ke mār dālne kā hāl na batlāveṅ* (MN, 158) 'Аталь попросил их о том, чтобы они никому не рассказывали об убийстве этих всадников'.

ж. Обозначение цели

Глагол придаточной части, выступающий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, осуществление которого расценивается как цель. На модальную характеристику действия указывают слова, имеющие значение «цель», «смысл»: *matlab*, *artha*, *abhiprāy* и т. п., например: *matlab yah thā ki larṅoṅ ko miāine ke bāre meṅ kuch zarūrī bātēṅ dī jāyaṅ...* (Р, М 4, 5) 'Цель состояла в том, чтобы сообщить мальчикам необходимые сведения по поводу [предстоящего] обследования...'.

з. Обозначение условия

Глагол придаточной части, выступающий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, реализация которого расценивается как фактор, обуславливающий какое-либо явление. На модальную характеристику действия указывают слова главной части, имеющие значение «условие», «средство»: *šart*, *upāy*, *tarīkā*, *kunjī* и др.: *magar šart yah hai ki ve cāroṅ bekār hoṅ* (S, N, 123) 'Однако есть одно условие, а именно, чтобы все четверо были бездельниками'.

* * *

Нами была прослежена взаимосвязь между значением главной части и употреблением сослагательного наклонения в придаточной части сложноподчиненного предложения с изъяснительным типом связи частей. Поскольку, как мы видели, конкретная модальная характеристика действия придаточной части определяется лексически, постольку мы не вправе считать,

что в данном случае сама форма сослагательного наклонения несет в себе конкретное модальное значение. В той мере, в какой это наклонение в придаточной части лишено возможности выражать конкретное модальное значение, оно выступает в общем модальном значении. Это общее модальное значение возникает и его можно понять лишь на основе обобщения тех конкретных модальностей, на которые указывают компоненты главной части сложного предложения или их эквиваленты. Именно в пределах этого общего значения модальная характеристика действия придаточной части уточняется лексическим компонентом главной части.

Каково же это общее значение? Обратимся к сложным предложениям с сослагательным наклонением в придаточной части. Ни в одном из них о действии придаточной части не говорится как о таком действии, которое представлено как совершающееся в настоящем, прошедшем или будущем времени. Отсутствие признака реальности — вот чем характеризуется действие придаточной части, выраженное формой сослагательного наклонения. Благодаря этому признаку данное наклонение четко отграничивается в семантическом плане от изъявительного наклонения. Но, с другой стороны, действие придаточной части нельзя расценивать как такое, реализация которого вообще исключена. В самом деле, указание на необходимость или желательность действия, на побуждение к совершению действия отнюдь не означает отрицания того, что данное действие может быть осуществлено в результате развития событий. Следовательно, глагол придаточной части, выступающий в форме сослагательного наклонения, обозначает действие, реализация которого не является обязательно исключенной, вопрос о реализации которого остается открытым.

Нужно иметь в виду, что понимание сослагательного наклонения придаточной части в его общем значении затрудняется в той мере, в какой придаточная часть сохраняет признаки независимого предложения. Сохранение придаточной частью признаков независимого предложения создает возможность интерпретировать форму сослагательного наклонения так же, как она истолковывается в модальном плане в независимом предложении. Придаточная часть при этом имеет тенденцию к превращению в независимое предложение (например, в прямую речь). В частности, это явление наблюдается в сложных предложениях, сообщающих об опасении относительно какого-либо действия, когда в придаточной части сохраняется характерное для независимого предложения слово *kahīñ*, соответствующее при наличии отрицательной частицы

русскому обороту *как бы не*. Вообще же в хинди данное явление имеет место в связи с распространенностью так называемой придаточной части — прямой речи, т. е. такой придаточной части, в которой выбор местоимений и финитных форм глагола определяется точкой зрения лица, о чем восприятии, мыслительной деятельности, чувствах, внутреннем состоянии говорится в сложном предложении.

Выше мы рассмотрели самые типичные случаи использования сослагательного наклонения в придаточной части при изъяснительном типе ее соединения с главной частью. В приведенных примерах содержится наиболее рельефная характеристика действия придаточной части с точки зрения его модальности. На основе анализа рассмотренных случаев употребления сослагательного наклонения возникает идея о его общем модальном значении, абстрагированном от конкретных модальных характеристик, сообщаемых действию придаточной части компонентом главной части.

Связь между значением, выражаемым в главной части, и сослагательным наклонением придаточной части имеет взаимный двусторонний характер: не только семантика лексического компонента или его эквивалента главной части влияет на выбор сослагательного наклонения в придаточной части, но и сослагательное наклонение придаточной части может влиять на семантику слов главной части. При взаимодействии сослагательного наклонения со словами, находящимися вне придаточной части, значение последних несколько модифицируется. Это свидетельствует о том, что форма сослагательного наклонения придаточной части обладает модальным значением. Видоизменение значения лексических компонентов главной части в зависимости от формы сослагательного наклонения можно показать на ряде примеров. В частности, слова главной части, обозначающие акты выражения мысли или формы ее внешнего проявления, выступают в значениях слов, указывающих на акты волеизъявления, если глагол придаточной части стоит в простой форме сослагательного наклонения: *Balraj, Narottam aur daktar Vasu se kahā ki ve avāṣya āyeñ* (A, KS, 61) 'Я сказал Бальраджу, Нароттаму и доктору Васу, чтобы они обязательно пришли'; *us ne Jagat ko ek patra likhvāyā ki chuṭṭi lekar ā jāy...* (A, P, 69) 'Она написала Джагату в письме, чтобы он, получив отпуск, приехал...'

Ясно, что в этих примерах глагол *kahnā* 'говорить', 'сказать' выступает в значениях 'просить', 'велеть', а сочетание *patra likhvānā* 'написать письмо' — в значениях 'попросить, распорядиться в письме'. Отмеченное явление, характерное для хинди, имеет место и в других языках. Например, в рус-

ском языке значение глагола *сказать* перед *чтобы* + глагольная форма на -л несколько модифицируется и приближается к значению «велеть». Во французском языке «глаголы *dire, écrire, prétendre, insister* и некоторые другие, употребленные в сложном предложении, содержащем сослагательное наклонение, получают значение глаголов воли»¹⁵.

Далее, слова главной части, указывающие на мыслительную деятельность человека, выступая в тех же синтаксических условиях, приближаются семантически к словам, обозначающим желание, намерение: *merā vicār hai ki āp ye rupaye apne hī pās rakkheñ* (S, TY, 180) 'Я думаю, что вам лучше оставить эти деньги у себя' (возможен перевод: 'Я хочу, чтобы вы оставили...').

В зависимости от наличия простой формы сослагательного наклонения в придаточной части такие существительные, как, например, *kām* 'работа', *naukarī* 'служба', выступают в качестве слов, указывающих на значение долженствования: *us samay nissandeh hamārā kām yah hai, ki ham apnī sārī śakti, sārī pratibhā aur sārī vidyā ghar kī unnati ke lie samarpañ kar deñ* (S, TY, 248) 'В такое время наша задача несомненно состоит в том, чтобы все свои силы, весь свой талант и все знания отдать на благо семьи'.

Нужно отметить, что упомянутая выше фразеологическая единица *jī meñ ānā* воспринимается как указывающая на значение желания в связи с тем, что следующая за ней придаточная часть содержит обычно простую форму сослагательного наклонения. То же можно сказать и о такой фразеологической единице, как *tāk meñ rahnā (baiṭhnā)* 'выжидать (удобного) случая': *do ek vidyārthī is tāk meñ rahne lage ki unheñ bhī aisā dr̥śya dekhne kā saubhāgya prāpta ho* (K, 30) 'Несколько студентов стали искать удобного случая, чтобы увидеть такое зрелище'.

Итак, на основе наиболее типичных случаев использования сослагательного наклонения в придаточной части возникают и другие случаи употребления этого наклонения, при которых модальная характеристика действия не сигнализируется столь очевидно. Это обуславливается тем, что сослагательное наклонение придаточной части при изъяснительном типе ее соединения с главной частью обладает общим модальным значением. Разумеется, приведенные примеры не исчерпывают всего многообразия подобных случаев использования сослагательного наклонения.

¹⁵ М. С. Гурычева, *О наклонении во французском языке*, — «Иностранные языки в школе», 1952, № 1, стр. 22.

Если придерживаться традиционной классификации придаточных предложений (по синтаксической функции, на основании их соответствия членам предложения), то станет очевидным, что выше говорилось об употреблении сослагательного наклонения в придаточных предложениях подлежащих, сказуемых, дополнительных и определительных союзного подчинения.

При изъяснительном типе соединения частей сложного предложения сослагательное наклонение употребляется в придаточной части также и в связи с отрицательным значением главной части: *itnā bhī nahīn hotā ki merī kisi samay to mān liyā karen* (S, TY, 196) 'Даже не бывает так, чтобы он когда-либо меня слушался'; *kisi se yah na hotā thā ki uski kuch madad kar de* (A, BP, 247) 'Никто не оказывал ей никакой помощи' (букв. 'Ни от кого не было того, чтобы оказал ей помощь').

Осуществление действия придаточной части здесь не может пониматься как факт действительности, поскольку реальность этого действия отрицается в главной части. Этим, по-видимому, и объясняется употребление сослагательного наклонения. Действие представлено как воображаемое, мысленно допускаемое.

Особый случай подобного использования сослагательного наклонения представлен таким примером: *yah bāt nahīn ki un meñ matbhed na hotā ho* (P, M 4, 297) 'Нельзя сказать, что у них не бывало разногласий'. Предложения этого типа нередко встречаются в хинди. В них главная часть выражается словом *bāt* 'дело', 'вещь' с финитной формой глагола *honā* 'быть', имеющей при себе отрицательную частицу. В соединении с союзом *ki* 'что' она по смыслу равнозначна таким оборотам русского языка, как *нельзя сказать, что; не то чтобы*.

2. Сослагательное наклонение при выражении целевого отношения

Простая форма сослагательного наклонения используется в придаточной части сложного предложения, указывающей на цель действия, обозначенного глаголом главной части. Придаточная часть (постпозитивная) вводится союзами *ki*, *tāki* 'чтобы'. В случае употребления союза *ki* в главной части иногда выступает *is liye* или *is vāste* 'для того': *kuch hī der pahle to yah ūpar gayī thī ki zarā havā meñ leṭe* (A, P, 25) 'Незадолго до этого она поднялась вверх, чтобы немного полежать на свежем воздухе'; *beṭā, kām jī lagākar karnā*

tāki mālik tum se santuṣṭa aur prasanna rahe (КС, Gar, 131) 'Сынок, работай усердно, чтобы хозяин остался доволен тобой'; *tum yah bāt islie kah rahe ho ki mujhe duḥkh na ho* (К, 152) 'Ты это говоришь для того, чтобы я не испытывала страданий'.

Использование простой формы сослагательного наклонения в придаточной части подобных примеров есть необходимое условие выражения значения цели. Наличие этой формы в придаточной части является фактором, формирующим тот тип связи частей сложного предложения, который характеризуется выражением целевого отношения.

Глагол придаточной части не обозначает реального действия, т. е. действия, осуществление которого является фактом действительности. Для говорящего лишь важно указать на то, что реализация данного действия для момента, к которому относится содержание главной части, представляется как цель. Таким образом, вопрос об осуществлении (неосуществлении) действия остается открытым. В рассмотренных сложных предложениях действие придаточной части мыслится в плане будущего времени по отношению ко времени совершения действия главной части.

3. Сослагательное наклонение при следственном типе связи

При следственном типе связи частей сложноподчиненного предложения придаточная часть, находящаяся в постпозиции и вводимая изъяснительным союзом, указывает на следствие того, о чем сообщается в главной части. Из форм сослагательного наклонения при данном типе связи используется лишь простая форма. Она употребляется тогда, когда следствие рассматривается не как реальное, а как нечто предполагаемое, мысленно допускаемое: *sabaḳ to main̄ aisā dūṅgā ki janāb sārī umar na bhūleṅ* (S, N, 102) 'Я проучу господина так, чтобы он запомнил на всю жизнь'; *hamārā vicār hai ki khālā kī jāyādā se itnā munāfā avaṣya hotā hai ki māhvār kharc diyā jā sake* (P, Ss, 51) 'Мы считаем, что имущество тетки, несомненно, приносит такой доход, что можно было бы обеспечить [ее] ежемесячным содержанием'.

В подобного рода сложных предложениях выраженным в придаточной части следствием определяется степень проявления того, о чем говорится в главной части.

Другой случай употребления простой формы сослагательного наклонения представлен сложными предложениями, в главной части которых сообщается об отсутствии условий для осуществления выраженного в придаточной части следствия:

kisī meñ bhī sāhas na thā ki us sannāṭe ko tore (P, M 4, 124) 'И никто не решался нарушить это безмолвие' (букв. 'Ни у кого не было решимости, чтобы нарушил это безмолвие'); *main aisi bholī nahīñ hūñ ki tumhāre man kā rahasya na samajhūñ* (P, DB, 11) 'Я не настолько уж проста, чтобы не догадаться, что у тебя на сердце'.

В данных примерах мы встречаемся с одним из случаев употребления сослагательного наклонения в придаточной части в связи с отрицанием в главной. Нередко в главной части сложного предложения сообщается о недостаточной степени проявления того, что считается необходимым для осуществления следствия (см. последний пример).

При следственном типе связи значение, передаваемое простой формой сослагательного наклонения, нередко приближается к значению данной формы в придаточной части, выражающей цель.

4. Сослагательное наклонение при сравнительном типе связи

При сравнительном типе связи то, о чем сообщается в главной части, сравнивается с содержанием придаточной части. Здесь находят применение различные формы сослагательного наклонения. Они используются лишь тогда, когда сравнение производится не с тем, что считается действительно происходящим; а с тем, что мысленно допускается в качестве соответствующего действительности.

В отличие от изъявительного наклонения, которое употребляется при выражении реального сравнения (т. е. при уподоблении) и при выражении так называемого нереального сравнения, сослагательное наклонение используется только при выражении нереального сравнения: *Rudra kā murjhāyā hūā pilā cehrā khil uṭhā, jaise bujhte hue dīpak meñ tel paṛ jāy* (P, DB, 30) 'Осунувшееся бледное лицо Рудры озарилось радостью, как будто в угасающий светильник попало масло'; *...aur Lākṣhī ne dūsrī or muñh pherkar ancāl muñh par rakh liyā, māno ṭhañd se apnī rakṣā kar rahī ho* (MN, 317) '...а Лакхи, отвернувшись в сторону, закрыла лицо покрывалом, словно она защищалась от холода'.

Использование изъявительного наклонения при выражении нереального сравнения иллюстрируется таким предложением: *magar Sādhurām is bār bhī cup rahā jaise use is ghaṭnā kā jñān hī na thā* (S, TY, 20) 'Но Садхурам и на этот раз хранит молчание, как будто он совсем и не знал об этом событии'.

5. Сослагательное наклонение при условно-следственном типе связи

Формы сослагательного наклонения часто употребляются в придаточной части сложного предложения, характеризующегося условно-следственным типом связи его частей, т. е. в так называемом условном придаточном предложении. Между условием и следствием могут существовать различные отношения. Конкретный характер отношения, выражаемого сложноподчиненным предложением, определяется в значительной мере тем, какие глагольные формы используются в придаточной и главной частях. Поэтому при анализе значения, передаваемого глагольной формой придаточной части, исследователи уделяют внимание тому, в каком наклонении выступает глагол главной части. Тем самым на основе рассмотрения соотношения глагольных форм можно установить различные с точки зрения семантики виды условно-следственной связи¹⁶.

Однако нельзя отрицать, что форма наклонения глагола в придаточной части обладает свойственным ей значением независимо от того, в каком наклонении выступает глагол главной части. Поэтому правомерна постановка вопроса о значении сослагательного наклонения в придаточной части при условно-следственном типе ее соединения с главной частью.

Обратимся к следующим примерам: *lekin yadī kisān na hoñ to sārā sañsār kṣudhā-pīrā se vyākul ho jāy* (P, PP, 27) 'Но если не будет крестьян, то весь мир испытает муки голода'; *mujhe kisī kā rupayā dene meñ koī inkār nahīñ, agar kisī kā rupayā vāstav meñ mere ūpar nikaltā ho* (NN, 58) 'Я не отказываюсь возвратить деньги, если я действительно кому-то должен'; *yadī mujh meñ hī koī khās bāt āp ne de-khī ho to mujhe batāiye* (Y, DK, 156) 'Если вы заметили во мне что-то особенное, то, пожалуйста, скажите мне об этом'.

Л. Г. Лозовой считает, что условие, заключенное в придаточной части, содержащей сослагательное наклонение, является предположительным¹⁷. Такое понимание значения, передаваемого при помощи сослагательного наклонения, представляется в общем правильным. Однако следует уточнить характер предположительности, выражаемой при помощи сослагательного наклонения, ибо термины предположитель-

¹⁶ Такая работа в отношении литературного хинди была проделана Л. Г. Лозовым, см. его статью: Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XIII, Индийская филология, М., 1958, стр. 179—212.

¹⁷ Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, стр. 185.

ность, предположительный могут быть отнесены к значению, передаваемому в хинди так называемым условным наклонением.

Отношение действия, обозначенного в придаточной части глаголом, выступающим в форме сослагательного наклонения, к действительности может пониматься по-разному. Так, в первом примере речь идет о действии, заведомо не соответствующем действительности, о неосуществимом действии (возможен перевод: 'если бы не стало крестьян, то весь мир подвергся бы мукам голода'). Во втором и третьем примерах глагол придаточной части обозначает действие, которое расценивается как осуществимое, реализация которого не представляется исключенной. Однако эти различные оттенки выявляются на основании контекста. Очевидно, в самом сослагательном наклонении заключено отвлечение от упомянутых смысловых моментов, в связи с которыми придаточная часть, содержащая глагол в форме сослагательного наклонения, в одних случаях близка по своей семантике к придаточной части с формой условного наклонения, в других — к придаточной части с формой изъявительного наклонения. Это значит, что выражаемое предположение имеет характер мысленного допущения.

Отмеченное предположительное значение не препятствует использованию сослагательного наклонения (в частности, его простой формы) в придаточной части сложных предложений, сообщающих об обычных действиях, о действиях совершающихся вообще: *rāt ko yadi der se ghar āūn to jāgti rahti hai* (S, TY, 127) 'Если я возвращаюсь домой позднее обычного, то застаю ее бодрствующей'.

В подобных сложных предложениях внимание не обращается на какой-либо конкретный случай осуществления того, о чем сообщается в придаточной (а также и главной) части предложения. Следовательно, по отношению к каждому отдельному случаю высказывание содержит в себе долю гипотетичности. Оно является неопределенно-обобщающим по своему характеру. Сложноподчиненные предложения такого рода часто встречаются в научной литературе, в частности при изложении правил, законов: *yadi śabda ke ant meṇ apūr-ṇoccarit a āve to upāntya akṣar par zor parā hai* 'Если в конце слова появляется редуцированное «а», то ударение падает на предпоследний слог'¹⁸.

При употреблении изъявительного наклонения в придаточной части выражаемое условие также бывает предположитель-

¹⁸ К. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 56 k, рг. 42.

ным, так как основание условного суждения высказывается гипотетически. Данное положение касается в первую очередь условий, относимых к плану будущего времени, поскольку «всякое будущее представляется более или менее условным, точно так же, как всякое условное обычно мыслится в будущем»¹⁹. Поэтому, когда выражаемое в хинди условие относится к будущему времени, придаточная часть с формой сослагательного наклонения нередко имеет примерно такое же значение, какое передается придаточной частью с формой изъявительного наклонения. Вот почему А. П. Баранников счел возможным отметить, что к условным предложениям с сослагательным наклонением «весьма близко примыкают условные предложения с формами *Futurum'a*»²⁰.

6. Сослагательное наклонение при уступительно-следственном типе связи

При уступительно-следственном типе связи частей сложно-подчиненного предложения в главной части излагается нечто противоположное тому, что должно было бы вытекать как следствие из содержания придаточной части. По своему смыслу придаточная часть в этом случае близка к придаточной части сложных предложений, характеризующихся условно-следственным типом связи.

Сослагательное наклонение широко используется в придаточной части при уступительно-следственном типе связи. Его формы употребляются тогда, когда содержание придаточной части нужно представить как гипотетическое: *Śyāmā, tum cāhe is lāś par āñsuoñ kī nadī bahā do par yah zindā na hogī* (P, PPh, 33) 'Шьяма, даже если ты прольешь целую реку слез над этим трупом, он не оживет'; *tan^khvāh cāhe kam pātā ho, par sāhab hai saubhāgyavān, jo aīsī strī milī* (S, N, 197) 'Даже если он и получает маленькое жалованье, то все равно ему повезло, раз ему досталась такая жена'; *kisī ne kaisā hī aparādh kyoñ na kiya ho, ap kṣamā kar de-te haiñ* (P, D, 66) 'Какой бы проступок ни совершил кто-либо, вы [всегда] прощаете'.

Здесь глагол придаточной части может обозначать как действие, заведомо противопоставляемое действительности, так и действие, которое можно считать реальным (ср. первый и второй примеры). Следовательно, в сослагательном наклоне-

¹⁹ Б. В. Лавров, *Условные и уступительные предложения в древнерусском языке*, М.—Л., 1941, стр. 62.

²⁰ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 270, стр. 207.

нии заключено отвлечение от весьма различных по своему модальному содержанию оттенков. Этим объясняется сужение сферы применения изъявительного и особенно условного наклонения в придаточной части при уступительно-следственном типе связи частей сложного предложения.

Придаточная часть, содержащая глагол в форме сослагательного наклонения, вводится союзом *cāhe* (или *khvāh*) 'хотя', 'пусть', 'даже'. Нередко при глаголе выступают такие образования, как *kuon na* 'почему (бы) не' и *bhale hī* 'ничего', 'неважно', подчеркивающие уступительное значение придаточной части и являющиеся формальными показателями подчинения в случае опущения союза. При употреблении в придаточной части вопросительных (а также неопределенных) местоимений и наречий с эмфатической частицей *hī* или *bhī* придаточная часть получает обобщенно-уступительное значение. В ней указывается на усиленное или предельное проявление действия или признака (см. последний пример).

7. Сослагательное наклонение при временном типе связи

При временном типе связи частей сложноподчиненного предложения придаточная часть указывает на время совершения того, о чем говорится в главной части.

Наиболее общим показателем временных отношений, устанавливаемых между содержанием частей сложного предложения, является союз *jab* 'когда'. Конкретный характер выражаемых отношений зависит от того, какие финитные формы глагола выступают в придаточной и главной частях сложного предложения, и от контекста. При этом временной тип связи может сближаться с условно-следственным типом, поскольку между условием и следствием существуют временные отношения. При употреблении в придаточной части сослагательного наклонения временной тип связи с точки зрения семантики сливается с условно-следственным типом. Это связано с тем, что содержанию соответствующей части высказывания придается гипотетический характер: *parantu jab vah apnā dharmā na samajhte hoñ yā na samajh sakte hoñ to hamārā dharmma hai ki apne ghar ke kām ko lāt deñ...* (S, TY, 248) 'Но когда они не понимают или не могут понять, в чем состоит их долг, тогда нам надлежит отложить в сторону все домашние дела...' При переводе данного примера возможно использование двойного условного союза *если...то* вместо *когда...тогда*.

Простая форма сослагательного наклонения находит применение в придаточной части, вводимой посредством состав-

ных союзов *is se pahle ki, is se pūrva ki, is ke pahle ki* и других, имеющих значение 'прежде чем', 'до того как', и посредством *jab tak* в таком же значении. В данном случае глагол придаточной части, не имея при себе отрицательной частицы, обозначает такое действие, которому предшествует действие главной части, т. е. действие, не осуществляющееся к моменту реализации содержания главной части: *is ke pahile ki main āp ko giraftār karūn, main kuch aur tahqīqāt karnā cāhtā hūn* (K, 9) 'Прежде чем арестовать вас, я хочу произвести дополнительное расследование'; *jab tak Lākhi dūsra tīr calāve, Ninni ne arne ke mastak ke bīcōñbīc kā nišānā lekar tīr choṛ diyā* (MN, 192) 'Прежде чем Лакхи выпустила вторую стрелу, Нинни выстрелила из лука, прицелившись в голову буйвола'.

Глагол придаточной части, вводимой посредством *jab tak*, может выступать в простой форме сослагательного наклонения при сообщении о действии, обуславливающем прекращение того, о чем говорится в главной части. В данном случае глагол придаточной части имеет при себе отрицательную частицу *na* 'не', и конструкция *jab tak...na* соответствует такому обороту русского языка, как (*до тех пор*) *пока не*: *jab tak rājakīya senā na ā jāy dvār-rakṣā honī cāhie* (Ir, 108) 'Пока не подойдет войско раджи, нужно охранять ворота'; *main jab tak bhojan na banāūn unheñ ko cīz rucī hī na thī* (P, RP, 234) 'Пока я не готовила пищу, все было ему не по вкусу'.

Следует обратить особое внимание на возможность использования простой формы сослагательного наклонения в придаточной части в тех случаях, когда в сложном предложении сообщается об обычных, повторяющихся действиях, относимых к прошлому (см. последний из приведенных выше примеров). Этот случай употребления формы сослагательного наклонения обусловлен, по-видимому, тем, что глагольное действие придаточной части можно понимать как гипотетическое, коль скоро в высказывании не говорится о каком-либо определенном, конкретном случае проявления содержания придаточной части.

8. Сослагательное наклонение при относительном типе связи

В сложноподчиненных предложениях, характеризующихся данным типом связи их частей, придаточная часть присоединяется к главной посредством относительных (союзных) слов, выполняющих в придаточной части функцию одного из ее синтаксических членов. Она в зависимости от роли в составе сложного предложения может расцениваться как придаточное

предложение определительное, или дополнительное, или подлежащее, или же обстоятельственное.

При этом сослагательное наклонение, используемое в придаточной части, служит для передачи таких же модальных оттенков, которые были отмечены при некоторых других типах связи, рассмотренных выше.

Часто при относительном типе связи сослагательное наклонение придает содержанию придаточной части такой же предположительный оттенок, как и при условно-следственном типе связи. Вследствие использования сослагательного наклонения содержание придаточной части, вводимой посредством союзного слова, можно расценивать как условие реализации того, о чем говорится в главной части: *tumheñ jo larkā diḡ kare, use pīt diyā karo* (P, N, 50) 'Бей того мальчика, который будет досаждать тебе' (возможен перевод: 'Если какой-нибудь мальчик будет досаждать тебе, бей его'); *jo na corī kar saktā ho aur na sīnāzori, use to ādhunik samay meñ ḡismat par hāth rakhkar ronā hī ucit hai* (NN, 45) 'Тому, кто не умеет красть и не имеет нахальства, подобает ныне опустить руки и оплакивать свою судьбу'; *vah dākū thā aur jo vastu use pasand ā jāy, us par apnā adhikār samajhtā thā* (S, TY, 102) 'Он был разбойником и считал своей любую вещь, которая ему понравится'.

Из последнего примера видно, что простая форма сослагательного наклонения может быть употреблена и тогда, когда в сложном предложении сообщается об обычных действиях, относимых к прошедшему времени. Здесь не имеется в виду конкретный случай проявления того, о чем говорится в придаточной части.

Сослагательное наклонение (как правило, простая форма) употребляется в придаточной части, определяющей какое-либо слово главной части по целевому или следственному признаку. То, о чем сообщается в придаточной части, мыслится в качестве цели, следствия или предмета желания: *hamēñ apne darbār ke lie ek kavī kī zarūrat hai, jo sacmuc kavī ho* (S, N, 1) 'Нам при дворе нужен поэт, который на деле был бы поэтом'; *ek din āve jab tum sab sone-cāndnī se bharpūr ho jāo aur apne mandir ko jaise kā taisā banvā lo* (MN, 12) 'Да наступит день, когда вы все будете иметь много золота и серебра и возведете для себя точно такой же храм'.

Сослагательное наклонение может способствовать выражению придаточной частью оттенка нереального сравнения: *...aur vah ṡakṡakī bāndhe bacce kī or dekh rahā hai hasrat-bhart āñkhoñ se, us kanjūs sāhūkār kī bhāñtī, jis ke sāmne us kā sab kuch luṡ rahā ho* (A, P, 34) '...и он пристально смотрит на

ребенка глазами, полными печали, подобно скупому ростовщику, у которого отнимают все его состояние'.

Если за относительным словом придаточной части, содержащей форму сослагательного наклонения, следует неопределенное местоимение или эмфатическая частица *bhī* 'и', 'даже', 'тоже', то придаточная часть получает обобщенно-уступительное значение: ...*jo kuch mere kiye ho saktā ho, us ke karne ke lie main sab bhāntī taiyār hūn* (P, SS, 68) 'Я готов сделать все, что в моих силах'.

К. Гурю, затрагивая в своей грамматике вопрос об употреблении простой формы сослагательного наклонения в придаточных предложениях, вводимых при помощи относительных местоимений и наречий, отмечает, что эта форма служит для выражения неопределенности (*anīścau*)²¹. Однако следует отметить, что выражению неопределенности способствуют также и относительные слова, которые, как мы видим на основании приведенных выше примеров, не указывают на какое-либо конкретное лицо, качество и т. п. Этим и объясняется возможность широкого использования сослагательного наклонения в придаточной части при относительном типе связи.

Особым случаем употребления сослагательного наклонения в придаточной части при относительном типе соединения частей сложного предложения является его использование в связи с отрицательным значением главной части: *ghar meñ koī aīsī vastu nahīñ hai, jise bekar rupaye jamā ho sakeñ* (K, 131) 'В доме нет такой вещи, от продажи которой могли бы накопиться деньги'; *javār kā koī aīsā ādmī na thā jo un do bhāiyōñ ko aur unkī tākāt aur bahādurī ko na jāntā ho* (GM, 15) 'Во всем округе не было человека, который бы не знал этих двух братьев, их силы и отваги'; *par aīsī ek mahilā bhī na thī jis kī nigāh kaṭār yā talvār kī taraf gaī ho* (P, PP, 362) 'Но не было ни одной такой женщины, чей взгляд упал бы на кинжал или меч'.

В подобных примерах действие придаточной части не может считаться реальным, так как в главной части отрицается реальность того, к чему относится содержание придаточной.

Разновидностью относительного типа связи частей сложноподчиненного предложения можно считать присоединительный тип, при котором придаточная часть, вводимая союзным словом, относится не к отдельному слову главной части, а ко всей главной части в целом. Сослагательное наклонение при этом типе связи выступает в придаточной части, передающей значение цели (с оттенком следствия). Такая придаточная

²¹ К. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 593 e, рг. 460.

часть вводится посредством *jis se* или *jis meñ: tū apne āne ke det (tārīkh) kī sūcnā mujhe fauran tār se de, jis se tu jhe risēv karne main̄ štešan pahūnc sakūñ* (Am, 60) 'Ты немедленно сообщи мне в телеграмме дату своего прибытия, чтобы я мог встретить тебя на станции'.

* * *

По способу выражения модальной характеристики действия, обозначенного в придаточной части глаголом в форме сослагательного наклонения, изъяснительный тип связи частей сложноподчиненного предложения отличается от остальных типов. Если при изъяснительном типе связи на конкретную модальную характеристику действия придаточной части указывает своим лексическим значением какое-либо знаменательное слово (или его эквивалент, выступающий в виде фразеологической единицы) главной части, то при других типах связи модальную характеристику действия придаточной части можно понять лишь на основе анализа смысловых отношений между содержанием главной и придаточной частей. При изъяснительном, следственном и относительном типах связи употребление сослагательного наклонения в придаточной части может также определяться отрицательным значением главной части. Следовательно, сослагательное наклонение в придаточной части выступает или в связи с лексическим значением одного из компонентов главной части, или в связи с тем, что передаваемое модальное значение оказывается свойственным придаточной части при данном смысловом отношении между частями сложного предложения, или в связи с отрицательным значением главной части.

В случае изъяснительного типа связи сослагательное наклонение придаточной части выступает в общем модальном значении, возникшем в результате абстрагирования от тех модальностей, на которые указывают компоненты главной части. При этом в ряде случаев компоненты главной части указывают на такие значения (предположительность, цель, условие), которые составляют семантику придаточной части при других типах связи (придаточная часть при сравнительном типе связи, при выражении целевого отношения, при условно-следственном типе связи). Очевидно, в отношении модального значения между придаточной частью, характерной для изъяснительного типа связи, и придаточной частью, свойственной другим типам, нет четкой границы.

И действительно, подобно тому, как при изъяснительном типе связи частей сложного предложения характер смысло-

го отношения между частями сложного предложения определяется лексическим компонентом главной части, при других типах он определяется структурой сложного предложения в целом. В том и другом случае смысловое отношение между частями сложного предложения нельзя объяснить, исходя из какого-либо конкретного модального значения формы сослагательного наклонения придаточной части. Поэтому, как и при изъявительном типе связи, при других типах связи сослагательное наклонение также нужно считать выступающим в общем, наиболее абстрагированном модальном значении. Проведенный анализ языкового материала позволяет сделать следующий вывод: в основе использования в придаточной части сослагательного наклонения лежит представление о действии, вопрос о реализации которого остается открытым.

Этим модальным содержанием сослагательного наклонения объясняется то, что оно не находит применения в придаточной части при причинно-следственном типе связи. С другой стороны, благодаря этому модальному содержанию наклонения выражаемое в придаточной части предположение носит характер мысленного допущения — при условно-следственном, уступительно-следственном, относительном типах связи, в случаях отрицательного значения главной части.

Значение мысленного допущения усматривается нами в придаточной части таких сложных предложений, в которых сообщается об обычных, повторяющихся действиях. Было бы ошибкой думать, что в таком случае сослагательное наклонение вторгается в сферу использования, свойственную лишь изъявительному наклонению. Уместно указать на то, что в придаточном предложении древнеиндийского языка при выражении содержания общего характера мог использоваться оптатив, получивший в связи с таким употреблением название итеративного, а не индикатив: *ardharājyaharam bhṛtyam yo na hanyāt sa hanyate* 'Тот, кто не убивает слугу, захватившего полцарства, убивается'²². Поскольку в сложном предложении не сообщается о каком-либо конкретном, определенном случае, постольку можно говорить о значении предположения по отношению к каждому конкретному случаю. Высказывание по своему характеру является неопределенно-обобщающим.

Как мы видели, сослагательное наклонение хинди широко используется в придаточной части сложноподчиненных предложений. Однако нет оснований считать его лишь средством

²² J. S. Speyer, *Vedische und Sanskrit-Syntax*, — «Grundriss der Indoarischen Philologie und Altertumskunde», Bd 1, Hft 6, Strassburg, 1896, S. 59; J. Gonda, *The character of the Indo-European moods*, pp. 62—63, 176.

подчинения. Подобное мнение находилось бы в противоречии с тем фактом, что сослагательное наклонение придаточной части обладает модальным значением. Очевидно, случаи использования сослагательного наклонения обуславливаются его семантикой. Нужно также учитывать, что в сложноподчиненных предложениях в тех же синтаксических позициях, в которых выступает это наклонение, могут употребляться формы других наклонений, имеющих иное модальное значение.

Лишь в той мере, в какой сослагательное наклонение придаточной части является формальным признаком сложного предложения определенной структуры, допустимо говорить о нем как о средстве подчинения. В применении к хинди это касается использования сослагательного наклонения в придаточной части, передающей значение цели, в придаточной части, относящейся к отрицательной по смыслу главной части, и в придаточной части, вводимой посредством *is se pahle ki, jab tak* 'прежде чем'. Однако и здесь, особенно при выражении значения цели и при использовании в связи с отрицательным значением главной части, роль сослагательного наклонения не сводится лишь к формальной роли подчинения, поскольку оно несет в себе модальное значение, проявляющееся и в других случаях его употребления.

Существует различие между модальным значением сослагательного наклонения в придаточной части сложного предложения и его значением в простом предложении. Оно состоит в том, что в придаточной части сослагательное наклонение выступает по преимуществу в общем модальном значении, а в простом предложении им передается какой-либо конкретный модальный оттенок. Однако между случаями использования сослагательного наклонения в придаточной части и случаями его употребления в простом предложении существует тесная связь. Она проявляется в двух отношениях: 1) в той мере, в какой придаточная часть обладает признаками простого предложения, существует возможность понимать сослагательное наклонение в каком-либо из его конкретных модальных значений; 2) при изъяснительном типе соединения частей сложноподчиненного предложения компоненты главной части указывают своим лексическим значением преимущественно на те модальности, какими характеризуется простое предложение.

Как и в простом предложении, в придаточной части также наибольшей употребительностью обладает простая форма сослагательного наклонения. Она используется во всех выявленных нами случаях употребления сослагательного наклонения. При изъяснительном типе связи аналитические формы этого наклонения выступают лишь при выражении значения возмож-

ности и при указании на предполагаемый характер действия. Иначе говоря, они не встречаются, как правило, тогда, когда компонент главной части указывает на модальности действия, объединяемые в перспективно-потенциальном значении, или выражает значение цели и условия. При других типах связи аналитические формы сослагательного наклонения не выступают, как правило, в придаточных частях, передающих значение цели или следствия, а также в придаточных частях, вводимых посредством таких соединительных средств, как *is se pahle ki* 'прежде чем', *jab tak* 'прежде чем', 'до тех пор, пока не'.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

На основании рассмотрения употребления сослагательного наклонения в независимом предложении и в придаточной части сложноподчиненного предложения можно утверждать, что в семантическом плане специфика сослагательного наклонения в общей форме определяется тем, что при его употреблении о действии сообщается безотносительно к факту реализации данного действия, вне связи с констатацией факта реализации.

В частности, такой спецификой сослагательного наклонения объясняется функциональная сопоставимость его простой формы с формой глагола, назначением которой в языке является наименование действия, т. е. с неопределенной формой глагола. Это ясно видно из сравнения друг с другом следующих примеров, приводимых попарно:

а) *strī kā pahlā dharma yah hai ki vah rasoi ke kām meñ catur ho* (P, M 4, 103) 'Первая обязанность женщины состоит в том, чтобы она была искусной в приготовлении пищи'; *un kā to dharma hai apne puruṣ kī sevā karnā* (P, PP, 358) 'Их обязанность — служить своему мужу';

б) *unhoñ ne ek sabhā sthāpit kī hai, jis kā ekmātra uddeśya yah hai ki is prathā ko uṭhā diyā jāe* (S, SS, 138) 'Он организовал общество, единственная цель которого состоит в том, чтобы уничтожить этот обычай'; *unkā vāstavik uddeśya hai, Kāngres meñ apnī śakti baṛhānā!* (Y, DD, 98) 'Их действительной целью является усиление своего влияния в Конгрессе'.

Простая форма сослагательного наклонения отличается более широким диапазоном использования по сравнению с аналитическими формами этого же наклонения. Посредством этой формы выражается значение следования или значение одновременности. В независимом предложении эти значения передаются обычно по отношению к моменту речи, в придаточной же

части сложноподчиненного предложения — по отношению ко времени действия главной части. Наиболее часто данная форма сослагательного наклонения употребляется при выражении значения следования: *ham Kalkatte caleṅge, vahāñ lākhoñ log baste haiñ, śāyad vahāñ koī kām mil jāe* (KC, AD, 36) 'Мы уедем в Калькутту. Там живут сотни тысяч людей. Там, возможно, найдется какая-нибудь работа'; *us ne is śart par rupayā de diyā ki gaune ke bād use gahne mil jāyañ* (A, P, 71) 'Она дала деньги на том условии, что по совершении обряда гаун украшения достанутся ей'.

Значение же одновременности преимущественно передает-ся данной формой, образованной от глагола *honā* 'быть': *Laj-jāvai ne phir kahā — śāyad yah hamārī antim bheñt ho* (P, PP, 167) '«Возможно, это наша последняя встреча», — проговорила Ладджавати'; *lagtā thā jaise koī caurā sā mārga ho* (MN, 151) 'Казалось, словно [это] какая-то широкая дорога'.

Итак, с точки зрения выражения временного значения простая форма сослагательного наклонения понимается как форма настояще-будущего времени. В этом смысле она сопоставима с формой будущего времени изъявительного наклонения или же с формой настоящего времени изъявительного наклонения (что характерно для глагола *honā*). Однако, в случае выражения сравнения независимым предложением, время действия, обозначенного глаголом, стоящим в простой форме сослагательного наклонения, выявляется из контекста. В частности, такое действие может мыслиться в плане прошедшего времени: *Jāy mānoñ sahānubhūti, dukh, mamtā aur prem ke sammi-śrit bhāvoñ kī sāṅṣāt mūr̥ti ho, use dekhkar marnevāle rogi-yoñ ke liye marnā saral ho jātā thā* (KC, Gar, 40) 'Джой словно являлась живым воплощением сострадания, печали, материнской привязанности и любви, слитых воедино. При виде ее находящимся при смерти больным становилось легко умирать'.

Простая форма сослагательного наклонения не обладает каким-либо положительным признаком, который характеризовал бы действие в отношении способа его протекания с той же определенностью, какая свойственна аналитическим формам сослагательного наклонения. Все же можно отметить, что действие, обозначенное глаголом, стоящим в простой форме сослагательного наклонения, предстает как единичный акт.

Глагол в форме имперфектива сослагательного наклонения обычно обозначает действие, которое является более или менее постоянно присущим субъекту, или же действие, которое мыслится обычным, повторяющимся: *vah mere cāo ko pahicāñ*

gaī hai. kuch gāñvāle bhī syāt jānte hoñ (MN, 28) 'Она догадалась о моей страсти. Возможно, некоторые жители деревни также знают об этом'; *parantu kabhī kabhī kist ajñāt bhay se hṛday par bojh sā partā, jaise koī kaleje par patthar sā rakh detā ho* (S, TY, 165) 'Но время от времени сердце сжималось от неведомого страха, как будто кто-то клал на него камень'.

Отмеченным видовым значением имперфектива сослагательного наклонения обуславливается то, что глагольное действие преимущественно мыслится в плане настоящего времени; причем в придаточной части (см. последний пример) время действия определяется временем действия главной части, т. е. является настоящим по отношению к плану описываемых событий. Однако в зависимости от контекста эта форма иногда используется для выражения действия, мыслимого в плане прошедшего времени: *maiñ Lakhnāi meñ thā, vah Dillī meñ, lekin aisā śāyad hī koī mahīnā jātā ho ki ham āpas meñ na mil jāte hoñ* (P, GJ, 100) 'Я жил в Лакнау, а он в Дели. Но вряд ли проходил такой месяц, когда бы мы не встречались друг с другом'.

Итак, с точки зрения передачи временных отношений имперфектив сослагательного наклонения сопоставим с формой настоящего несовершенного (презенсом) и с формой прошедшего несовершенного (имперфектом) изъявительного наклонения.

Посредством перфектива сослагательного наклонения передается значение завершенности действия ранее какого-то момента. В независимом предложении идея предшествования выражается по отношению к моменту речи, в придаточной части сложноподчиненного предложения — обычно по отношению ко времени действия главной части: *śāyad yah rānā na hoñ, koī chaliyā un'ke rūp meñ dhokhā dene āyā ho* (S, SS, 211) 'Пожалуй, это не царь, а какой-то обманщик в его облике явился [сюда] надуть [нас]'; *dūsre dīn kālīj jāte samay lajja āne lagī, jaise mujh se koī aparādh ho gayā ho* (S, P, 10) 'На другой день по пути в колледж я почувствовал стыд, как будто мною было совершено какое-то преступление'.

Видовым значением перфектива сослагательного наклонения объясняется то обстоятельство, что осуществление действия обычно мыслится в плане прошедшего времени. При этом перфектив сослагательного наклонения оказывается сопоставимым с перфектом, претеритом или плюсквамперфектом изъявительного наклонения: *kisī vaid-hakīm ko bulāne bhejnā cāhte hoñge. śāyad bukhār tez ho gayā ho* (P, SS, 8) 'Он, должно быть, хочет послать за врачом. Возможно, у него усилился

жар'; *mālūm nahīn, kyā socā. tumkin, jaisā sab socte haiṇ, unhoṇ ne bhī socā ho* (SB, 62) 'Неизвестно, что он подумал. Возможно, он подумал так же, как думают все'; *mere kamre meṇ kyā karne āyā thā? mujhe dhokhā to nahīn huā? śāyad dīdī jī ke kamre se āyā ho* (P, N, 148) 'Зачем он приходил в мою комнату? Уж не показалось ли это мне? Может быть, он входил сюда из комнаты золотки'.

В придаточной части сложноподчиненного предложения, характеризующегося условно-следственным типом связи его частей, перфектив сослагательного наклонения может иногда использоваться для выражения действия, относимого к будущему времени. Впервые на эту особенность данной глагольной формы обратил внимание Л. Г. Лозовой. Подобное употребление перфектива сослагательного наклонения он иллюстрирует, в частности, таким примером: *aise vyakti kā sthān rikta ho jāyga yadi us ne ek rājya ke atirikta anya rājyoṇ meṇ ke vidhān māṇaloṇ ke apne sthān ko pahile hī tyāg na diyā ho* 'Место такого лица будет освобождено, если оно (это лицо) заранее не подаст в отставку в учредительных собраниях других штатов, кроме одного'²³.

Дуратив сослагательного наклонения представляет действие в его развитии, в процессе его конкретного совершения в определенный момент: *khyāl āyā, śāyad skūl meṇ koī tamā-ṣā ho rahā ho* (P, N, 173) '«Возможно, в школе идет какое-нибудь представление», — подумал он'.

В связи со своим видовым значением дуратив сослагательного наклонения широко используется там, где в целях большей выразительности нужно задержать внимание на глагольном действии, а именно при выражении сравнения как в независимом предложении, так и в придаточной части сложноподчиненного предложения: *hāu yah pīrā! māno tīvra lahareṇ taṭ se ṭakrā rahī hoṇ!* (KC, Gar, 43) 'О, эта боль! Словно мощные волны бьются о берег!'; *...aur Lākhī ne dūsri or muṇh pherkar aṇcal muṇh par rakh liyā, māno ṭhaṇḍ se apnī rakṣā kar rahī ho* (MN, 317) '...а Лакхи, отвернувшись в сторону, закрыла лицо покрывалом, словно она защищалась от холода'.

Следует отметить, что время действия независимого предложения при выражении сравнения посредством дуратива сослагательного наклонения определяется на основании контекста, а время действия придаточной части относится к временному плану действия главной части.

²³ Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, стр. 190.

Итак, мы видим, что формы сослагательного наклонения различаются между собой в основном по видовому признаку, т. е. они по-разному выражают способ протекания действия. Противопоставление по видовому признаку в первую очередь касается аналитических форм сослагательного наклонения, каждая из которых существует в языке как средство выражения определенного видового значения. Различие между аналитическими формами сослагательного наклонения, проявляющееся в отношении выражения временного значения, представляется производным от различия между ними по видовому признаку. В простой же форме сослагательного наклонения временное значение предстает как ведущее.

Отношения, существующие между аналитическими формами сослагательного наклонения, целесообразно изложить следующим образом. По признаку перфективности — имперфективности перфектив сослагательного наклонения противопоставляется имперфективу и дуративу. Противопоставленность же дуратива сослагательного наклонения имперфективу определяется тем, что дуратив сигнализирует о конкретном действии, протекающем в данный момент, а имперфектив оставляет признак актуальности действия для данного момента невыраженным. Простая форма сослагательного наклонения не затрагивается этими оппозициями.

Различие в модальном отношении между сослагательным наклонением и изъявительным устраняется в следующих случаях: в независимом предложении при выражении недостоверности содержания сообщения и при выражении нереального сравнения и в придаточной части сложного предложения при выражении нереального сравнения и при указании на предполагаемое, кажущееся действие. Однако и в этих случаях различие между двумя наклонениями сохраняется в отношении способности передавать временные значения: в каждой из форм сослагательного наклонения, в особенности в аналитических формах, стираются те временные оттенки, выражение каждого из которых составляет содержание той или иной формы изъявительного наклонения.

ГЛАВА III

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

ВЫДЕЛИМОСТЬ ФОРМ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ ИЗ ФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА ХИНДИ И ИХ ОБРАЗОВАНИЕ

То, что в языке хинди имперфективное причастие в ряде случаев своего использования должно рассматриваться как финитная форма глагола, не вызывает сомнения у авторов работ по языку хинди. И действительно, это причастие способно выступать на месте любого глагольного сказуемого, в связи с чем его противопоставление какому-либо глагольному сказуемому понимается в логико-синтаксическом плане как противопоставление одной финитной формы другой. Однако лингвисты по-разному трактуют финитную форму глагола, представленную имперфективным причастием. Способность этой финитной формы выражать различные модальные, а также и временные значения заставляет некоторых ученых считать, что в ней реализуется явление грамматической омонимии (в частности, омонимии, затрагивающей различные наклонения), тогда как другие ученые рассматривают ее как единую форму. В каких же значениях употребляется финитная форма глагола, представленная имперфективным причастием?

В сочетании с отрицательной частицей *nahīñ* 'не' эта форма имеет значение настоящего времени: *maiñ to bhagvān ke nām ke sivāy kuch nahīñ jāntā* (MN, 31) 'Я ведь не знаю ничего, кроме имени бога'.

При отсутствии отрицания для передачи этого же временного значения необходимо использование глагола *honā* 'быть' в простой форме настоящего времени, который, будучи вспомогательным, образует совместно с причастием аналитическую форму настоящего времени смыслового глагола (презенс): *maiñ inheñ jāntī hūñ* (JS, 183) 'Я его знаю'.

Итак, отсутствие вспомогательного глагола при передаче значения настоящего времени находится в связи с определенными синтаксическими условиями — использованием отрицатель-

ной частицы *nahīn*. Это дает нам возможность рассматривать финитную форму глагола, равную имперфективному причастию, при ее использовании для выражения значения настоящего времени в качестве синтаксически обусловленного варианта формы настоящего времени (презенса). Допустимость такой трактовки анализируемой формы особенно ясно видна из примеров, где данная форма, выступая с отрицательной частицей, употребляется вместе с аналитической глагольной формой, не имеющей при себе отрицания: *log akhbār parhte haiñ, maiñ akhbār bhī nahīn parhtā* (S, N, 200) 'Люди читают газеты, а я и газет не читаю'.

Поэтому лингвисты склонны рассматривать финитную форму, представленную имперфективным причастием, при выражении ею значения настоящего времени как форму настоящего времени с опущенным вспомогательным глаголом¹.

Финитная форма, представленная имперфективным причастием, часто используется в хинди при обозначении регулярно повторяющихся действий, относимых к плану прошедшего времени: *prati tīsre mās Śivanāth ko bīs minaṭ ke liye ghar ke logon se milne kī ājñā miltī* (Y, DD, 40) 'Через каждые три месяца Шиванатх получал разрешение на двадцатиминутное свидание со своими домашними'.

Значительно реже глагол в этой форме выражает такое действие, относимое к прошедшему времени, которое мыслится как постоянный признак субъекта: *grām ke dakṣiṇ meñ ek kacā rāstā lagbhag pāñc mīl jākar grāñḍ trank roḍ se miltā* (CGh, 78) 'К югу от деревни проезжая дорога примерно через пять миль выходила к основной магистрали'.

Кроме того, финитная форма, равная имперфективному причастию, употребляется при выражении значения нереальности глагольного действия: *maiñ ṣeṣaṇ par hī āp se miltā aur kistī prakār kā kaṣṭa na hone detā* (Y, DD, 218) 'Я бы встретил вас на станции и устранил бы всякие трудности'.

Во многих случаях судить о том, какое из значений выражается финитной формой, представленной имперфективным причастием, — значение прошедшего времени в аспекте изъявительной модальности или же значение нереальности, — можно лишь на основании контекста. В особенности это касается употребления анализируемой формы в обеих частях сложноподчиненного предложения при выражении условия в придаточной части, что видно из сопоставления двух следующих примеров: *yadī kabhī vah mujhe darpaṇ ke sāmne dekh letīñ to*

¹ J. T. Platts, *A grammar of the Hindūstānī or Urdu language*, London, 1874, p. 142.

jhirakne lagtīn (P, PD, 4) 'Если ей случалось видеть меня перед зеркалом, то она начинала браниться'; *agar unheñ rāstā de detā, to apnī jān musibat meñ phañstī* (P, M 7, 54) 'Если бы [я] уступил им дорогу, то на мою голову обрушилось бы бедствие'.

Разумеется, значение реальности действия, относимого к прошлому, и значение нереальности, которое мы наблюдаем в примерах, существенно отличаются друг от друга в модальном отношении. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать, что в финитной форме, представленной имперфективным причастием, реализуется явление грамматической омонимии, затрагивающей изъявительное и, скажем, условное наклонение? Утвердительный ответ на поставленный вопрос будет означать по сути дела признание существования в современном хинди особого наклонения — условного.

Вернемся к языковому материалу. В хинди для выражения значения реальности действия, относимого к прошлому, будь то регулярно повторяющееся действие или же действие, мыслимое как постоянный признак субъекта, используется, кроме финитной формы, равной имперфективному причастию, аналитическая глагольная форма, состоящая из имперфективного причастия и вспомогательного глагола *honā* 'быть' в форме прошедшего времени. Такое употребление аналитической формы, за которой закрепилось название «несовершенное прошедшее время» (имперфект), иллюстрируется следующими примерами: *das se cār baje tak sir nice kiye vah barābar apne kām meñ lagā rahtā thā* (S, TY, 18) 'С десяти до четырех часов он без перерыва сидел, склонившись за работой'; *un se miṣṭar Rāmraṁṣā kā svabhāo na miltā thā* (P, SS, 59) 'У господина Рамракша был совсем другой характер, чем у него'.

О факультативности выбора одной из упомянутых выше форм может свидетельствовать следующий пример, где при выражении условия в одном случае употреблен имперфект, в другом — финитная форма глагола, равная имперфективному причастию: *yadī fasal kam hotī thī to yah hissā kam ho jātā. fasal adhik hotī to rājā ko bhī lagān adhik mil jātā* (KC, PR, 2) 'Если урожай был незначительным, то размер этой доли уменьшался. Если же урожай был большим, то тогда и раджа получал больше в качестве налога'.

Однако эти формы нельзя считать целиком равнозначными. Так, при сообщении о действии, относящемся к какому-то определенному моменту в прошлом, форма, равная причастию, не используется, а употребление имперфекта допустимо: *vah ghore ko urāye liye jāte the. is samay unheñ apne tan-badan kā hoś na thā, na marne kā bhay thā* (S, TY, 232) 'Он мчал-

ся, погоняя лошадь. В это время он не ощущал самого себя, и смерть ему была не страшна'.

Следовательно, финитную форму глагола, представленную имперфективным причастием, допустимо считать эквивалентом несовершенного прошедшего времени (имперфекта изъявительного наклонения) при сообщении о регулярно повторяющихся действиях, а иногда и при сообщении о действии — постоянном признаке субъекта. В связи с этим некоторые из грамматистов склонны рассматривать данную финитную форму как несовершенное прошедшее время с опущенным вспомогательным глаголом. Так, Камтапрасад Гуру, касаясь вопроса о несовершенном прошедшем времени, пишет следующее: «Когда посредством этой временной формы обозначается обычность, относящаяся к прошлому, тогда вспомогательный глагол часто опускают»². Этой же точки зрения придерживается и Плэттс³. В грамматике хинди, изданной индийским правительством, анализируемая финитная форма трактуется как разновидность прошедшего обычного (the Habitual Past), употребляемая почти исключительно при сообщении о повторяющемся в прошлом событии⁴.

Итак, в языке хинди для выражения изъявительной модальности в плане прошедшего времени может использоваться как несовершенное прошедшее время, построенное аналитически, так и финитная форма, представленная имперфективным причастием. Это значит, что нет необходимой зависимости между выражением указанного значения и использованием финитной формы глагола, представленной имперфективным причастием.

Однако такая зависимость существует между выражением отмеченного выше значения нереальности глагольного действия и употреблением упомянутой формы. На самом деле, эта форма является по существу единственным средством выражения отмеченного выше значения нереальности, т.е. наличие финитной формы, представленной имперфективным причастием, есть неотъемлемый признак предложения при передаче значения нереальности. В связи с этим и возникает возможность считать эту форму при выражении ею модального значения нереальности омонимичной такой же форме, служащей для сообщения о реальном действии, относящемся к прошлому. Следовательно, выделение в хинди условного наклонения обусловливается возможностью рассмотрения финитной формы

² K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 388(3)(a), p. 284.

³ J. T. Platts, *A grammar...*, p. 352.

⁴ «A basic grammar...», p. 71.

глагола, представленной имперфективным причастием, в качестве специального средства выражения нереальности в том смысле, что именно для выражения нереальности использование данной формы обязательно.

При таком подходе, разумеется, финитную форму, равную имперфективному причастию, в случае выражения ею реального действия, относящегося к прошлому, следует рассматривать в системе изъявительного наклонения. Таким образом, существуют веские основания считать, что в финитной форме глагола языка хинди, равной имперфективному причастию, реализуется явление грамматической омонимии, затрагивающей как изъявительное наклонение при выражении значения настоящего времени (в случае наличия отрицательной частицы *na-hīn*) и значения прошедшего времени (в основном при сообщении об обычном, повторяющемся действии), так и условное наклонение. Особенно примечательно то, что в применении к хинди допустимо положительное решение вопроса об омонимичности формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы условного наклонения. Если же мы обратимся к бенгальскому языку, то в нем особое условное наклонение не выделяется, поскольку для выражения значения реальности в плане прошедшего времени и для выражения значения нереальности используется исключительно одна и та же форма, представляющая собой не что иное, как имперфективное причастие, осложненное личными окончаниями. Поэтому весьма ценным является замечание индийского филолога-бенгальца, проливающее свет на расхождение между хинди и бенгали: «Форма прошедшего времени с суффиксом *ta*, например *sa karita* или *āmi karitām* ('он или я имел обыкновение делать'), не выступает отчетливо в пракритах, хотя она встречается так или иначе во всех современных арийских языках. В хинди построение *maiñ kartā* является употребительным, однако для полного выражения значения прошедшего времени в стандартной форме присоединяется *thā*»⁵.

Такое использование финитной формы, равной имперфективному причастию, о котором говорилось выше в применении к современному хинди, наблюдается и в ранних прозаических произведениях на хинди (кхари боли), относящихся в основном к началу XIX в. В них, как показывают примеры, данная форма также выступает в значениях:

а) настоящего времени (при наличии отрицательной частицы при глаголе): *puruṣ kā pāñv aīsā choṭā nahīñ hotā* (BP, 363) 'Мужская нога такой маленькой не бывает';

⁵ B. Mazumdar, *The history of the Bengali language*, 2 ed., Calcutta, 1927, p. 299.

б) прошедшего времени при сообщении о регулярно повторяющихся событиях: *usī tarah rāt ko mard hotā aur din ko randī banā rahtā* (BP, 237) 'Таким образом ночью [он] был мужчиной, а днем превращался в женщину';

в) нереальности глагольного действия: *arī Madanbān, jo tū bhī us ke sāth hotī to hamārā jī bhartā* (RKK, 18) 'О Маданбан, если бы и ты была с нею, то на душе у нас было бы спокойно'.

Таким образом, в литературном хинди практика использования имперфективного причастия в качестве финитной формы глагола для выражения отмеченных значений имеет длительную историю.

Примечательно, что в ряде новоиндийских языков значение нереальности и значение обычного прошедшего времени выражаются одинаковой формой, построенной на базе имперфективного причастия, или же при помощи сходных между собой форм, восходящих к имперфективному причастию. В бенгальском языке, как уже отмечалось, имеется единая форма, служащая для выражения обоих значений. В гуджарати же одна из форм представляет собой имперфективное причастие, осложненное окончаниями в зависимости от рода и (в мужском и среднем роде) от числа имени, с которым данная форма сочетается. Другая же форма представляет собой причастие, не осложненное флексией. Первая из форм имеет значение прошедшего обычного времени (*calto* 'ходил'), вторая же используется как форма условного наклонения (*calat* 'ходил бы', 'шел бы')⁶.

С. К. Чаттерджи на основе анализа языкового материала, касающегося истории бенгальского языка, склоняется к выводу, что подобное использование имперфективного причастия в качестве финитной формы может иметь своим источником употребление причастия в конструкции с абсолютным местным падежом⁷. Им отмечается употребление имперфективного причастия в качестве финитной формы в среднебенгальском языке и приводятся примеры на его использование для обозначения нереального условия и следствия: *dubiā maritō jabe nā thākita Kānhē* 'Я бы умер, утонув, если бы не было Кришны'⁸.

Данного вопроса касается также итальянский ученый Л. П. Тесситори в своей работе о старом западном раджаст-

⁶ G. A. Grierson, *On the radical and participial tenses of the modern Indo-Aryan languages*, — JASB, vol. LXIV, 1895, p. 367.

⁷ S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, pt 2, Calcutta, 1926, p. 959.

⁸ Ibid., p. 960.

хани⁹. Под этим термином он имеет в виду язык, от которого ведут свое начало современный гуджарати и марвари. Тесситори пишет: «Как и в большинстве родственных языков, в старом западном раджастхани причастие настоящего времени может употребляться в качестве финитной формы для передачи значения имперфекта и прошедшего условного». При этом отмечается, что в одном случае причастие, как правило, выступает, будучи осложненным флексией, в другом случае — без флексии. По его мнению, такое различие обуславливается местом ударения. Согласно Тесситори, конструкция с абсолютным местным падежом способствовала употреблению причастия в качестве финитной формы в значении имперфекта. Он приводит ряд примеров на использование причастия в обоих значениях: *rājya levā vāchatai* '[Он] хотел захватить царство'; *jaī evadu tapu karata tai mokṣi-i-ji pāmata* 'Если бы он проявил такое подвижничество, то достиг бы освобождения'. Ссылаясь на пракритскую грамматику Хемачандры (сутра III, 180), Тесситори утверждает, что уже в пракрите причастие выступало в качестве прошедшего условного.

Ж. Блок отмечает, что в апабхрانشа засвидетельствовано употребление причастия в значении прошедшего длительного времени, а в пракрите и апабхрانشа — в значении нереального условия¹⁰. Он иллюстрирует использование причастия во втором из значений в различных языках Индии: гуджарати, панджаби, языке Тулси Даса и др.¹¹. Сукумар Сен также обращает внимание на употребление в апабхрانشа причастия на *-ant* при выражении нереального условия и следствия и приводит ряд примеров¹².

Мы сравнительно подробно остановились на взглядах С. К. Чаттерджи, Л. П. Тесситори и Ж. Блока, чтобы показать, насколько для индоарийских языков является характерной однотипность в формальном способе выражения значения прошедшего времени (преимущественно прошедшего обычного) и значения нереальности, проявляющегося в сложном предложении при выражении условия и следствия. Такая однотипность может свидетельствовать о том, что между обоими этими значениями существует связь, что они с точки зрения семантики в каком-то отношении близки друг другу.

Известный русский языковед А. А. Потебня в общих чер-

⁹ L. P. Tessitori, *Notes on the grammar of the Old Western Rajasthani with special reference to Apabhramṣa and to Gujarati and Marwari*, — «Indian antiquary», vol. XLIV, 1915, § 123, pp. 96—97.

¹⁰ J. Bloch, *L'indo-aryen...*, p. 264.

¹¹ Ibid.

¹² S. Sen, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, pp. 112—113.

тах указал на то, что роднит прошедшее время изъявительного наклонения с так называемыми идеальными наклонениями. Таким объединяющим фактором, по мнению А. А. Потебни, является признак отсутствия действия налицо¹³. Касаясь индоарийского языкового материала, Ж. Блок замечает, что значение нереального условия вытекает из соединения эвентуального значения и значения прошедшего времени¹⁴. Однако что позволяет эвентуальному значению гармонически сочетаться со значением прошедшего времени? На этот вопрос мы не находим ответа у Блока. По нашему мнению, причину следует усматривать в выражении обычности, повторяемости действия, относимого к прошедшему времени. На самом деле, повторяемость, обычность действия отнюдь не значит, что данное действие осуществляется всегда. Поэтому по отношению к какому-либо отдельному случаю можно допустить, что действие не осуществляется, т. е. является нереальным. Пример: *us kā zyādā samay duḥkhī logoñ kī sevā meñ guzartā thā. gāñv meñ koī bīmār hotā, Sulakkhī pahuñc jāī* (S, SS, 201) 'Много времени она проводила в уходе за несчастными. Если в деревне кто-нибудь болел, то [к больному] приходила Сулаккхи'.

Здесь в обеих частях сложноподчиненного предложения (при бессоюзном подчинении) говорится об обычных, повторяющихся событиях, относящихся к прошлому. Однако если иметь в виду отдельный случай, то можно думать, что действия не были осуществлены, и дать такой перевод: 'Если бы в деревне кто-нибудь болел, то пришла бы Сулаккхи'.

Поэтому можно предположить, что способность имперфективного причастия среднеиндийского языка выражать значение нереальности (как правило, нереального условия и нереального следствия) тесно связана с его функцией передавать значение обычности, повторяемости действия в прошлом и что нереальность глагольного действия относилась первоначально к плану прошедшего времени.

Как отмечают исследователи, в индоарийских языках на средней ступени их развития имперфективное причастие (причастие настоящего времени) использовалось в качестве финитной формы для обозначения действия, относящегося к любому временному плану при выражении изъявительной модальности¹⁵. В современном хинди финитная форма глагола,

¹³ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, ч. I—II, Харьков, 1888, стр. 27).

¹⁴ J. Bloch, *L'indo-aryen...*, p. 264.

¹⁵ S. Sen, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, p. 112.

представленная имперфективным причастием, служит для выражения нереальности действия не только в плане прошедшего времени, но и в плане настоящего и будущего времени, что будет показано ниже на языковом материале. Подобное расширение сферы употребления причастия при выражении значения нереальности стало возможным благодаря закреплению за причастием данного модального значения. Оно, очевидно, сопровождалось сужением сферы использования причастия для обозначения действий, характеризующихся изъявительной модальностью.

Итак, основой для формирования условного наклонения, как особой грамматической категории глагола современного хинди, явилась функция причастия настоящего времени среднеиндийского языка выступать в значении нереальности при выражении условно-следственной связи. Выделимость условного наклонения в современном хинди определяется возможностью считать, что в финитной форме, представленной имперфективным причастием, реализуется явление грамматической омонимии, затрагивающей изъявительное и условное наклонения.

Эта форма легла в основу образования аналитических форм условного наклонения современного хинди, возникновение которых находится в связи с процессом развития причастных образований в системе финитных форм глагола хинди. Аналитические формы условного наклонения хинди образованы путем сочетания причастия (имперфективного, перфективного или дуративного) с финитной формой от вспомогательного глагола *honā* 'быть', равной имперфективному причастию.

Среди ученых, признающих существование в хинди особого условного наклонения, является общепризнанной точка зрения, что явление грамматической омонимии, затрагивающей изъявительное и условное наклонения, проявляется лишь в простой форме и не проявляется в аналитических формах. Однако это не так. О неправильности подобной точки зрения могут свидетельствовать примеры, в которых аналитические глагольные формы, содержащие в своем составе финитную форму глагола *honā* 'быть', равную имперфективному причастию, служат для передачи значения многократности или регулярной повторяемости действия в прошлом, т. е. употребляются в значении изъявительной модальности.

Итак, в условном наклонении языка хинди можно выделить четыре формы, из которых одна представлена имперфективным причастием (простая форма), а другие строятся аналитически.

Спряжение глагола *bolnā* 'говорить' в простой форме условного наклонения выглядит следующим образом:

		Мужской род		Женский род	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	л.	<i>boltā</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltīñ</i>
2-е	л.	<i>boltā</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltīñ</i>
3-е	л.	<i>boltā</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltīñ</i>

Как видим, простая форма условного наклонения претерпевает изменения в зависимости от рода и числа имени, с которым она вступает в предикативное словосочетание, и не изменяется по лицам. Таким образом, простая форма условного наклонения, как финитная форма глагола, отличается от имперфективного причастия лишь тем, что она характеризуется особой морфемой множественного числа женского рода (морфема *-tīñ*).

Аналитические формы условного наклонения образуются путем сочетания причастия от смыслового глагола с простой формой условного наклонения от вспомогательного глагола *honā* 'быть'. В зависимости от того, какое причастие — имперфективное, перфективное или дуративное — участвует в образовании аналитической формы условного наклонения, в языке хинди выделяются следующие аналитические формы условного наклонения: имперфектив, перфектив, дуратив. Причастие, входящее в состав аналитической формы, претерпевает изменения по правилам согласования, действующим в хинди, в зависимости от рода, а в мужском роде в зависимости и от числа имени. Перфектив условного наклонения от переходных глаголов обуславливает использование конструкции с послелогом *ne*.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В имеющихся грамматиках выявлению случаев использования форм условного наклонения и выяснению значения этих форм уделяется мало внимания. Частично это объясняется тем, что многие грамматисты, как указывалось выше, вообще не склонны выделять в языке хинди особое условное наклонение. Другой же причиной является то, что при освещении данного вопроса авторы, как правило, не опираются на достаточный языковой материал. В результате в ряде работ аналитические формы условного наклонения не упоминаются. Так, в грамматиках Шекспира и Абдула Хака ничего не говорится о существовании аналитической формы, которую мы

назвали имперфективом условного наклонения, в работе Хайдари ничего не говорится о перфективе и имперфективе условного наклонения¹⁶. Кроме того, в большинстве работ внимание обращается лишь на случай употребления условного наклонения в сложноподчиненном предложении с придаточным условным, а другие случаи его использования остаются обычно вне поля зрения грамматистов.

В методологическом отношении освещение вопроса об условном наклонении в большой степени страдает теми же недостатками, что и анализ сослагательного наклонения: а) часто не отмечаются те моменты, которые связаны с выражением того или иного модального оттенка формой условного наклонения или свойственны предложению при выражении данного оттенка; б) употребление условного наклонения в независимом предложении не всегда строго отграничено от его употребления в придаточном предложении (в придаточной части сложноподчиненного предложения).

Что же касается анализа смысловой стороны условного наклонения, то в грамматиках и учебниках хинди представлены далеко не все модальные оттенки, которые могут выражаться условным наклонением. В связи с этим не получает удовлетворительного решения вопрос о том, в чем проявляется семантическое сходство и различие между условным наклонением и сослагательным.

Как и при рассмотрении случаев использования сослагательного наклонения, в нашем изложении анализ употребления условного наклонения в независимом предложении будет предшествовать анализу его употребления в придаточном предложении.

Однако прежде всего необходимо учитывать то, что условное наклонение наиболее часто встречается в главном и придаточном предложениях сложноподчиненного предложения с придаточным условным, т. е. при условно-следственном типе связи частей сложноподчиненного предложения. Это значит, что такое употребление условного наклонения наиболее типично для хинди. Надо также иметь в виду, что условное наклонение (о чем можно судить на основании приводимого в работах С. К. Чаттерджи, Л. П. Тесситори, Ж. Блока и С. Сена языкового материала, относящегося к среднеиндийскому языку и к ранней стадии современных индоарийских языков) формировалось в аналогичных синтаксических услови-

¹⁶ J. Shakespear, *A grammar of the Hindustani language*, 3 ed., London, 1826; 'Abdul Haq, *Qavā'id-e-Urdū*, Aurangābād (Dakan), 1936; M. A. Kh. Haidari, *The munshi. A standard Hindustani grammar, in Hindi script*, 12 ed., Delhi, 1942.

ях, т. е. в сложном предложении, указывающем на нереальное условие и следствие. Поэтому за данным наклонением и закрепилось название «условное».

В связи с изложенным становится очевидным, что прежде всего целесообразно рассмотреть употребление условного наклонения в сложноподчиненном предложении при условно-следственном типе соединения его частей. Это позволит легче понять другие случаи употребления условного наклонения.

Употребление условного наклонения в сложном предложении при условно-следственном типе связи его частей

Вопросу об использовании условного наклонения в сложноподчиненном предложении для выражения действия-условия и действия-следствия уделено значительное место в статье Л. Г. Лозового об условных предложениях в хинди. Он приходит к выводу: «При выражении сказуемого главного и условного предложений формами условного наклонения отмечается нереальный тип условно-следственной связи»¹⁷. Так как в грамматической традиции имеет место выделение различных видов условного периода (например, реального, потенциального и ирреального), понятых в логическом плане¹⁸, с данным выводом Л. Г. Лозового можно согласиться. Пользуясь терминологией Л. П. Размусена, можно сказать, что по своей роли условное наклонение хинди — это *modus irrealis*, или наклонение недействительного предположения¹⁹.

Из форм условного наклонения наиболее употребительна простая форма: *pīche dī.es.pī.kharā thā.agar unheñ rāstā de detā, to apnī jān musībat meñ phaṇstī* (Р, М 7, 54) 'Позади находился заместитель старшего инспектора полиции. Если бы [я] уступил им дорогу, то на мою голову обрушилось бы бедствие'; *Khannā ke sammukh dāñt khāte samay yadī prthvī phaṭ jātī to vah saharṣa us meñ samā jātī* (Y, DD, 281) 'Если бы в то время, когда она в присутствии Кханны выслушивала оскорбления, разверзлась земля, то она с радостью скрылась бы в ней'.

¹⁷ Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, стр. 203.

¹⁸ С. И. Соболевский, *Грамматика латинского языка*, М., 1950, стр. 252—260; А. Н. Попов, П. М. Шендяпин, *Латинский язык*, М., 1958, стр. 297.

¹⁹ Л. П. Размусен, *О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках*, — ЖМНП, СПб., 1891, сентябрь, стр. 9.

В первом примере говорящим имеется в виду, что 'я не уступил им дороги, и поэтому на мою голову не обрушилось бедствие'; во втором — говорящий имеет в виду, что '...земля не разверзлась, и, следовательно, у нее не было никакой возможности скрыться в ней'. В обоих примерах неосуществление одного действия, реализация которого является условием реализации другого действия, влечет за собой неосуществление этого другого действия, т. е. действия-следствия. Следовательно, глагол, выступающий в форме условного наклонения как в придаточной части, так и в главной части сложноподчиненного предложения, обозначает нереальное действие. При этом такое действие представляется нереальным в силу того, что оно противопоставляется той ситуации, которая, с точки зрения говорящего, существует в действительности, а не в силу простого отрицания данного действия. В случае выражения простого отрицания мы имели бы глагол в форме изъявительного наклонения с отрицательной частицей.

Таким образом, нереальность, выражаемая с помощью условного наклонения, является нереальностью, соотносимой с определенной ситуацией, существующей в действительности. Это не нереальность вообще, а нереальность по отношению к определенной ситуации, к ситуации, которая может непосредственно обозначаться формами изъявительного наклонения, что мы наблюдаем в следующих примерах: *prārabdha meñ yah likhā hai yah mālūn na thā, mālūn hotā to jogin ban jātī* (S, SS, 185) 'Я не знала, что такова моя судьба. Если бы знала, то стала бы отшельницей'; *balki sac pūchā jāe to dangā usī ke udyog se itnī jaldī śānt ho gayā. yadi vah na cāhtā to dangā abhī śānt na hotā* (K, 9) 'По правде говоря, беспорядки так быстро прекратились благодаря его стараниям. Если бы он не хотел, то беспорядки не прекратились бы еще'.

Итак, отношения, выражаемые при помощи формы условного наклонения, противопоставляются тем отношениям, которые, с точки зрения говорящего, существуют в действительности. В связи с этим существующие в действительности отношения являются как бы фоном, необходимым для понимания значения условного наклонения. Само же условное наклонение предстает перед нами как такое, которое обозначает действие, не реализующееся в силу того, что оно противопоставляется реальному ходу событий.

Во втором из приведенных в этом разделе примеров действие придаточной части является в смысловом отношении заведомо противоречащим действительности, в связи с чем условие выступает как заведомая фикция. Тем самым отвер-

гается сама возможность (речь идет о реальной возможности, вытекающей из объективных условий и способной превратиться в действительность) осуществления как того, о чем сообщается в придаточной части, так и того, о чем говорится в главной части. В противоположность этому в остальных трех примерах действия придаточной и главной частей предстают перед нами как такие, возможность реализации которых не превращается в действительность. Следовательно, глагол в форме условного наклонения может обозначать как осуществимое действие, возможность реализации которого не превращается в действительность, так и действие, которое, будучи заведомо противоречащим действительности, не является осуществимым. Это значит, что форма условного наклонения находит применение независимо от того, является ли действие, противопоставляемое действительности, возможным или невозможным. Главное для этой формы — обозначать такое действие, которое противопоставляется действительности.

Из последнего примера видно, что когда условие и следствие заключают в себе отрицание, то в высказывании выражается мысль о том, что в действительности имеет место как раз то, что отрицается в условии и следствии. Этот смысловой момент свойствен не только хинди. Он характерен для любого языка при выражении в нем нереального условного периода.

Нередко при выражении нереального условного периода главная часть сложноподчиненного предложения представляет собой риторический вопрос, например: *us ne mujhe apnē āmodan kā keval ek khilāunā banāyā thā, yadi use mujh se prem hotā to kyā vah mujh se vivāh na kar letā?* (Р, РР, 118) 'Он сделал меня лишь игрушкой для своей забавы. Если бы он любил меня, то разве не женился бы на мне?'

Л. Г. Лозовой справедливо отмечает, что выражением риторического вопроса подчеркивается несостоятельность условия, выставленного самим говорящим. В связи с этим высказывание приобретает характер ответа на возможное сомнение относительно нереальности условия. С другой же стороны, данной конструкцией подчеркивается, что в случае осуществления действия-условия та реальная ситуация, которую имеет в виду говорящий (в нашем примере: 'Он сделал меня лишь игрушкой для своей забавы'), была бы немыслима.

В литературе по языку хинди нередко высказывается мнение, что нереальность, выражаемая при помощи анализируемой нами формы, относится лишь к прошедшему времени и не может относиться к настоящему и будущему времени. В ряде случаев такой взгляд объясняется тем, что некоторые из грамматистов, например Даусон, Хернле, Гирсон, Келлогг, Шол-

берг, Дхирендра Варма, усматривают лишь временное различие между простой формой сослагательного наклонения и простой формой условного наклонения; причем Келлогг, Шолберг и Дхирендра Варма точно так же трактуют и аналитические формы, которые мы, вслед за А. П. Баранниковым и Камтапра-садом Гуру, относим к двум различным наклонениям — сосла-гательному и условному²⁰. В частности, Келлогг при освеще-нии вопроса о случаях употребления формы, которую он назвал *Indefinite Imperfect* (неопределенное несовершенное время), пи-шет: «Она обычно употребляется в протасисе и аподосисе услов-ных предложений. При таком использовании она относится к прошедшему времени и в протасисе выражает неосуществле-ние условия, а в аподосисе указывает на то, что произошло бы, если бы условие было выполнено»²¹.

Такой же точки зрения на временную соотношенность про-стой формы условного наклонения придерживаются и другие лингвисты: Хайдари, Васудева, Б. Б. Шарма. Об этом свиде-тельствует даже название, которое упомянутые авторы дают рассматриваемой форме: *Past Conditional* — у Хайдари и Васу-девы, прошедшее время условно-следственной зависимости (*hetuhetumad bhūt*) — у Б. Б. Шармы²². Б. Б. Шарма в своей работе приводит такое определение: «Ту глагольную форму, посредством которой выражается, что осуществление дейст-вия являлось возможным в прошлом, но по какой-то причине не могло иметь места, называют прошедшим временем услов-но-следственной зависимости»²³.

А. П. Баранников, Камтапрасад Гуру и Арьендра Шарма утверждают, что нереальность, выражаемая формой глагола, представленной имперфективным причастием, может относить-ся к любому временному плану²⁴. Л. Г. Лозовой на основе анализа языкового материала приходит к такому же выводу. Он пишет: «...при выражении сказуемых главного и условно-го придаточного предложений простой формой настоящего

²⁰ J. Dowson, *A grammar of the Urdū or Hindūstānī language*, Lon- don, 1887, p. 175; R. Hoernle, *A comparative grammar of the Gaudian languages with special reference to the Eastern Hindi*, London, 1883, pp. 331, 353; G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, vol. IX, pt 1, p. 57; S. H. Kellogg, *A grammar...*, table XV, pp. 242—244; H. C. Schol- berg, *Concise grammar of the Hindi language*, § 107, pp. 83—85; Dhīren- dra Varmā, *Hindī bhāṣā kā itihāsa*, p. 298.

²¹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 775(5), p. 465.

²² M. A. Kh. Haidari, *The munshī. A standard Hindustani grammar*, p. 82; C. L. Vasudeva, *The modern Hindi teacher*, Allahabad, 1950, pp. 40—41; Bī. Bī. Śarmā, *Navīn Hindī vyākaraṇ*, Cand enḍ kampanī, Dillī, p. 55.

²³ Bī. Bī. Śarmā, *Navīn Hindī vyākaraṇ*, p. 59.

²⁴ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, стр. 88; K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 631(a), p. 463; «A basic grammar...», p. 77.

времени условного наклонения условие, равно как и следствие, могут относиться к любому времени: прошедшему, настоящему или будущему»²⁵.

Вторая точка зрения является правильной. Нереальность, выражаемая простой формой условного наклонения, может относиться как к плану прошедшего времени, так и к плану настоящего и будущего времени. Все дело в том, в каком временном плане мыслится та ситуация, которой противопоставляется выражаемая нереальность. Во всех приведенных выше примерах такая ситуация понимается в плане прошедшего времени. В первых двух примерах мы можем судить об этом на основании контекста. В остальных примерах временной план обнаруживается на основании того, что простая форма условного наклонения соотносится с какой-либо из форм прошедшего времени изъявительного наклонения, выступающего вне пределов данного сложноподчиненного предложения: *mālūm hotā* придаточной части — *mālūm na thā, śānt na hotā* главной части — *śānt ho gayā, vivāh na kar letā?* главной части — *banāyā thā*.

В следующих примерах выражаемая нереальность относится к плану настоящего времени: *us ke yahān sadā logoñ kī bhīr lagī rahtī hai, us meñ kuch kartab na hotā to itne log kyoñ jamā hote?* (P, PP, 37) 'У него всегда толпится народ. Если бы он не обладал волшебством, то разве собиралось бы столько людей?'; *bābūji, kahīñ ek paisā bhī nahīñ hai, rupaye hote to ammā itnī taklīf kyoñ uṭhātī?* (P, PP, 297) 'О господин, [у меня] нет ни одной пайсы. Если бы были деньги, то разве мать испытывала бы такие лишения?'

Здесь временное значение формы условного наклонения наглядно выявляется из ее сопоставления с формой изъявительного наклонения: *jamā hote?* главной части — *lagī rahtī hai, hote* придаточной части — *nahīñ hai*.

Часто при помощи простой формы условного наклонения выражаются такие условия и следствия, которые по сути дела не имеют четкой отнесенности к какому-либо отрезку времени, к какой-либо временной ступени. Ситуация, которой противопоставлена выражаемая нереальность, мыслится в плане так называемого вневременного настоящего времени, т. е. в плане всех времен: *kyā acchā hotā, agar yah phulvārī hameśā aisi hī gulzār banī rahtī, is ke paude aur phul isī tarah khusī se jhūmte rahte!* (GM, 14) 'Как бы-ло бы хорошо, если бы этот садик всегда был в цвету, если

²⁵ Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, стр. 192.

бы его растения и цветки так же ликующе раскачивались [над землей]!’

В следующем примере условие и следствие относятся к плану будущего времени, о чем мы можем судить лишь на основании контекста: *sac, agar aisā ho jātā to kitnā acchā hotā. becārī kī zindagī sukh se kaṭ jātī* (GM, 83) ‘В самом деле, если бы так получилось, то как было бы здорово. Жизнь бедняжки прошла бы счастливо’.

В случае соотнесения условия или следствия с планом будущего времени форма условного наклонения иногда передает оттенок желательности глагольного действия. Само высказывание при этом приобретает характер осторожного совета, осторожно выраженного пожелания, а значение противопоставления реальной действительности стирается: *hamāre rahte hī agar tū ghar basā letā to kam-se-kam ham śāntī se...* (GM, 100) ‘Если бы ты женился, пока я жив, то по крайней мере я бы спокойно...’

В этом примере соотнесенность условия и подразумеваемого следствия с планом будущего времени выявляется на основании контекста и на основании семантики обстоятельства придаточной части сложноподчиненного предложения: *hamāre rahte hī* ‘пока я жив’.

Во всех приведенных примерах условие и следствие относятся к одному и тому же временному плану, будь то план прошедшего времени, настоящего или будущего.

Однако могут наблюдаться такие случаи, когда действие-условие и действие-следствие мыслятся в различных временных планах, например: *agar usī samay dām de diyā jātā to āj Samajhū use pher lene kā āgrah na karte* (P, Ss, 59) ‘Если бы деньги были выплачены тогда же, то теперь Самаджху не настаивал бы на возвращении их обратно’; *āp ke mitra aise haiṅ, maiṅ jāntī to hargiz unheṅ na bulātī* (SB, 80) ‘Знай я, что у вас такой друг, я его никогда бы не позвала’; *agar āp na ā jāte to abhī aur bhī piṭṭā, maiṅ ise dāl-āṭe kā bhāo batā detī* (S, SS, 144 — 145) ‘Если бы вы не подошли, то и теперь бы его избивали, я бы показала ему почем фунт лиха’.

В первом из этих примеров действие-условие относится к прошедшему времени, а действие-следствие к настоящему времени, на что, кстати сказать, указывают обстоятельственные слова придаточной и главной частей сложного предложения: *usī samay* ‘тогда же’, *āj* ‘сегодня’, ‘теперь’.

Во втором примере, наоборот, действие-условие мыслится в плане настоящего времени, а действие-следствие соотносится с планом прошедшего времени. В последнем примере

совершение действия-условия мыслится в плане прошедшего времени (выраженная нереальность противопоставлена реальной ситуации, которая была бы обозначена формой перфекта изъявительного наклонения *āp ā gaye haiñ* 'вы подошли'), а из двух действий-следствий одно относится к плану настоящего времени, другое же — к плану будущего времени. Следовательно, простая форма условного наклонения не обладает каким-либо определенным временным значением. Ее функция состоит в том, чтобы передать модальное значение нереальности. Временной же план действия, выраженного глаголом в этой форме, выявляется на основании контекста, на основании сопоставления этой формы с глагольными формами изъявительного наклонения. На временную отнесенность данной глагольной формы могут указывать также обстоятельственные слова, выступающие в составе сложноподчиненного предложения.

Простая форма условного наклонения не находит применения в тех случаях, когда речь идет о заведомо противоречащих действительности действиях, мыслимых в плане будущего времени. В таких случаях обычно используется простая форма сослагательного наклонения: *us samay kinayāl āyā, agar prthoi phaṭ jāy to us meñ samā jāññ* (S, N, 186) 'Тогда появилась мысль: «Если бы разверзлась земля, то я скрылась бы в ней»'; *lekin yadi kisān na hoñ to sārā sañsār kṣudhā-pīrā se vyākul ho jāy* (P, PP, 27) 'Но если не будет крестьян, то весь мир испытает муки голода'.

Следовательно, при сообщении в сложноподчиненном предложении о действиях, заведомо противоречащих действительности, между простой формой условного наклонения и простой формой сослагательного наклонения наличествует противопоставление по временному признаку.

Простая форма условного наклонения употребляется также в том случае, когда в придаточной и главной частях сложноподчиненного предложения говорится о действиях, реализация которых представлялась неисключенной в будущем времени по отношению к основному плану повествования, ведущегося в прошедшем времени: *maiñ chat ke kināre kharī thī. zarā āge barhtī, to mant kī god meñ pahuñc jātī; pīche haṭ jātī, to zindā bac jātī* (S, SS, 168) 'Я стояла у самого края крыши. Если бы я хоть чуточку двинулась вперед, то очутилась бы в объятиях смерти. Если бы отошла назад, то осталась бы живой'.

В данном примере говорится о двух исключаяющих друг друга ходах событий, каждый из которых в какой-то момент прошлого представлялся вполне вероятным. Из контекста яв-

ствует, что в действительности имел место тот ход событий, о котором говорится во втором из сложноподчиненных предложений. Здесь также намечается противопоставление по временному признаку простой формы условного наклонения простой форме сослагательного наклонения или же форме будущего времени изъявительного наклонения. Простая форма условного наклонения противопоставляется здесь двум другим из перечисленных форм как «будущее в прошедшем» или, вернее, «послепрошедшее» «посленастоящему».

Как отмечалось, отношения, выражаемые при помощи условного наклонения, противопоставляются тем отношениям, которые, с точки зрения говорящего, существуют в действительности. В связи с этим в каждом примере простая форма условного наклонения оказывается соотнесенной или мыслится соотнесенной с какой-либо из форм изъявительного наклонения. Приведенные примеры показывают, что простая форма условного наклонения может соотноситься с различными формами изъявительного наклонения. Если же учесть, что между формами изъявительного наклонения существуют различия не только по временному признаку, но и с точки зрения способа протекания действия, то становится очевидным, что простая форма условного наклонения не характеризуется каким-либо определенным видовым значением. Примеры: *yadi lālā Sadānand aisi sajjantā na dikhlāte, aur Śāḍtrām ko bār bār tagādā karke tang karte, to unheñ aisā mānasik kaṣṭa na hotā* (S, TY, 174) 'Если бы лала Садананд не проявлял такого благородства и раз за разом изводил бы Шадирама требованием уплатить долг, то Шадирам не испытывал бы таких душевных страданий'; *yadi peṣagī de dete to maiñ bhāg na jātā* (S, SS, 109) 'Если бы [он] дал аванс, я не убежал бы'.

В первом примере одно из действий-условий, а также и действие-следствие мыслятся как постоянные признаки субъекта, другое же действие-условие (*tang karte* 'изводил бы') понимается как обычное, повторяющееся. Во втором примере в главной и придаточной частях предложения говорится о действиях, которые в отношении способа своего протекания представляются совершенными и однократными.

Рассмотрим теперь аналитические формы условного наклонения при их употреблении в сложноподчиненном предложении, характеризующемся условно-следственным типом связи его частей: *rājā colī pahintā hotā to bhej detā*, — *Ninnī ne kahā* (MN, 187) '«Если бы раджа носил лифчик, то он прислал бы его», — сказала Нинни'; *yadi munṣījī ne sambhāl na liyā hotā, to use barī coṭ ātī* (P, N, 90) 'Если бы мунши не под-

держал его, то он сильно бы ударился'; *mujh ko tum ko sardī lag rahī hotī to kyā sāth na le ā pātīn?* (MN, 316) 'Если бы мы с тобой зябли, то разве мы не захватили бы с собой [толстую ткань]?'

В этих примерах каждая из аналитических форм условного наклонения характеризует сказуемое придаточной части сложноподчиненного предложения. В первом примере употреблен имперфектив условного наклонения, во втором — перфектив, в третьем — дуратив условного наклонения. В следующих примерах имперфектив, перфектив и дуратив условного наклонения оформляют глагол главной части сложного предложения: *ye sab guṇ mujh meṅ hote to main bhī tumhārī tarah... pres meṅ prūfrīdār kā kām kartā hotā* (ĀD, 82) 'Если бы я обладал всеми этими достоинствами, то и я подобно вам... выполнял бы в типографии работу корректора'; *Yuroop meṅ hotā to sone kā mahāl kar liyā hotā* (S, SS, 91) 'Если бы [я] был в Европе, то возвел бы уже дворец из золота'; *apne ghar par hotī to āj vah pāncvīn jamāt meṅ paṛh rahī hotī* (KC, HV, 46) 'Если бы она была у себя дома, то училась бы теперь в пятом классе'.

Итак, каждая из аналитических форм условного наклонения может выступать и в придаточной, и в главной частях сложноподчиненного предложения. При этом, как показывают примеры, аналитические формы условного наклонения в модальном отношении ничем не отличаются от простой формы условного наклонения. Они, подобно простой форме, служат для выражения действия, которое представляется нереальным в силу того, что оно противопоставляется реальной ситуации, реальному ходу событий.

Однако отличие аналитических форм условного наклонения от простой формы того же наклонения состоит в том, что каждая из аналитических форм характеризуется определенным видовым значением.

Так, глагол, выступающий в форме имперфектива условного наклонения, обозначает в двух из приведенных примеров действие, которое является постоянным признаком субъекта: *rahintā hotā* 'носил бы', *kartā hotā* 'выполнял бы'. В следующем примере имперфектив условного наклонения выражает действие, которое можно понять как процесс, протекающий в определенный момент времени: *bābūjī, kalvāle cāroṅ badmāš āj phir āye hue haiṅ. āp ne na bacāyā hotā to āj šarāb yā tārtī kī jagah haldī-gūr pīte hote* (P, M 7, 43) 'Господин, четверо вчерашних негодяев сегодня снова явились. Если бы вы [их] не защитили, то сегодня [они] пили бы патоку вместо вина или водки'.

Из этого примера явствует, что утверждение А. П. Баранникова о том, что данная форма, в отличие от простой формы условного наклонения, относит действие исключительно к прошедшему времени²⁶, не имеет никаких оснований. Здесь посредством имперфектива условного наклонения сообщается о действии, мыслимом в плане настоящего времени (*pitte hote* 'пили бы'), на что указывает и наречие *āj* 'сегодня'. Способностью имперфектива условного наклонения выражать действие, мыслимое как постоянный признак субъекта, обуславливается более частая соотнесенность действия с планом настоящего времени. О подобного рода соотнесенности ясно свидетельствует следующий пример, где формой настоящего времени изъявительного наклонения определяется временной план нереального действия, обозначенного глаголом в форме имперфектива условного наклонения: *kist dūsre sige meñ hote to abhī tak thokareñ khāte hote, nahīñ to ghore par savār nauṣā bane ghūmte haiñ* (P, Ss, 96) 'Если бы он был в каком-нибудь другом департаменте, то до сего времени влачил бы жалкое существование, а ведь он разъезжает верхом, как жених'.

В трех из приведенных примеров выступает перфектив условного наклонения: *sambhāl na liyā hotā* 'не поддержал бы', *kar liyā hotā* 'возвел бы', *na bacāyā hotā* 'не защитили бы'. Им передается значение завершенности действия ранее определенного момента времени. Особенно ярко значение завершенности проявляется при сопоставлении перфектива условного наклонения с имперфективом условного наклонения в тех же синтаксических условиях. Сравним с последним из приведенных примеров, содержащим в главной части сложного предложения имперфектив условного наклонения (*thokareñ khāte hote* 'влачил бы жалкое существование') и обстоятельство, указывающее на конечный предел периода (*abhī tak* 'до сего времени'), следующий пример с перфективом условного наклонения: *bhaiyā hote, to ab tak do-tīn baccon kī māñ ho gaī hotī* (P, GJ, 133) 'Если бы был жив брат, то она уже стала бы матерью нескольких детей'.

При использовании перфектива условного наклонения отенек предствования какому-либо определенному моменту времени, сопутствующий значению законченности действия, часто конкретизируется обстоятельствами времени. Такие обстоятельства, как правило, выражают дистанцию во времени (например, *pahle* 'раньше', *bahut din pahle* 'на много дней раньше', *kab kā* 'давно') или же конечный момент периода

²⁶ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 71, стр. 89.

времени (например, *kal tak* 'до вчерашнего дня', *ab tak* 'к этому времени', 'до сего времени', 'уже'). Следует отметить, что обстоятельствам, указывающим на конечный момент периода времени, более свойственно использование в главной части сложного предложения (см. последний из приведенных примеров). Это объясняется тем, что действие придаточной части, выраженное глаголом в форме перфектива условного наклонения, нередко соотносится с тем моментом времени, к которому приурочено действие главной части, обозначенное глаголом в простой форме или в форме имперфектива условного наклонения: *naṣā meñ agar tum ne mujhe goṭ mār dī hoṭī, to kyā main mar na jātā?* (P, PPh, 23) 'Если бы ты, будучи пьяным, выстрелил в меня, то разве я бы не умер?'

Для обстоятельства *kab kā, kabhī kā* 'давно' тоже характерно употребление в главной части сложноподчиненного предложения: *vah na hoṭī to ghar kab kā caupaṭ ho gayā hoṭā* (A, P, 69) 'Если бы не она, то дом давно бы подвергся разорению'.

По своему видовому признаку перфектив условного наклонения противопоставляется, как это видно из примеров, имперфективу условного наклонения. Простая же форма условного наклонения может выступать в том значении, в каком употребляется перфектив условного наклонения. При этом она обладает способностью сочетаться с теми обстоятельственными словами, которым свойственно указывать на значение предшествования. Так, в придаточной части сложного предложения одного из приводимых примеров с подобного рода обстоятельством сочетается перфектив условного наклонения, в другом же примере в той же синтаксической позиции выступает простая форма условного наклонения: *do-cār din pahle cet gayā hoṭā, to koī kaṭhināt na partī* (P, SS, 27) 'Осень [меня] на несколько дней раньше, то не появилось бы никаких затруднений'; *yadī cār-chaḥ roz pahle sūcnā de dete to sambhav hai ab tak prabandh ho jātā* (K, 97) 'Если бы [вы] уведомили меня на несколько дней раньше, то, возможно, все было бы уже улажено'.

Обращает на себя внимание, что в последнем примере в главной части предложения простая форма условного наклонения выступает в сочетании с обстоятельством *ab tak* 'уже', которому, как отмечалось выше, свойственно употребление с перфективом условного наклонения.

Видовым значением завершенности действия ранее какого-то момента определяется то, что перфектив условного наклонения относит нереальное действие к плану прошедшего времени. В связи с этим перфектив условного наклонения

соотносится с такими формами изъявительного наклонения, как перфект, претерит, плюсквамперфект и будущее III.

В двух примерах, приведенных выше, выступает дуратив условного наклонения: *sardī lag rahī hotī* 'зябли бы', *parh rahī hotī* 'училась бы'. В первом случае эта форма, употребляясь в придаточной части сложного предложения, представляет действие в его развитии, в процессе его конкретного совершения в определенный момент. Такое значение следует считать основным видовым значением дуратива условного наклонения, ибо благодаря этому значению он отличается по видовому признаку не только от перфектива условного наклонения, но и от имперфектива этого же наклонения, который часто выражает действие, более или менее постоянно присущее субъекту. Точнее говоря, дуратив условного наклонения, характеризуясь этим видовым значением, выступает на месте имперфектива условного наклонения, когда обозначаемое глаголом действие мыслится как процесс, протекающий в определенный момент. Во втором случае дуратив условного наклонения, употребляясь в главной части, представляет находящимся в процессе конкретного совершения такое действие, которое можно мыслить как постоянный признак субъекта.

Итак, мы видим, что аналитические формы условного наклонения противоплагаются друг другу по видовому признаку, т. е. с точки зрения способа протекания действия. Простая же форма условного наклонения, за которой не закреплена какое-либо видовое значение, по сравнению с аналитическими формами условного наклонения выступает как универсальная форма. Кстати сказать, в работах Келлога, Пахвы и Форбса имеются указания на то, что простая форма условного наклонения может выступать на месте перфектива условного наклонения²⁷, а Пинкотт в своем учебнике хинди говорит об употреблении простой формы на месте имперфектива условного наклонения²⁸. Отмеченная универсальность простой формы условного наклонения нарушается, пожалуй, лишь тем, что она не выступает на месте дуратива и имперфектива условного наклонения в том случае, когда действие мыслится как процесс, протекающий в определенный момент. Аналитические формы условного наклонения в отличие от омонимичных форм, относимых нами к изъявительному наклонению, не передают значение многократности действия.

Условное наклонение используется также в главной и при-

²⁷ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 793, p. 477; Th. Pahwa, *The modern Hindustani scholar of the Pucca munshi*, Calcutta, 1919; D. Forbes, *A grammar of the Hindustani language*, London, 1855, p. 51.

²⁸ F. Pincott, *Hindi manual*, London.

даточной частях таких сложноподчиненных предложений, в которых условно-следственный тип связи частей сложного предложения сближается с уступительно-следственным: *pratham to is se main bac nahin jāūṅgā, aur yadi bac bhī saktā, tab bhī main aisā na kartā* (К, 64) 'Во-первых, это меня не спасет, и даже если бы я мог спастись, я все равно не поступил бы так'.

Итак, в придаточной и главной частях сложноподчиненного предложения условное наклонение выражает такое действие, которое, будучи противопоставляемым действительному ходу событий, является нереальным. Однако следует учитывать то обстоятельство, что в придаточной части выражается необусловленная нереальность (нереальность самого условия), а в главной части, где речь идет о действии, осуществление которого зависит от условия, изложенного в придаточной части, — обусловленная нереальность.

В языке хинди не существует разницы в способе выражения глагольной формой необусловленной и обусловленной нереальности. В других же языках, например в английском, немецком, французском, налицо использование различных глагольных форм для выражения каждого из отмеченных видов нереальности: *If I hadn't seen him myself I should never have believed in him* (Aldington) 'Если бы я сам его не видел, я никогда не поверил бы в него'; *Wenn er laut gerufen hätte, würde sie ihn gehört haben...* (Kellermann) 'Если бы он позвал громко, то она услышала бы его...'; *Si tu avais moins dansé hier dimanche, tu nous aurais réveillés plus tôt* (Emile Zola) 'Если бы ты вчера в воскресный день меньше танцевала, ты бы нас разбудила раньше'.

В русском языке при выражении нереального условного периода в главной и придаточной частях сложного предложения по преимуществу употребляется сослагательное (условное) наклонение. Однако следует учитывать, что иногда при выражении необусловленной нереальности, т. е. в придаточной части, выступает повелительное наклонение.

Обусловленная нереальность в отличие от необусловленной характеризуется тем, что при ее выражении может быть обозначена различная степень достоверности высказываемого. В языке хинди это находит свое проявление в употреблении в главной части слов, указывающих на степень достоверности высказываемой мысли: *śāyad* 'возможно', *avaśya*, *zarūr* 'конечно', 'непременно', *sambhav hai* 'возможно' и др.: *sau do sau kadam hī khīncnā hotā to śāyad logon kī himmat bandh jātī...* (Р, РР, 256) 'Если бы [до станции] нужно было пройти сто-двести шагов, то, возможно, у людей хватило бы

твердости...'; *agar main aisā na kartā, to sāhab-tem zarūr bhūkhōñ mar jāte* (P, KK, 73) 'Если бы я не поступил так, то господин и госпожа непременно умерли бы от голода'.

Употреблением таких слов в главной части достигается выражение различной степени категоричности (некатегоричности) связи между условием и следствием.

В целом ряде работ отмечается возможность употребления форм изъявительного наклонения при выражении нереальной условно-следственной связи²⁹. Более подробно об этом говорится в статье Л. Г. Лозового об условных предложениях хинди³⁰. Действительно, в современном хинди формы прошедшего времени выступают на месте условного наклонения. Авторы работ по языку хинди отмечают лишь случаи использования изъявительного наклонения в главной части сложного предложения. Однако следует заметить, что изредка изъявительное наклонение встречается и в придаточной части: *main to yah soctī hūñ ki yadi paramātmā ko uṭhānā hī thā to yoñ hī uṭhā letā. tarapne aur tarpāne ke liye yah rog kyoñ diyā?* (A, P, 25) 'Я думаю, что если бы богу было суждено забрать [его] к себе, то он просто бы сделал это. Зачем же он ниспослал эту болезнь, чтобы [он] мучился и мучил других?'

В данном примере в форме простого прошедшего времени изъявительного наклонения употреблен глагол *honā* 'быть', выступающий в составе оборота долженствования с инфинитивом герундивной функции (*uṭhānā hī thā* 'было бы суждено забрать').

Случаи использования изъявительного наклонения в главной части сложного предложения падают в основном, как это справедливо отмечено Л. Г. Лозовым, на глаголы *honā* 'быть' и *saknā* 'мочь'. Глагол *honā*, выступая в простой форме прошедшего времени в качестве глагола-связки или самостоятельного глагола, чаще всего сочетается с таким именем прилагательным или существительным, которое своим лексическим значением указывает на модальную, эмоциональную, этическую и логическую оценку сообщаемого: *tum yadi dīn-rāt ek na kar detīñ, to Hem kā bacnā sarvathā asambhav thā* (S, TY, 8) 'Если бы ты не бодрствовала днем и ночью, то спасение Хема было бы абсолютно невозможным'; *agar vah mere sāth 'na hote to yah kāmyābī muškīl thī* (S, N, 120)

²⁹ J. T. Platts, *A grammar...*, p. 370; S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 905(3)a, p. 533; M. Kempson, *The syntax and idioms of Hindustani*, 2 ed., London, 1894, p. 115; K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 601(a), p. 463.

³⁰ Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, стр. 201—203.

‘Если бы они не были заодно со мной, то было бы трудно добиться такого успеха’.

Часто при этом в главной части не говорится о каком-либо действии или явлении, а содержится по сути дела лишь оценка того, о чем сообщается в придаточной части: *bhāṛ sāhab, āp Aruṇ ko dākṭar ko dikhā jāte to acchā thā* (A, P, 32) ‘Было бы хорошо, брат, если бы вы показали Аруна доктору’; *tū mere yahān calī ātī to kyā harj thā, main to terā parosī hūn* (S, SS, 38) ‘Если бы ты пошла ко мне, то что за беда? Ведь я твой сосед’.

Частое использование прошедшего несовершенного времени от глагола *saknā* ‘мочь’ в главной части свидетельствует о том, что категория условного наклонения не вполне абстрагирована от модальности, составляющей семантику данного глагола: *rupayā paidā karne kī or yadī ve dhyān dete to bahut kuch kar sakte the* (Y, DD, 29) ‘Если бы он уделял внимание приобретению денег, то многое мог бы сделать’.

В примере указание на возможность в прошлом является одновременно показателем того, что возможность не была претворена в действительность. Подобное положение можно наблюдать и в русском языке: *Он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Грушицкий отгадал истину* (Лермонтов).

Другие глаголы в главной части выступают преимущественно в форме плюсквамперфекта изъявительного наклонения: *ham log daurkar pakar na lete to jān hī de dī thī* (P, M 4, 144) ‘Если бы мы, подбежав, не схватили [его], то [он] расстался бы с жизнью’.

В подобных предложениях плюсквамперфект служит обычно для выражения такого действия, осуществление которого было предотвращено в силу хода событий, ссылка на которое содержится в придаточной части.

Все изложенное выше можно резюмировать следующим образом:

1. В сложноподчиненном предложении, характеризующемся условно-следственным типом связи его частей, глагол, выступающий в форме условного наклонения, обозначает преимущественно такое действие, которое представляется нереальным в силу того, что оно противопоставляется реальной ситуации. Здесь речь прежде всего идет о действии, которое заведомо противоречащим действительности не является.

2. При этом простая форма условного наклонения не характеризуется каким-либо определенным временным значением, ибо нереальность, выражаемая посредством этой формы, мо-

жет относиться как к плану прошедшего времени, так и к плану настоящего или будущего времени.

3. При ином модальном содержании, нежели то, которое отмечено в пункте 1, простая форма условного наклонения сближается в модальном отношении с простой формой сослагательного наклонения. Это имеет место в следующих случаях: а) при передаче оттенка желательности глагольного действия, когда выражаемое условие или следствие соотносится с планом будущего времени; б) при сообщении о действиях, заведомо противоречащих реальной ситуации; в) при сообщении о действиях, реализация которых представлялась неисключенной. В двух последних случаях намечается противопоставление простой формы условного наклонения как формы, относящей действие к плану прошлого, простой форме сослагательного наклонения, характеризующейся футуральным значением.

4. Простая форма условного наклонения не характеризуется каким-либо определенным видовым значением, ибо действие, обозначенное глаголом, стоящим в этой форме, в отношении способа своего протекания понимается по-разному в зависимости от контекста, в зависимости от того, с какой формой изъявительного наклонения соотносима эта форма условного наклонения в данном предложении.

5. Аналитические формы условного наклонения в отношении выражения модальности в целом не отличаются от простой формы условного наклонения.

6. В отличие от простой формы условного наклонения каждая из аналитически построенных форм условного наклонения характеризуется особым видовым значением, благодаря чему аналитические формы условного наклонения противопоставляются друг другу по видовому признаку. Перфективом условного наклонения передается значение завершенности действия ранее определенного момента. Имперфектив условного наклонения служит преимущественно для выражения действия, более или менее постоянно присущего субъекту, а дуратив условного наклонения призван представлять действие в процессе его конкретного совершения в определенный момент. Простая же форма условного наклонения по сравнению с аналитическими формами этого наклонения обладает универсальностью.

7. Каждая из форм условного наклонения находит применение как в главной части сложноподчиненного предложения, так и в придаточной.

8. Нереальность, выражаемая главной частью сложноподчиненного предложения, является обусловленной, а нереаль-

ность, выражаемая в придаточной части предложения, — необусловленной.

9. В ряде случаев при выражении нереального условного периода на месте условного наклонения (преимущественно в главной части) выступает изъявительное наклонение.

Употребление условного наклонения в независимом предложении³¹

1. Выражение обусловленной нереальности действия

Значение обусловленной нереальности, свойственное главной части сложноподчиненного предложения при выражении им условного периода, часто присутствует в независимом предложении. В зависимости от способа выражения условия, необходимого для осуществления данного действия, или указания на это условие выделяется ряд случаев выражения обусловленной нереальности в независимом предложении.

Во-первых, указание на отсутствующее условие может содержаться в пределах независимого предложения, например: *sangāṭhit rahkar ye muṭṭhī-bhar ādmī duṣṣmanon ke dānt khaṭṭe kar dete* (P, SS, 83) 'Оставаясь организованной, эта горсточка людей повергла бы в трепет своих врагов'; *kisī aur dīn unhoṅ ne us ādmī ko dūt-kār diyā hotā, magar āj bāhar nikal āye* (P, PPh, 49) 'В другой день он прогнал бы этого человека, но сегодня вышел ему навстречу'.

В первом примере употреблена простая форма условного наклонения, во втором — перфектив условного наклонения. В каждом из примеров на отсутствующее условие указывают слова, выступающие в функции обстоятельства: *sangāṭhit rahkar* 'оставаясь организованной', *kisī aur dīn* 'в другой день'. Таким образом, условие здесь содержится в имплицитном виде, не получая своего выражения в придаточной части сложного предложения, что наглядно проявляется из сопоставления двух следующих примеров: *kisī dūstre samay main dāurkar mān kī tāngon se cimāṭ jātā...* (S, SS, 58) 'В другое время я, подбежав, прильнул бы к ногам матери...'; *dūsrā samay hotā, to vah ānand se pāgal ho jātī* (S, TY, 48) 'Если бы было другое время, то она сошла бы с ума от радости'.

Во-вторых, указание на отсутствие условия, необходимого

³¹ Под независимым предложением здесь имеется в виду простое предложение или часть сложносочиненного предложения или же главная часть сложноподчиненного предложения при любом типе связи его компонентов, кроме условно-следственного.

для осуществления действия, выраженного глаголом, выступающим в форме условного наклонения, может содержаться в предложении, предшествующем предложению с данной формой: *tū ne abhī tak kyoñ nahīñ batāyā. main̄ ūñce afsarōñ se is kī śikāyat kartā* (Am, 5) 'Почему ты до сего времени не сообщил [мне об этом]? Я бы пожаловался на это высшим чиновникам'.

Чаще всего при этом предложение, в котором выступает условное наклонение, вводится такими словами, как *nahīñ (to)*, *varnā*, *anyathā* 'в противном случае', 'иначе', 'а не то', о чем свидетельствует пример с имперфективом условного наклонения и пример с перфективом этого же наклонения: *main̄ itnā aiś kā bandā nahīñ hūñ varnā āj bheroñ ke gallā carātā hotā* (P, PP, 364) 'Я не такой уж раб страстей. Иначе нас бы я ныне отары овец'; *inhīñ jhanjhañ meñ phāñsā rahā, bā-būjī. nahīñ kabhī kā sab thīk ho gayā hotā* (GM, 115) 'Вот в этих самых хлопотах я и потерял голову, господин. Не то все давно бы уладилось'.

В-третьих, указание на отсутствие условия, необходимого для осуществления данного действия, может содержаться в таком предложении, вводимом обычно противительным союзом, которое следует за предложением с условным наклонением: *khat to main̄ pahle hī likhtā par āp kā patā mālūm na thā* (A, BP, 148) 'Я бы прежде написал письмо, но мне не был известен ваш адрес'.

Иногда значение обусловленной нереальности выявляется на основании широкого контекста без какого бы то ни было непосредственного указания на отсутствие условия, что свидетельствует о высокой степени абстрагированности условного наклонения в значении обусловленной нереальности: *jītnā rupayā is ke peṭ meñ jhoñk cuke itne se to ab tak gāñv moī le lete* (P, Ss, 45) 'Мы бы уже купили деревню на те деньги, которые потратили, чтобы прокормить ее'.

В независимом предложении, передающем с помощью условного наклонения значение обусловленной нереальности, может содержаться риторический вопрос: *tīśvar ko manzūr hī na thā kī vah lakṣmī mere ghar ātī, nahīñ to kyā yah vraj girtā?* (P, N, 18) 'Всевышнему было неужгодно, чтобы такое счастье пришло ко мне в дом. Иначе разве обрушился бы на мою голову этот удар?'.

Выступая в независимом предложении в значении обусловленной нереальности, условное наклонение характеризуется теми же свойствами, какие ему присущи в главной части сложноподчиненного предложения, выражающего нереальный условный период. В частности, важно обратить внимание на

то, что нереальность, выраженная простой формой условного наклонения, может относиться к любому из трех временных планов: к плану прошедшего, настоящего или будущего времени: *Candā sab kuch bhūl sab se pahle vahī bāt kahtī, parantu Rāj kī sās kī upasthiti meñ lācār thī* (Y, DD, 364) 'Чанда, позабыв обо всем, рассказала бы прежде всего об этом, но в присутствии свекрови Радж она была не в силах поступить так'; *maiñ tumheñ kaṣṭa na detā, par vivāś hūñ* (A, KS, 45) 'Я не беспокоил бы вас, но вынужден делать это'; *ās-pās ke das-bārah ziloñ kī daulat to yahāñ zarūr calī atī. par āp ne hamārā kārbār dhūl meñ milā diyā* (CGh, 133) 'Богатство десяти-двенадцати соседних округов несомненно поступило бы сюда. Но вы расстроили все дело'.

Когда повествование ведется в прошедшем времени, глагол независимого предложения, выступающий в простой форме условного наклонения, может обозначать обусловленное действие, которое связано с планом будущего времени по отношению к плану описываемых событий: *vah keval pati kī suvidhā hī ke lie kuch baṭorne kā prayatna kar rahī thī. pati hī kī kyon? Siyārām hī to pitā ke bād ghar kā svāmī hotā* (P, N, 176) 'Она старалась накопить какую-то сумму лишь для блага мужа. Почему только мужа? Ведь после смерти своего отца Сиярам был бы хозяином в доме'.

Вопрос о реализации такого действия может оставаться открытым. Употребление простой формы условного наклонения определяется точкой зрения лица, осуществляющего высказывание, на описываемые события. Именно поэтому простая форма условного наклонения приобретает значение будущего в прошедшем или, точнее говоря, послепрошедшего времени. Если бы временной план данного действия устанавливался с точки зрения лица, о мыслях, переживаниях которого повествуется, то следовало бы ожидать использование будущего времени изъявительного наклонения или же, поскольку не констатируется реальность действия, простой формы сослагательного наклонения: *Siyārām... ghar kā svāmī hogā* (или *ho*) 'Ведь Сиярам... будет (возможно, будет) хозяином в доме'. В примере простая форма условного наклонения обнаруживает свою противопоставленность форме будущего времени изъявительного наклонения или же простой форме сослагательного наклонения по временному признаку как «послепрошедшее» «посленастоящему».

При выражении обусловленной нереальности в независимом предложении точно так же, как в главной части сложного предложения, может быть использована форма прошедшего времени изъявительного наклонения: *...avaśyamev āp hī kī*

sattā mere śarīr meñ ā gaī thī. anyathā yah vijay asam-bhav thī (S, SS, 25) 'Несомненно, в мое тело вселилась ваша сила. Иначе такая победа была бы невозможна'.

2. Выражение риторического вопроса

Простая форма условного наклонения находит применение в предложениях, содержащих риторический вопрос. Здесь нами имеется в виду тот случай употребления данной формы, который отмечается Камтапрасадам Гуру, когда он говорит об использовании этой формы в вопросительном предложении «в ответ на сомнение относительно какого-либо события в прошлом» и приводит следующий пример: *maiñ is per ko kyoñ na sññctī?* 'Почему мне не нужно было поливать это дерево?'³².

Приведем еще ряд примеров:

vah nahñ ātā, to kyā maiñ zabardastī uṭhā lātā? (P, N, 91) 'Он не идет. Так что же, мне следовало его силой тащить?'; *lekin maiñ ne apne niścīt path ko na chorā. sevā ke is suavasār ko kyoñkar hāñ se jāne detā* (P, PP, 149) 'Но я не свернул с избранного мною пути. Да и зачем мне нужно было упускать этот благоприятный случай служения [крестьянам]?'; *ākhīr majbūr hokar aspatāl pahūncā āyā, aur kyā kartā?* (P, N, 92) 'В конце концов, я был вынужден доставить его в больницу. Что я мог еще поделать?'

Как и в случае использования простой формы сослагательного наклонения, предложениями, содержащими риторический вопрос, передаются оттенки необходимости, долженствования или возможности. Если при глаголе нет отрицательной частицы (что наблюдается в большинстве случаев), то эти оттенки понимаются в негативном плане, т. е. отрицается необходимость, долженствование или возможность совершения глагольного действия. Различие между простой формой условного наклонения и простой формой сослагательного наклонения проявляется в том, что первая употребляется исключительно тогда, когда действие относится к плану прошедшего времени. Ср. предпоследний из приведенных выше примеров со следующим примером, содержащим простую форму сослагательного наклонения: *ab mujhe yah avasār milā hai, ise kyoñ chorūñ?* (P, SS, 34) 'Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же упускать ее?'

Если в примере с условным наклонением (*jāne detā*) отрицается необходимость совершения действия для прошед-

³² K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 603, p. 464.

шего времени и тем самым отрицается сам факт реализации данного действия ('упускать благоприятный случай'), то в примере с сослагательным наклонением (*chorūñ*) отрицается необходимость совершения действия для настоящего времени, а вопрос о реализации данного действия ('упускать возможность') остается открытым. Итак, мы видим, что в связи с различным характером временной отнесенности модального оттенка по-разному истолковывается вопрос о реализации (нереализации) самого действия. При повествовании о прошлом простая форма сослагательного наклонения может выступать как показатель несобственно-прямой речи. Использование же простой формы условного наклонения в предложениях, содержащих риторический вопрос, определяется точкой зрения самого повествователя на описываемые события, и, следовательно, этой форме несвойственно употребление в составе несобственно-прямой речи.

В подобных предложениях нереальность действий, обозначенных глаголом в форме условного наклонения, может пониматься как обусловленная отсутствием необходимости, долженствования или возможности их совершения. Вместе с тем эти предложения очень близки по смыслу предложениям, в которых просто отрицается совершение глагольного действия. Поэтому простая форма условного наклонения, будучи использованной в предложении, содержащем риторический вопрос, сближается в модальном отношении с изъявительным наклонением. Ср. следующие два примера: *vah samay rone kā nahīñ, dil mazbūt karke khatre kā sāmñā karne kā thā. lekin samjhātā kaun?* (Р, КК, 90) 'Было не время плакать. Нужно было с отвагой в сердце встретить опасность. Но кто мог объяснить это [ей]?' (букв. 'Но кто объяснил бы?'); *tab vah cillā-cillākar rone lagā. magar vahāñ us kā ronā kaun suntā thā* (Р, ЖК, 4) 'Тогда он громко заплакал. Но кто там слышал его плач?'

В первом примере употреблено условное наклонение (*sam-jhātā*), во втором — несовершенное прошедшее время изъявительного наклонения (*suntā thā*). В этой форме изъявительного наклонения чаще всего употребляется глагол *sakñā* 'мочь': *hedmāstar sāhab aise larke ko kaise chor sakte the* (Р, N, 71) 'Разве директор школы мог расстаться с таким мальчиком?'

3. Выражение желания

Условное наклонение (обычно простая форма или перфектив) может выступать в нереально-желательной функции. В этом случае речь идет о таком желательном действии,

осуществление которого говорящий считает противоположаемым действительному ходу событий: *kāś, vah ākar mujhe bāndhkar andar dāl dete, magar vah miṭṭī kī mūrti ke samān baiṭhe rahe* (S, N, 138) 'О, если бы он втокнул меня в комнату, связав перед этим. Но он продолжал сидеть неподвижно, как изваяние'; *kāś, tum ne mujhe javānī meṅ dekhā hotā* (KC, KK, 40) 'О, если бы ты видел меня в молодости'.

В начале предложений с подобным модальным значением обычно выступает эмфатическая частица *kāś* 'да будет', 'о, если бы'. Однако, следует отметить, что в качестве эмфатической частицы могут быть использованы наречия *kadācit* 'когда-нибудь', 'возможно', *kahīn* 'где-нибудь', союзы *yadi, agar* 'если': *kadācit yahān Sāvitrī hī hotī* (S, SS, 142) 'О, если бы здесь была Савитри'; *kahīn us ke pās bhī is samay raḥam hotī* (Y, Abh, 53) 'О, если бы и у него в это время были деньги'; *āj yadi vah mere sāth hotī!* (MN, 221) 'О, если бы теперь она была со мной!'

Возможность использования условного союза в качестве модальной частицы свидетельствует о некоторой смысловой близости предложений, выражающих неисполнимое или неисполненное желание, к придаточной части сложноподчиненного предложения, выражающей безусловленную нереальность.

Простая форма условного наклонения относит желательное действие к плану прошедшего времени (см. первый из приведенных примеров) или же, — чаще всего при употреблении глагола *honā* 'быть' — к плану настоящего времени. Перфектив условного наклонения (см. второй пример) относит желательное действие к плану прошедшего времени, причем действие представляется совершенным.

Значение желания выражается в хинди и посредством простой формы сослагательного наклонения. В таком случае высказывание имеет направленность на осуществление действия, что определяется временным значением глагольной формы (осуществление действия относится к будущему). При использовании же условного наклонения высказывание такой направленностью не обладает. В зависимости от контекста (говорящий обращается к лицу, не осуществившему желательное для говорящего действие) предложения могут приобрести характер упрека, сожаления по поводу того, что действие не было осуществлено: *bevaḳūf tumheṅ āne kī itnī kyā jal-dī thī? naḍī ke pār hī rah jāte* (KC, PR, 53) 'Глупец, зачем ты так торопился прибыть сюда? Оставался бы на том берегу реки'; *ab nange sir ghar kaise jāūṅgā, itnā to soc liyā hotā* (S, N, 195) 'Как же я теперь пойду домой с непокрытой головой. Ты подумал бы об этом'.

В таких предложениях не выступают ни эмфатическая частица *kāṣ*, ни ее эквиваленты. Высказыванию, выражающему упрек, свойственна частица *to* 'то' (см. последний пример).

4. Выражение побуждения

При использовании условного наклонения (обычно простой формы и перфектива) предложением может быть передано побудительное значение. Это наблюдается тогда, когда говорящий, обращаясь к лицу, еще не осуществившему желательного действия, все же надеется, что действие будет осуществлено: *tum zarā māī, bābūjī ko samjhāte. ve bārī jaldī macāye hue haiñ* (GM, 99) 'Ты бы урезонил мать и отца. А то они слишком поспешны'; *tū ne dhōtī pahīñ lī hotī? agar kahīñ bābū sāhab hī ā jāēñ tab... ve acche ādmī nahīñ* (Am, 161) 'Ты бы надела дхоти. А то, если появится господин... Ведь он нехороший человек'.

Формальным признаком предложений, передающих побудительное значение, может быть наличие в их составе модально-побудительной частицы *zarā* 'пожалуйста' (см. первый пример). Таким образом, модально-побудительная частица является показателем того, что в высказывании содержится установка на осуществление глагольного действия.

В предложениях с условным наклонением передается если не самое вежливое, то самое некатегорическое побуждение. Такой характер побуждения связан со значением условного наклонения. Употребляя глагольную форму, служащую для выражения значения нереальности, говорящий как бы сообщает нам о том, что он не вправе рассчитывать на осуществление желательного для него действия, что он лишь ожидает видеть данное действие осуществленным. Следовательно, само совершение действия выглядит полностью остающимся на усмотрении собеседника. Употребление условного наклонения в данном значении отмечается в некоторых статьях, появившихся в Индии за последнее время³³. Здесь налицо употребление условного наклонения в переносном значении.

* * *

Рассмотрение языкового материала, относящегося к употреблению условного наклонения в независимом предложении, позволяет констатировать следующее:

³³ Baburam Saksena, *A peculiar use of the conditional in spoken Hindi*; S. Ambike, *The connotation of the conditional in spoken Hindi*.

1. В независимом предложении условное наклонение употребляется в следующих случаях: а) при выражении обусловленной нереальности действия; б) при выражении риторического вопроса, когда предложением передается оттенок необходимости, долженствования или возможности; в) при выражении желания (в нереально-желательной функции); г) при выражении побудительного значения.

2. Выступая в значении обусловленной нереальности, условное наклонение независимого предложения проявляет те же свойства, которые ему присущи в главной части сложно-подчиненного предложения при выражении нереального условного периода. Оно преимущественно выражает действие, которое, будучи противопоставляемым реальному ходу событий, является нереальным. Если же речь идет о действии, реализация которого могла в прошлом представляться неисключенной, простая форма условного наклонения обнаруживает сближение в модальном отношении с простой формой сослагательного наклонения, противопоставляясь последней во временном отношении как форма, связывающая действие с планом прошлого.

3. В случае выражения риторического вопроса из форм условного наклонения находит применение лишь простая форма. При этом она, сближаясь функционально с простой формой сослагательного наклонения, противопоставляется последней по временному признаку как форма, относящая действие к плану прошлого.

4. При выражении желания условное наклонение функционально сближается с простой формой сослагательного наклонения, которая также может использоваться для передачи оптативного значения, но, в отличие от условного наклонения, употребляется лишь тогда, когда высказывание направлено на осуществление желания. Впрочем, различие между условным наклонением и простой формой сослагательного наклонения можно также трактовать как различие по временному признаку.

5. При выражении побуждения условное наклонение сближается функционально с повелительным наклонением или же с простой формой сослагательного наклонения, поскольку последняя способна выступать при передаче побудительных значений.

6. Большую роль в дифференциации модальных значений или оттенков играют вопросительные местоимения и наречия (в предложениях, содержащих риторический вопрос) или частицы и их эквиваленты (при выражении желания, побуждения).

Употребление условного наклонения в придаточной части сложноподчиненного предложения

Условное наклонение используется в придаточной части сложноподчиненного предложения не только при условно-следственном типе связи. Выше уже был рассмотрен вопрос о его употреблении в придаточной части, когда все сложноподчиненное предложение выражает так называемый нереальный условный период. В этой связи отмечалось, что глагол в форме условного наклонения обозначает по преимуществу такое действие, которое, будучи противопоставляемым действительности, является нереальным. Однако условное наклонение находит применение в придаточной части сложноподчиненного предложения и при других типах связи его частей.

1. Условное наклонение при изъяснительном типе связи

При данном типе связи частей сложноподчиненного предложения обнаруживается зависимость между употреблением условного наклонения и семантикой слова или словосочетания главной части, значение которого с точки зрения выявления его содержания в данном предложении подлежит раскрытию в придаточной части. Эта зависимость находит свое проявление в том, что условное наклонение (как правило, простая форма условного наклонения) используется тогда, когда главная часть указывает лишь на определенный круг значений, характеризующих действие придаточной части по модальному признаку.

а) Выражение значения возможности

Глагол придаточной части обозначает такое действие, на возможность (невозможность) осуществления которого указывает главная часть. Модальная характеристика действия определяется обычно такими словами главной части, как прилагательные *sambhav*, *mumkin* 'возможный', 'вероятный': ...*aur yah sambhav thā ki samay bītne par jaise jaise yauvan kā mad maddhim partā jātā, atṛpta vāsna kī yah tīvra kasak bhī sadāiv ke lie dab jātī* (КС, Гар, 5) '...и возможно (букв. 'было возможно'), что с течением времени по мере того, как остывал бы пыл молодости, эта острая боль неудовлетворенного желания тоже исчезла бы навсегда'; *kyā yah mumkin na thā ki tum mere hukm ko pairon tale kucal detīn?* (Р, РР, 364) 'Разве вы не могли нарушить мой приказ?' (букв. 'Разве не было возможным, чтобы вы растоптали мой приказ?').

б) Выражение значения необходимости, долженствования, целесообразности

Глагол придаточной части обозначает действие, относительно необходимости, целесообразности совершения которого говорится в главной части. На модальную характеристику действия придаточной части указывают такие слова главной части, как существительное *kartavya* 'долг', прилагательные *ucit* 'надлежащий', *āvaśyak* 'необходимый', *acchā* 'хороший', предикативное наречие *cāhiye* 'нужно', 'необходимо', 'следует', 'желательно': *tab 'tuhārā kartavya thā ki tum apne pati ko samjhākar un abalāon ke dhan ko apahārit hone se bacātīn, parantu tum ne aisā nahīn kiya* (NN, 101) '...тогда ваш долг состоял в том, чтобы путем воздействия на мужа уговорами спасти достояние этих женщин от разграбления, но вы не поступили так' (букв. 'ваш долг был, чтобы вы спасли'); *cāhiye yah thā ki devījī se sārā rahasya kah sunātā, par ātmagaurav ne ise kisī tarah sōkār na kiya* (P, M 4, 284) 'Мне нужно было поведать всю тайну жене, но самолюбие не позволило мне сделать это' (букв. 'Нужно было, чтобы [я] поведал').

в) Сообщение о желании (нежелании)

Глагол придаточной части обозначает действие, относительно желательности которого говорится в главной части. На модальную характеристику этого действия указывают такие слова, как глагол *cāhnā* 'хотеть', 'желать', существительные *icchā*, *abhilāṣā* 'желание', *ākāṅkṣā* 'стремление', 'желание': *ham to yah cāhte the ki hamēn un ke un sāthiyon aur mitron kā patā lagtā, jin ke vicār rājvidrohātmak haiṅ* (K, 62) 'Мы хотели, чтобы нам стали известны те его друзья и товарищи, которые замышляют мятеж'; *us ke dil meṅ ek tīvrā icchā hotī ki urkar un coṭiyon par jā pahunctī* (P, PP, 114) 'Ее сердцем владело одно сильное желание — полететь к тем вершинам' (букв. 'В ее сердце было одно сильное желание, чтобы она, полетев, добралась до тех вершин').

* * *

Итак, глагол придаточной части выступает в простой форме условного наклонения тогда, когда им обозначается такое действие, о котором в главной части говорится как о возможном или как о необходимом, должном, целесообразном, или как о желательном. Однако действие, обладающее подобного рода модальной характеристикой, обозначается так-

же глаголом, стоящим в простой форме сослагательного наклонения, что было показано выше в соответствующем разделе о сослагательном наклонении. В связи с этим возникает вопрос, в чем проявляется различие, если таковое имеется, между простой формой условного и простой формой сослагательного наклонения при их использовании в придаточной части сложноподчиненного предложения для выражения возможного, необходимого или желательного действия.

Выше отмечалось, что при указании в главной части на возможность или необходимость, долженствование, целесообразность осуществления действия простая форма сослагательного наклонения обычно используется тогда, когда в главной части глагол выступает в форме настоящего времени, т. е. когда высказывание относится к настоящему времени. В приведенных же выше примерах с простой формой условного наклонения глагол главной части выступает в форме прошедшего времени, что свидетельствует об отнесенности соответствующих высказываний к плану прошедшего времени. Однако было бы неправильно различие между формами сводить только к этому. Дело в том, что при высказывании соответствующих предложений, содержащих простую форму условного наклонения, имеется в виду, что 'боль не исчезла навсегда', 'вы не нарушили мой приказ', 'вы не спасли достояние', 'я не поведал'. Следовательно, глаголы в форме условного наклонения обозначают в приводимых примерах такие возможные или необходимые действия, которые, будучи противопоставляемыми реальной действительности, не были осуществлены. В двух случаях это модальное значение условного наклонения оттеняется независимым предложением, сообщающим о том, что было в действительности: 'вы не поступили так', 'самолюбие не позволило мне сделать это'. Итак, использование простой формы условного наклонения в придаточной части при сообщении о возможности или необходимости действия в прошлом определяется упомянутым выше модальным значением нереальности действия, присущим условному наклонению. Данное значение нереальности, как мы видим, легко связывается со значением прошедшего времени, поскольку при сообщении именно о прошлом имеется больше всего оснований для того, чтобы абсолютно точно знать об отсутствии факта осуществления (неосуществления) действия.

Простая форма сослагательного наклонения в редких случаях ее использования при сообщении о возможности или необходимости (долженствовании, целесообразности) действия в прошлом отличается в модальном отношении от простой формы условного наклонения. Ср. следующие два примера: *ucit*

to yah thā ki paccīs sāl kā sāhacarya ab ek gahrī mānasik aur ātmik anurūptā kā rūp dhāraṇ kar letā... lekin lālā jī kā vaṇik-hṛday har ek padārtha ko vāṇijya kī tarāzū se taultā thā (P, M 4, 316) 'Их совместная жизнь в течение двадцати пяти лет должна была теперь перерасти в крепкую духовную дружбу... Но торгашеское сердце купца ко всему подходило со своей торгашеской меркой' (букв. 'надлежащим было то, чтобы... переросла'); *us avasar par ucit yahī thā ki main jān būjh kar hārtā jāūn aur sāhab ko khuś karne ke liye jītā dūn. main jān būjh kar pāñc sau rupaye hār gayā* (NN, 90) 'По этому случаю мне нужно было сознательно проигрывать и способствовать выигрышу господина к его радости. Я нарочно проиграл пятьсот рупий' (букв. '...надлежащим было, чтобы я сознательно проигрывал и способствовал выигрышу господина...').

В придаточной части сложного предложения первого примера использована простая форма условного наклонения: *dhāraṇ kar letā*. Обозначенное глаголом действие ('перерастать', 'принимать [форму]') представлено как неосуществленное, что, между прочим, оттеняется независимым предложением. В другом же примере употреблено сослагательное наклонение: *hārtā jāūn* и *jītā dūn*. Факт неосуществления соответствующих действий ('проигрывать' и 'способствовать выигрышу') не отмечается. Напротив, в независимом предложении, следующем за сложноподчиненным предложением, сообщается об осуществлении одного из этих действий. В следующем примере глагол, стоящий в простой форме сослагательного наклонения, обозначает действие, представленное как просто возможное в прошлом: *is kāraṇ kyā yah sambhava na thā ki tahsildār sāhab ke paścāt thānedār sāhab ā dhama-keñ...* (KC, Gar, 15) 'Поэтому разве после господина тахсилдара не мог нагрянуть господин тханедар?' (букв. 'разве не было возможным, чтобы... нагрянул господин тханедар').

Итак, если при употреблении простой формы условного наклонения внимание обращается на неосуществленность возможного или необходимого действия, то при использовании простой формы сослагательного наклонения действие бывает представлено как возможное или необходимое в прошлом безотносительно к факту его осуществления (неосуществления).

Такое же противопоставление между обеими формами проявляется и в сложном предложении, сообщаемом о желательности осуществления действия. Однако оно нередко нарушается тем, что при сообщении о желании, относимом к плану

прошлого, условное наклонение обладает способностью выступать в качестве эквивалента сослагательного наклонения, не привнося какой-либо иной модальности в значение придаточной части: *phir bhī merā to yahī jī cāhtā thā kī yah mahāśay ab hamāre ūpar dayā karte aur hamēn apnī rāh jāne dete* (Р, КК, 84) 'Но все же я желал, чтобы этот господин проявил к нам милосердие и предоставил нам возможность идти своей дорогой'.

Частое использование простой формы сослагательного наклонения в предложениях, сообщающих о желании, относимом к прошедшему времени, свидетельствует о том, что в придаточной части воспроизводится план мышления и речи лица, о желании которого говорится. Ведь для этого лица осуществление действия связывается с планом будущего времени и не представляется исключенным. Как известно, в независимом предложении для выражения желания относительно осуществления такого действия употребляется простая форма сослагательного наклонения. В приведенном же выше примере факт употребления условного наклонения следует понимать как показатель того, что глагольные действия оцениваются с точки зрения момента высказывания как действия, относимые к прошлому, или, вернее, как действия, относимые к «послепрошедшему» времени.

В связи с отмеченным обстоятельством функция простой формы условного наклонения выражать действие, которое, будучи противоположаемым действительности, является нереальным, ярче всего проявляется в предложениях, сообщающих о желании, относимом к настоящему времени: *to kyā tum cāhtī ho kī maiñ vahāñ mar jātā?* (S, SS, 219) 'Так ты хочешь, чтобы я погиб там [на поле минувшего боя]?'.

Если придерживаться традиционной классификации придаточных предложений (по синтаксической функции на основании их соответствия членам предложения), то становится очевидным, что нами был рассмотрен вопрос об употреблении условного наклонения в придаточных предложениях подлежащих, сказуемых и дополнительных.

Иногда при изъяснительном типе соединения частей сложноподчиненного предложения условное наклонение употребляется в придаточной части в связи с тем, что главная часть обладает отрицательным значением. Это явление имеет место тогда, когда в предложении сообщается о прошлом: *hāñ, yah to na huā kī kalasiyā ūthākar bhar lāte* (Р, GJ, 144) 'Нет, чтобы взять кувшин и принести воду' (букв. 'не было того, чтобы... [они] принесли'). В подобных предложениях условное наклонение не обладает противопоставленностью в модальном

отношении сослагательному наклонению и выступает как эквивалент простой формы сослагательного наклонения.

В качестве особого случая употребления условного наклонения при изъяснительном типе связи частей сложного предложения следует отметить его использование в придаточной части тогда, когда глагол главной части стоит в форме условного наклонения. Здесь наблюдается явление уподобления наклонения придаточной части наклонению главной части: *kāś, yah mere bas meñ hotā ki main us ko ās bañdhā saktā aur us ke pīle cehre par āśā kī lahareñ daurā saktā* (KC, T, 13) 'О, если бы я мог приободрить ее и заставить ее бледное лицо осветиться улыбкой надежды' (букв. 'О, если бы было в моих силах то, чтобы я мог приободрить ее...').

2. Условное наклонение при следственном типе связи

При следственном типе соединения частей сложноподчиненного предложения простая форма условного наклонения нередко используется в придаточной части в связи с отрицательным значением главной части, если в предложении сообщается о прошлом, т. е. если глагол главной части выступает в форме прошедшего времени: *lekin kisī meñ itnī himmat na thī ki Gopī ke sāmne zabān kholtā* (GM, 113) 'Но никто не решался распускать язык в присутствии Гопи'; *parantu main aisā mūrkhā nahīn thā ki ruk jātā* (KC, KK, 143) 'Но я был не настолько глуп, чтобы остановиться'.

Если учесть, что в таких же синтаксических условиях может выступать простая форма сослагательного наклонения, то простую форму условного наклонения при ее использовании в подобных предложениях можно понимать как эквивалент формы сослагательного наклонения (нейтрализация противопоставления условного наклонения сослагательному). Это можно видеть на основании сопоставления с первым из приведенных примеров следующего примера, содержащего форму сослагательного наклонения: *un ke hṛday meñ itnā sāhas nahīn thā ki Lallūsīnh ke mukh par unkī kisī bāt kā virodh karēñ* (K, 41) 'В сердце у него не было решимости противиться в чем-либо Лаллусинху в его присутствии'.

Ср. также примеры: *...jo itnī ūñcī na thī ki use koī phalāñg na saktā* (KC, HV, 86) '...которая (стена) не была столь высокой, чтобы ее нельзя было перепрыгнуть'; *abhi aise būrhe nahīn ho gaye ki koī kām na kar sakeñ* (P, SS, 48) 'Но [он] еще не настолько состарился, чтобы быть не в состоянии выполнять какую-либо работу'.

Из примеров видно, что нет заметной разницы в модаль-

ном значении между придаточной частью с глаголом в форме условного наклонения и придаточной частью с глаголом в форме сослагательного наклонения. В обоих случаях глагол придаточной части обозначает действие, которое не может считаться реальным, так как в главной части говорится об отсутствии условий для его осуществления. Однако не следует думать, что наблюдаемая нами равнозначность является полной, абсолютной. Ведь каждая из форм в данном ее употреблении не порывает своих семантических связей со значением, которое ей присуще при других случаях употребления. В связи с этим можно полагать, что в придаточной части с простой формой условного наклонения проступает оттенок обусловленной нереальности действия, а придаточная часть с простой формой сослагательного наклонения в какой-то мере обладает целевым значением.

При следственном типе связи частей сложноподчиненного предложения также может наблюдаться явление уподобления наклонения придаточной части наклонению главной части, когда условное наклонение в придаточной части употребляется в силу того, что в главной части стоит это же наклонение: *yadī tum dekh saktīn to tumheñ aisā dr̥ṣya dikhāt detā ki tum mūr̥chit ho jātīn* (S, TY, 99) 'Если бы ты могла видеть, то тебе представилось бы такое зрелище, что ты упала бы в обморок'.

3. Условное наклонение при уступительно-следственном типе связи

Как правило, в придаточной части сложноподчиненного предложения, характеризующегося уступительно-следственным типом связи частей, для выражения мысленного допущения употребляется сослагательное наклонение. Крайне редко в этом значении используется и условное наклонение, например: *kahīñ bhī rahtīñ ...kahīñ bhī jātīñ, phir bhī merī āñkhoñ meñ Bhārat nayā nahīñ lagtā* (JS, 72) 'Где бы [я] ни жила, куда бы [я] ни пошла, все равно моим глазам Индия не представляется новой'.

Условному наклонению оказывается более свойственным употребление в придаточной части, заключающей в себе значение условия, когда уступительно-следственный тип связи сближается с условно-следственным, а в главной части обычно также выступает условное наклонение: *rāh mālūm na hone par bhī vah jān kī bāzī lagā kahīñ cal detā cāhe rūkhī cattānoñ par bhūk se tarap kar hī use prāñ kyoñ na dene parte. aisā bhī avasar na thā* (Y, DD, 50) 'Он рискнул бы пойти и не

зная дороги, даже если бы ему пришлось свалиться от голода на твердые скалы и умереть. Но и такой возможности не было'.

4. Условное наклонение при временном типе связи

При данном типе связи простая форма условного наклонения находит применение в придаточной части, вводимой посредством составных союзов, передающих временное отношение предшествования действия главной части действию придаточной части: *is se pahle ki*, *is se pūrva ki*, *is ke pahle ki*, *is ke pūrva ki* 'прежде чем', 'до того как'. При этом использование формы условного наклонения возможно лишь тогда, когда в предложении повествуется о прошлом: *is se pahle ki vah kuch uttar detā*, *Khān Bahādur ke thappar se vah dhamm se farś par gir parā* (A, BP, 112) 'Прежде чем что-либо ответить, он с шумом свалился на пол от удара Хана Бахадур'.

В отличие от простой формы условного наклонения простая форма сослагательного наклонения выступает в такой же синтаксической позиции как при сообщении о настоящем (и будущем), так и при сообщении о прошлом. Использование ее во втором из упомянутых случаев можно иллюстрировать следующим примером: *is se pahle ki Khannā kuch bole*, *Sujān ne kah diyā—khā lūngā!* (Y, DD, 242) 'Прежде чем Кханна что-либо проговорил, Суджан сказал: «Буду есть!»'

Сопоставление приведенных примеров показывает, что в модальном отношении придаточная часть с глаголом в форме условного наклонения не отличается от придаточной части с глаголом в форме сослагательного наклонения. В придаточной части обоих примеров говорится о таком действии, которое не было осуществлено к моменту реализации действия главной части. Поэтому простую форму условного наклонения можно понимать в качестве эквивалента простой формы сослагательного наклонения для тех случаев, когда речь идет о прошлом.

При рассмотрении случаев употребления сослагательного наклонения нами был приведен следующий пример с простой формой этого наклонения в придаточной части, вводимой посредством *jab tak* 'пока': *maiñ jab tak bhojan na banāñ unheñ koī cīz ructī hī na thī* (P, PP, 234) 'Пока я не готовила пищу, все было ему не по вкусу'.

В этом примере глагол придаточной части, выступая с отрицательной частицей *na* 'не', обозначает такое действие, каждый раз до осуществления которого происходило то, о чем сообщается в главной части.

Однако в подобного рода предложениях может быть употреблена глагольная форма, истолкованная как простая форма условного наклонения: *jab tak vah na khā lete, āp kuch na khāti thī* (Р, М 4, 179) 'Пока он не принимался за еду, сама она ничего не ела'.

Можно полагать, что здесь мы имеем пример, в котором условное наклонение не обнаруживает своей противопоставленности в модальном отношении простой форме сослагательного наклонения. Однако имеется также возможность трактовать финитную форму придаточной части данного примера как имперфект регулярной повторяемости изъявительного наклонения, служащий, как известно, для выражения обычности действия в прошлом. Так, в следующем примере финитная форма глагола в придаточной и главной частях понимается как имперфект регулярной повторяемости: *jab tak vakīl sāhab ghar par rahte, tab tak vah unke sāth dīvānkhāne meñ baiṭhī rahī* (Р, М 4, 176) '[Всякий раз] до тех пор, пока адвокат находился дома, она сидела с ним в гостиной'.

О такой возможности свидетельствует и тот факт, что при высказывании о настоящем в придаточной части, вводимой посредством *jab tak*, глагол, имеющий при себе отрицательную частицу, выступает в форме настоящего времени изъявительного наклонения, а при высказывании о прошлом (если в придаточной части не выражается значение обычности, повторяемости) — в форме прошедшего времени: *jab tak vah ṭhaṇḍā nahīn ho jātā, vah isī tarah roṣan rahtā hai* (Р, JK, 32) 'Он излучает свет до тех пор, пока не охлаждается'; *jab tak Rāmendra ko kisī kī or se sandeh na thā, vah use āgrah karke apne sāth le jāte the* (Р, М 4, 39) 'До тех пор пока Рамендра никого не подозревал, он, настояв на своем, брал ее с собой'.

Все это свидетельствует о том, что в синтаксических условиях приведенного выше примера исчезает грань между использованием финитной формы, представленной имперфективным причастием, в функции обозначения реального действия и ее использованием в функции выражения нереального действия. Иными словами, здесь проявляется в первую очередь отсутствие противопоставления между выделенным нами условным наклонением и изъявительным наклонением. Причину такой нейтрализации мы усматриваем в том, что способность финитной формы, равной имперфективному причастию, выражать значение нереальности связана, как можно показать, с его функцией передавать значение обычности, повторяемости действия в прошлом.

Поэтому следует считать, что в отмеченной синтаксиче-

ской позиции (в придаточной части, вводимой посредством *jab tak* при наличии отрицания) противопоставленность простой форме сослагательного наклонения утрачивается финитной формой, равной имперфективному причастию, как формой «изъявительного-условного» наклонения; в данной синтаксической позиции она понимается как эквивалент простой формы сослагательного наклонения, если в предложении говорится о прошедших событиях.

5. Условное наклонение при относительном типе связи

При данном типе соединения частей сложноподчиненного предложения употребление условного наклонения в придаточной части чаще всего наблюдается в связи с отрицательным значением главной части, когда в предложении сообщается о прошлом. Из форм условного наклонения в таком употреблении выступает лишь простая форма: *...un ke sāmne koī dūsrā aisā vyakti na thā jise ve mere sthān par rakhte* (K, 80) '...у него не было другого такого человека, которого он поставил бы на мое место'; *par afsos hai ki āj taimūrī khāndān kī ek beṭ bhī yahān aisī na nikalī jo apnī hurmat bigārne-vāle par hāth uṭhātī* (P, PP, 365) 'Но жаль, что сегодня здесь не оказалось ни одной такой девушки из рода Тимура, которая подняла бы руку на своего обидчика'.

Известно, что в придаточной части подобных предложений находят применение и формы сослагательного наклонения. Они используются и тогда, когда речь идет о настоящем или будущем, и тогда, когда повествуется о прошлом. Поэтому можно говорить об отсутствии заметной противопоставленности простой формы условного наклонения формам сослагательного наклонения в придаточной части, если в главной части сложноподчиненного предложения, повествующего о прошлом, содержится отрицание. Однако поскольку значение простой формы условного наклонения при таком ее употреблении не может не быть связанным семантически со значениями, которые оказываются ей свойственными в других синтаксических условиях ее употребления, нам представляется, что в анализируемых предложениях посредством этой формы передается оттенок нереализованного следствия как частный случай проявления значения обусловленной нереальности.

Выше в соответствующем разделе о сослагательном наклонении указывалось, что простая форма этого наклонения употребляется в придаточной части, которая, будучи вводимой посредством союзного слова, определяет какое-либо имя главной части по целевому или следственному признаку. Од-

нако нужно иметь в виду, что если повествование относится к плану прошедшего времени, то в подобной придаточной части, как правило, используется простая форма условного наклонения: *use is vaṅt sirf ek Maṭrū hī aisā ādmī dikhāt detā thā, jis kī god meñ sir dāḷkar vah zarā śāntī kā anubhav kartā* (GM, 107) 'В это время только Матру казался ему таким человеком, склонив голову на грудь которого, он ощутил бы покой'.

В таком предложении простая форма условного наклонения не обнаруживает своей противопоставленности в модальном плане простой форме сослагательного наклонения. Во временном же отношении она противопоставляется простой форме сослагательного наклонения как «послепрошедшее» «посленастоящему».

Наконец, при относительном типе связи частей сложноподчиненного предложения форма условного наклонения может использоваться в придаточной части в значении обусловленной нереальности: *āp ne vahī kiyā jo is hālat meñ maiñ bhī kartā* (P, PP, 287) 'Вы сделали как раз то, что сделал бы и я в таком положении'.

* * *

Все изложенное выше об употреблении условного наклонения в придаточной части сложноподчиненного предложения можно резюмировать следующим образом:

1. Условное наклонение находит применение в придаточной части сложноподчиненного предложения, характеризующегося такими типами соединения его частей: а) изъяснительный тип, когда в предложении сообщается о возможности, необходимости или желательности осуществления действия, когда главная часть обладает отрицательным значением, когда глагол главной части стоит в форме условного наклонения; б) следственный тип, если главная часть обладает отрицательным значением или если глагол главной части стоит в форме условного наклонения; в) уступительно-следственный тип обычно в том случае, когда он семантически сближается с условно-следственным; г) временной тип, когда придаточная часть вводится союзами, передающими временное отношение предшествования действия главной части действию придаточной части; д) относительный тип, когда в главной части содержится отрицание, когда придаточная часть определяет слово главной части по целевому или следственному признаку, когда выражается значение обусловленной нереальности действия.

2. При этом в каждом отдельном случае употребление условного наклонения находится в зависимости от какого-либо фактора, характерного для сложного предложения. Так, условное наклонение используется: а) в связи с лексическим значением одного из компонентов главной части, что наблюдается при изъяснительном типе; б) в связи с отрицанием в главной части, что наблюдается при изъяснительном, следственном и относительном типах соединения частей сложного предложения; в) в силу уподобления наклонения придаточной части наклонению главной части, что было показано нами на примере сложных предложений, характеризующихся изъяснительным и следственным типом соединения их частей; г) в связи с выражением определенного функционального соотношения между главной и придаточной частями вне зависимости от упомянутых выше моментов, что наблюдается при уступительно-следственном типе, при временном типе в случае передачи значения предшествования, при относительном типе в случае определения слова главной части по целевому или следственному признаку.

3. Из всех форм условного наклонения лишь простой форме свойственно употребление в придаточной части (здесь речь не идет о придаточной части сложноподчиненного предложения, характеризующегося условно-следственным типом связи его частей).

4. Условное наклонение выступает в придаточной части, как правило, тогда, когда в сложном предложении говорится о прошлом.

5. В целом простая форма условного наклонения придаточной части выступает в тех же синтаксических позициях, в каких используется простая форма сослагательного наклонения (или же какая-либо из аналитических форм сослагательного наклонения, что характерно для относительного типа связи с отрицанием в главной части) при сообщении о настоящем или будущем, а иногда и при сообщении о прошлом.

6. В зависимости от того, какие модальные значения (оттенки) передаются (не передаются) простой формой условного наклонения по сравнению с простой формой сослагательного наклонения, можно констатировать следующее: а) в ряде случаев — а именно: в случае сообщения о возможности, необходимости и отчасти желательности осуществления действия при изъяснительном типе связи, в случае выражения значения обусловленной нереальности при относительном типе связи, в случае сближения уступительно-следственного типа связи частей сложноподчиненного предложения с условно-следственным — простая форма условного наклонения обладает противо-

поставленностью в модальном отношении простой форме сослагательного наклонения, передавая значение нереальности действия, противопоставляемой действительному ходу событий; б) в ряде случаев — а именно: в случае выражения отрицания в главной части при следственном и относительном типах связи и иногда в случае сообщения о желательности осуществления действия при изъяснительном типе связи — подобная противопоставленность не проявляется отчетливо; причем в условиях относительного типа связи частей сложноподчиненного предложения простая форма условного наклонения утрачивает свою противопоставленность не только простой форме сослагательного наклонения, но и другим формам этого наклонения; в) в ряде же случаев — а именно: в случае выражения отрицания в главной части при изъяснительном типе, в случае выражения мысленного допущения при уступительно-следственном типе, в случае выражения значения предшествования при временном типе, в случае определения слова главной части по целевому или следственному признаку при относительном типе связи частей сложноподчиненного предложения — простая форма условного наклонения не обнаруживает противопоставленности в модальном отношении простой форме сослагательного наклонения.

7. При сообщении о желании (изъяснительный тип связи), когда противопоставленность по модальному признаку простой формы условного наклонения простой форме сослагательного наклонения не проявляется отчетливо, а также при определении слова главной части по целевому или следственному признаку (относительный тип связи) простая форма условного наклонения находится в оппозиции к простой форме сослагательного наклонения как «послепрошедшее» к «посленастоящему».

8. В сложном предложении, характеризующемся временным типом связи его частей, обнаруживается употребление финитной формы глагола, представленной имперфективным причастием, после *jab tak...na* 'пока...не'. В таком случае оказываются практически не различимыми простая форма условного наклонения и так называемый имперфект регулярной повторяемости изъявительного наклонения. Здесь противопоставленность простой форме сослагательного наклонения утрачивается формой глагола, равной имперфективному причастию, как формой «изъявительного-условного» наклонения.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ языкового материала приводит нас к выводу о том, что в отличие от других наклонений хинди условное наклоне-

ние обладает значением нереальности, противопоставляемой действительному ходу событий. При этом наиболее характерным для глагола, стоящего в форме условного наклонения, является обозначение такого действия, возможность реализации которого представляется не превращающейся в действительность. Именно выражение отмеченного значения нереальности составляет отличительную функцию условного наклонения, ибо в других случаях условное наклонение сближается по выражаемым им значениям с другими наклонениями: с изъявительным, повелительным, сослагательным. В частности, условное наклонение сближается с изъявительным при выражении риторического вопроса, с повелительным — при выражении побуждения.

Нейтрализация противопоставленности условного наклонения другим наклонениям затрагивает главным образом простую форму условного наклонения, ибо его аналитическим формам свойственно выполнение лишь отличительной функции, а также употребление в переносном значении, вытекающее из этой функции. Особенно разительна близость в модальном отношении условного наклонения сослагательному. Внешне она проявляется в том, что во многих случаях простая форма условного наклонения выступает в тех же синтаксических позициях, в которых также используется простая форма сослагательного наклонения. По существу же она находит свое проявление в том, что в ряде случаев частично или полностью нейтрализуется противопоставленность в модальном отношении простой формы условного наклонения простой форме сослагательного наклонения.

Часто при этом между обеими формами обнаруживается противопоставление по временному признаку: простая форма условного наклонения противопоставляется простой форме сослагательного наклонения как форма, относящая действие к плану прошедшего времени, форме, выражающей значение следования за моментом речи. Обычно в таком случае различие между обеими формами выглядит как различие между «послепрошедшим» и «посленастоящим» временем одного и того же наклонения. В этой связи следует отметить, что в тех случаях, когда простая форма условного наклонения не выступает в своей отличительной функции или когда эта отличительная функция не выявляется четко, соответствующее глагольное действие мыслится, как правило, в плане прошедшего времени. Лишь употребление в переносном значении, вытекающее из отличительной функции, позволяет этой форме сигнализировать о действии, осуществление которого связывается с планом будущего времени.

Наличие отмеченного противопоставления по временному признаку служит поводом для некоторых исследователей к тому, чтобы рассматривать обе формы в системе одного наклонения в качестве его различных временных форм. Но при таком подходе упускается из виду следующее немаловажное обстоятельство: указанная антонимичная оппозиция не может иметь места тогда, когда условное наклонение выступает в своей отличительной функции, ибо при выражении значения нереальности, противопоставляемой действительному ходу событий, глагол в простой форме условного наклонения способен обозначать действие, мыслимое в плане будущего времени.

Итак, функционирование условного наклонения в современном литературном языке хинди характеризуется в общих чертах следующими двумя моментами: 1) при выражении значения нереальности, противопоставляемой действительному ходу событий, с акцентом на нереализованность осуществимого действия (чем и определяется отличительная функция данного наклонения) используется как простая форма, так и аналитические формы, а действие, обозначенное глаголом в простой форме условного наклонения, может относиться к любому из трех временных планов; 2) при выражении же других значений, которыми не определяется отличительная функция данного наклонения, используется, как правило, лишь простая форма, и она в таком случае часто обозначает действие, мыслимое в плане прошедшего времени, сближаясь в модальном отношении с простой формой сослагательного наклонения.

Из этого следует, что простая форма условного наклонения современного хинди обладает двойственным характером: с одной стороны, она объединяется в одном значении с аналитическими формами, относимыми к этому же наклонению; с другой стороны, она сближается в одном модальном значении с простой формой сослагательного наклонения, противопоставляясь последней как форма, связывающая действие с планом прошлого.

Однако решающим фактором для определения принадлежности данной формы в современном языке является ее связь с аналитическими формами. На основании того, что наклонение составляется из ряда форм и аналитические формы, будучи новообразованиями, выполняют отличительную функцию выделяемого наклонения, можно сделать следующее заключение: условное наклонение формируется как наклонение, служащее для передачи значения нереальности, противопоставляемой действительности, с акцентом на нереализованность осуществимого действия, т. е. отмеченным значением обуславливается автономность условного наклонения среди других наклонений хин-

ди. Рассмотрение же простой формы условного наклонения и простой формы сослагательного наклонения в системе одного наклонения (допустим, потенциального) в качестве его различных временных форм представляется правомерным лишь по отношению к тому состоянию языка, при котором аналитические образования в системе каждого из наклонений еще не получили достаточного развития.

Более или менее четкому выделению форм условного наклонения из других финитных форм глагола хинди (в частности, его отграничению от сослагательного наклонения) способствует обстоятельство, что наиболее типичным для него является употребление в отличительной функции. На самом деле, подавляющее большинство случаев использования условного наклонения приходится на сложноподчиненное предложение, характеризующееся условно-следственным типом соединения его частей и передающее значение нереальности условия и обусловленной нереальности, и на независимое предложение при выражении им значения обусловленной нереальности действия.

Между аналитическими формами условного наклонения установлены такие же отношения, какие существуют между аналитическими формами сослагательного наклонения или между формами, выражающими значение неочевидности в связи с реальным действием. Их целесообразно представить следующим образом. По признаку перфективности—имперфективности перфектив условного наклонения противопоставлен имперфективу и дуративу. Отношение оппозиции между дуративом и имперфективом определяется тем, что дуратив сигнализирует о конкретном действии, протекающем в данный момент, а имперфектив этот семантический признак оставляет невыраженным, используя преимущественно для выражения действия, более или менее постоянно присущего субъекту. Простая же форма условного наклонения не затрагивается этими оппозициями, если в ней проявляется вторая из перечисленных сторон ее двойственного характера. При условии же ее объединения в одном модальном значении с аналитическими формами условного наклонения она в сопоставлении с аналитическими формами, в особенности в сопоставлении с перфективом и имперфективом, выступает как универсальная форма. Точнее говоря, эта форма в данном случае оставляет невыраженным различие по признаку перфективности—имперфективности, хотя и не отрицает ни один из этих признаков; ей лишь несвойственно выражение такого действия; процесс совершения которого актуален для какого-то определенного момента.

ГЛАВА IV

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Повелительное наклонение языка хинди представлено рядом форм, назначение которых в первую очередь состоит в том, чтобы выражать побуждение к совершению (несовершению) действия, направленное на собеседника говорящего лица. Для него, следовательно, характерна соотнесенность со значением 2-го лица. Такое понимание повелительного наклонения позволяет отграничить от него формы других наклонений (в частности, сослагательного наклонения и в какой-то мере условного) при их использовании для передачи побудительных значений. Ведь использование других наклонений для выражения побудительных значений — это лишь частный случай их употребления, семантически связанный с употреблением их при выражении других значений. Подобный подход к повелительному наклонению хинди противопоставляется мнению, согласно которому повелительное наклонение омонимично с простой формой сослагательного наклонения во всех формах лица и числа, кроме формы 2-го лица единственного числа. Такая точка зрения, высказанная Келлоггом, Камтапрасадом Гуру, Шолбергом и другими, — результат переоценки семантического критерия при выделении грамматических категорий, недостаточного учета формальной стороны, что соответственно и ведет к рассмотрению форм, относимых нами к сослагательному наклонению, при передаче ими побудительных значений в качестве повелительного наклонения. В советской лингвистической литературе проводится четкая грань между повелительным и сослагательным наклонениями¹. Аналогичного взгляда на круг форм, относимых к повелительному наклонению, придерживается и Арьендра Шарма — автор грамматики хинди, изданной индийским правительством².

¹ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 55, 56, стр. 76—78; Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 59—60.

² «A basic grammar...», pp. 61—62.

Согласно принятой у нас точке зрения, повелительное наклонение в современном хинди включает в себя следующие формы:

1) форма, равная основе глагола, например: *bol* 'говори' от глагола *bolnā* 'говорить';

2) форма, образованная путем присоединения к основе окончания *-o*, например: *bolo* 'говорите', 'говори';

3) форма, образованная путем прибавления к основе морфемы *-iye (-ie)*, например: *bolīye (bolie)* 'говорите, пожалуйста', 'соблаговолите говорить';

4) форма, образованная путем присоединения к предыдущей форме морфемы *-gā*, например: *bolīyegā (boliegā)* 'говорите, пожалуйста', 'соблаговолите говорить';

5) форма, образованная путем прибавления к основе глагола морфемы *-iyo (-io)*, например: *bolīyo (bolio)* 'говорите', 'говори'.

Кроме того, в нашей лингвистической литературе отмечается, что в значении повелительного наклонения употребляется форма, равная инфинитиву глагола, т. е. форма, образованная путем прибавления к основе глагола морфемы *-nā*³. В ряде работ по языку хинди эта форма включается в круг форм повелительного наклонения⁴.

Вопрос об образовании форм повелительного наклонения освещен с достаточной полнотой в работах по языку хинди. Здесь следует еще раз отметить лишь ряд моментов, касающихся морфологии этого наклонения. Вторая из перечисленных выше форм (форма на *-o*) омонимична с простой формой сослагательного наклонения во 2-м лице множественного числа. При образовании ее от глаголов *denā* 'давать' и *lenā* 'брать' гласный основы выпадает и окончание присоединяется к остальной части основы *do* 'дайте', *lo* 'берите'. Если основа глагола оканчивается на гласный *-o*, то присоединение окончания *-o* не является обязательным: *roo*, *ro* 'плачьте' от глагола *ronā* 'плакать'. Глаголы *denā* 'давать', *lenā* 'брать', *karnā* 'делать', *honā* 'быть', *pīnā* 'пить' образуют три последние из перечисленных форм повелительного наклонения (3, 4, 5) путем присоединения к глагольной основе (причем только у глагола *pīnā* основа остается без изменения) аффиксов *-jiye(-jie)*, *-jiyegā(-jiegā)*, *-jiyo(-jio)* по следующему образцу: *dījiye (dījie)*, *lījiye (lījie)*, *kījiye (kī-*

³ А. П. Баранников, *Хиндустани*, § 57, стр. 78; Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 60.

⁴ Kāmtāprasād Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 386(4), p. 280; «A basic grammar...», p. 62.

jie), *hūjiye* (*hūjie*), *pījiye* (*pījie*)⁵. От глаголов *honā* и *karnā* встречаются и правильные формы: *hoiye* (*hoie*), *kariye* (*karie*). Иногда в этих аффиксах после согласного *j* наблюдается стяжение звуков, в результате чего соответствующие формы повелительного наклонения получают следующий вид: *dīje*, *dījegā*, *dījo* от глагола *denā* 'давать'.

Первые две из перечисленных выше форм принято считать обычными формами этого наклонения — одна из них считается формой единственного числа, другая (форма на *-o*) — формой множественного числа; остальные же формы трактуются как вежливые формы⁶. Однако необходимо отметить, что Камтапрасад Гуру пятую из перечисленных выше форм (форму на *-iyo*) не относит к вежливым формам, а считает обычной формой повелительного наклонения⁷.

В зависимости от того, с каким моментом времени связывается осуществление глагольного действия, относительно которого выражается побуждение, — с моментом, непосредственно следующим за моментом речи, или же с моментом, несколько отдаленным от момента речи, — формы повелительного наклонения делятся на два класса⁸. К первому классу, который в индийских грамматиках обозначен термином *pratyakṣa vidhī* (повелительная форма очевидности), обычно относят первую (форму с нулевым окончанием), вторую (форму на *-o*) и третью (форму на *-iye*) из упомянутых выше форм. Во второй класс, который в индийских грамматиках назван *parokṣa vidhī* (повелительная форма неочевидности), а в ряде работ трактуется как будущее время повелительного наклонения, зачисляют четвертую (форму на *-iyegā*), пятую (форму на *-iyo*) и форму, представленную инфинитивом. Следует заметить, что форма на *-iyegā* рассматривается Камтапрасадом Гуру в системе двух классов⁹.

В древнеиндийском языке повелительное наклонение имело полную парадигму спряжения: оно обладало формами 1-го, 2-го и 3-го лица в трех числах — единственном, двойственном, множественном. При дальнейшем развитии языка способность выражать побудительные значения приобреталась презенсом инди-

⁵ Келлогг к этому же разряду причисляет глаголы *sīnā* 'шить' и *mar-nā* 'умирать': *sījiye*, *mājiye*. См.: S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 397, p. 23).

⁶ А. П. Баранников, *Хиндустани*, § 55, 56, стр. 76—78.

⁷ K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 392, p. 287.

⁸ См.: А. П. Баранников, *Хиндустани*, § 56, стр. 77; K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 86(3), (4), p. 279—281; Bī. Bī Śarmā, *Navīn Hindī vyākaraṇ*, Dillī, p. 63; «A basic grammar...», p. 62.

⁹ K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 392, p. 287.

катива действительного залога в той мере, в какой эта временная форма получала переосмысление в модальном отношении. В условиях, когда окончания флективных форм были уже значительно ослаблены, отмеченное сближение в семантическом плане между презенсом индикатива и императивом приводило к замене последнего презенсом индикатива, а частично и к смешению этих форм¹⁰. Можно считать, что так называемые обычные формы повелительного наклонения современного хинди ведут свое начало от форм 2-го лица императива древнеиндийского языка. Форма единственного числа повелительного наклонения хинди, характеризующаяся нулевым окончанием, восходит к форме 2-го лица единственного числа императива древнеиндийского языка. Окончание формы множественного числа *-o* восходит к окончанию *-ahu*, зафиксированному в пракрыте и апабхрانشа¹¹. В языке «Рамаяны» Тулси Даса *-ahu* характеризует как повелительное наклонение, так и форму настоящего времени во 2-м лице множественного числа: *mor kahā suni karahu upāi* (RCM, 46) 'Услышав мои слова, предпринимайте меры'; *tumh jānahu sab Rāmi prabhāi* (RCM, 188) 'Ты знаешь все величие Рамы'.

О происхождении так называемых вежливых форм повелительного наклонения хинди были высказаны различные мнения. Одна из точек зрения наиболее рельефно выражена Лайоллом: «От собственно пассива в стандартном диалекте сохранился лишь остаток в виде того, что именуют вежливым императивом. Он существует в трех формах, оканчивающихся соответственно на *-iye*, *-iyo* и *-iyeḡā...*»¹². К этому мнению склоняется и Хернле, который, однако, допускает возможность того, что вежливые формы, не характеризующиеся звуком *j*, т. е. формы на *-iye* (*-ie*) и *-iyo* (*-io*), восходят к форме будущего времени древнеиндийского языка¹³. Из более поздних авторов точку зрения на происхождение вежливых форм из формы пассива древнеиндийского языка разделяет Блок¹⁴.

Ряд исследователей, однако, считает разбираемые нами формы современного хинди восходящими к оптативу или прекативу древнеиндийского и среднеиндийского языка. Так,

¹⁰ R. Hoernle, *A comparative grammar of the Gaudian languages with special reference to the Eastern Hindi*, London, 1883, p. 334; Dhīrendra Varmā, *Hindībhāṣā kā itihāsa*, p. 300.

¹¹ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, p. 336.

¹² C. J. Lyall, *A sketch of the Hindustani language*, Edinburgh, 1880, p. 42.

¹³ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, pp. 322—323, 339—340.

¹⁴ J. Bloch, *L'indo-aryen du Vēda aux temps modernes*, pp. 240, 288.

Грирсон в своей статье, специально посвященной данному вопросу, ссылаясь на работы таких ученых, как Лассен, Трумп и Бимз, отстаивает мнение, что формы на *-iye*, *-jiye* генетически связаны с древнеиндийским прекативом¹⁵. Примерно так же трактуются эти формы в грамматике Келлогга¹⁶. Уместно упомянуть и о том, что вежливые формы повелительного наклонения старого западного раджастхани возводятся Тесситори также к древнему прекативу¹⁷. Об оптативе или прекативе как источнике вежливых форм повелительного наклонения новоиндийских языков пишет Чаттерджи¹⁸.

Примечательно, однако, что в вопросе о генезисе этих форм Келлоггом и Грирсоном для некоторых глаголов допускается исключение из общего правила. В частности, форма на *-iye* (*-ie*) от таких глаголов, как *cāhnā* 'хотеть', 'желать', *jāpnā* 'знать', *pānā* 'получать', а именно: *cāhiye* 'нужно', *jāniye* (в выражении *kuā jāniye* 'как знать?', 'кто знает?'), *pāiye* (во фразе *...itnī damak kahān pāiye?* '...где можно найти такое великолепие?'), возводится этими учеными к презенсу пассива¹⁹.

Это означает, что формы, обладающие одинаковыми морфологическими характеристиками, возводят к двум различным источникам. В связи с этим для правильного понимания исследуемого вопроса особую ценность приобретают содержащиеся в лингвистической литературе указания на то, что в среднеиндийском языке имел место факт смешения (совпадения в одной форме) пассива с оптативом или прекативом. В частности, Сукумар Сен пишет следующее: «Аффикс оптатива *-uā(-ya-)* и аффикс пассива *-ya-* в результате одинакового процесса фонетического изменения стали практически идентичными. Таким образом, в позднем пракрите и апабхрانشа оптатив стал идентичным пассиву, приобретавшему значение активного залога»²⁰.

¹⁵ G. A. Grierson, *The modern Indo-Aryan polite imperative*, pp. 162—163.

¹⁶ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 695, pp. 346—347.

¹⁷ L. P. Tessitori, *Notes on the grammar of the Old Western Rajasthani with special reference to Apabhramṣa and to Gujarati and Marwari*, — «Indian antiquary», vol. XLIV, 1915, § 120, p. 87.

¹⁸ S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, pt II, Calcutta, 1926, p. 900.

¹⁹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 770, pp. 461—462; G. A. Grierson, *The modern Indo-Aryan polite imperative*, p. 163.

²⁰ S. Sen, *Comparative grammar of middle Indo-Aryan*, p. 114; см. также: S. K. Chatterji, *The origin and development...*, pt II, p. 924; S. Sen, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, Calcutta, 1953, p. 109.

Форма, равная основе глагола

Данная форма сочетается с местоимением *tū* 'ты', в связи с чем она справедливо расценивается как форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Степень ее употребительности определяется, следовательно, теми возможностями, которые существуют в языке хинди в отношении использования местоимения *tū* 'ты' при обращении. Поскольку, однако, при выражении побуждения исполнитель соответствующего действия является ситуативно вполне известным лицом, это местоимение в побудительных предложениях часто не выступает, как и другие местоимения, с которыми связываются другие формы повелительного наклонения.

Местоимение *tū* 'ты' в хинди, как, впрочем, и местоимение *ты* в русском языке, употребляется в разговоре между очень близкими людьми, указывая как бы на то, что в их отношениях друг к другу какая-либо условность является излишней, а в речи, обращенной к постороннему лицу, оно выступает как показатель невежливого обращения. О такой семантической направленности этого местоимения можно судить на основании следующих примеров (в первом из приведенных примеров воспроизводятся слова, с которыми муж обращается к своей молодой жене, не освоившейся с новым для нее положением замужней женщины): *aur tum mujhe bār-bār ap kyon kahtī ho? main cāhtā hūn, tum mujhe tum kaho, tū kaho* (Р, М 2, 320) 'И почему ты все время обращаешься ко мне на «Вы». Я хочу, чтобы ты обращалась ко мне на «вы» или на «ты»'; *vah aisā bhalāmānas aur sajjan puruṣ thā ki caprāsiyōn ko bhī „tū“ kah kar nahīn bulātā thā* (S, TY, 18) 'Он был таким добропорядочным и благородным человеком, что даже и посыльных не звал на «ты»'.

В соответствии с этим в грамматической литературе справедливо отмечается, что рассматриваемая нами форма употребляется «по отношению к близким лицам или при невежливом обращении»²¹. Ее употребление в первом из значений можно иллюстрировать такими примерами: *mān mujhe bahut bhūkh lagī hai, thorā dūdh de* (S, N, 99) 'Мама, я сильно проголодался. Дай немного молока'; *thahar jā, kahān jāti hai Lākhi? tīr to sab yahīn haiñ!* *Ninnī ne komal svar meñ rokā* (MN, 196) '«Остановись, куда [ты] идешь, Лакхи? Ведь все стрелы здесь!» — воскликнула Нинни с нежностью в голосе, пытаюсь

²¹ Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 59; см. также А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 55, стр. 77.

остановить ее'. В следующем примере иллюстрируется использование формы повелительного наклонения при невежливом обращении, грубом приказании: *ek seṭh ne kahā — «mera sandūḱ uṭhākar ghar le cal, maiñ tujhe do āne dūṅgā»* (S, SS, 157) 'Один сетх сказал [ему]: «Возьми мой ящик и отнеси домой. Я дам тебе две анны»'.

В своей грамматике хиндустани Грин обращает внимание на то, что эта форма употребляется также и при обращении к богу²². Справедливость замечания Грина можно подтвердить таким примером: *itne meñ andar se āvāz āī, «Allāh! us kā be-rā garḱ kar... us kā satyānās kar»* (S, TY, 151) 'В это время изнутри донесся голос: «О Аллах! Потопи его корабль... Уничтожь его»'.

Итак, как показывают наблюдения, форма повелительного наклонения, равная основе глагола, находит применение в тех случаях, когда выражение учтивости является излишним или не вытекающим из характера самого побуждения.

Во всех приведенных примерах местоимение *tū* 'ты' в составе предложения, выражающего побуждение, отсутствует. В случае его употребления высказываемое побуждение становится более настойчивым по своему характеру: *Nīlū, tū abhī mujhe vahāñ le cal, ve zarūr rāt ko phir bhojan na karēṅī* (Nir, 134) 'Нилу, ты сейчас же отведи меня туда, [а то] она вечером опять ничего не будет есть'.

При выражении запрещения с рассматриваемой формой повелительного наклонения употребляются отрицательные частицы *na* и *mat* 'не': *āge na baṛh. tujhe pachāñā paṛegā* (S, TY, 172) 'Ни шагу вперед. [Иначе] придется тебе раскai-ваться'; *bāl-bacchoñ kī cintā mat kar* (P, M 4, 161) 'Не беспокойся о детях'.

Форма на -о

Форму языка хинди, характеризующуюся окончанием -о, можно рассматривать как член двух рядов противопоставления в плане двух наклонений — повелительного и сослагательного: а) *tum bolo* 'вы говорите': *tū bol* 'ты говори'; б) *tum bolo* 'чтобы вы говорили': *tū bole* 'чтобы ты говорил'. Следовательно, есть основания считать, что в форме на -о реализуется явление грамматической омонимии, затрагивающей повелительное и сослагательное наклонения. Рассмотрение такой формы в системе повелительного наклонения оказывается возможным в силу того, что она, сочетаясь с местоиме-

²² А. О. Green, *A practical Hindūstānī grammar*, Oxford, 1895, p. 62.

нием *tum* 'вы', как форма множественного числа противопоставляется форме повелительного наклонения, характеризующейся нулевым окончанием, как форме единственного числа.

В лингвистической литературе по языку хинди отмечается, что эта форма повелительного наклонения является обычным средством, служащим для выражения приказания, распоряжения²³. Она употребляется как при обращении ко многим лицам, так и при обращении к одному лицу, не привнося в побуждение какого-либо оттенка учтивости. В этом отношении ее можно назвать нейтральной²⁴. В переводе на русский язык она соответствует как форме 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, так и форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, что объясняется ее соотносимостью с местоимением *tum*, которое в хинди выступает не только в значении русского местоимения *вы*, но и в значении местоимения *ты*²⁵. Примеры:

śikārī ne apne sāthiyoñ se kahā—tum log bandūkeñ taiyār rakho, main āge-āge caltā hūñ (P, JK, 12) '«Вы держите ружья наготове, а я пойду впереди», — сказал охотник своим товарищам'; *tum pahle bhitar calo!* *dr̥h̥tā se Rājārām ne gusalkhāne kī rāh rok kar kahā* (Y, DD, 331) '«Вы прежде войдите [в комнату]», — с твердостью проговорил Раджарам, преграждая [ей] путь в ванную'; *Mohan adhīr hokar bolā—ammāñ, mujhe rūkhī roṣiyan̄ hī de do. barī bhūkh lagī hai* (P, M 4, 165) 'Потеряв терпение, Мохан сказал: «Мама, дай мне хоть черствые лепешки. Я сильно проголодался».

При выражении запрещения с формой повелительного наклонения употребляются отрицательные частицы *na*, *mat*, *nahīñ* 'не'. Частица *mat* может выступать как перед глаголом, так и после него: *vah bolī, «nahīñ, yahīñ bulā lāo, mujh ko mat chuo»* (MN, 465) '«Нет, позовите его сюда. Не трогайте меня», — проговорила она'; *dekho Śīlā, roo mat. sañsār meñ sabhī marte haiñ...* (P, M 4, 155) 'Смотри, Шила, не плачь. На этом свете все умирают...' Частица *na* выступает перед глаголом: *tum na roo, kākā! tumhārī tabīyat aise hī kharāb hai...* (GM, 67) 'Ты не плачь, дядюшка. Тебе и так нездоровится...' Частица *nahīñ* при выражении запрещения стоит обычно после глагола: *tum ghabrāo nahīñ prabandh ho jāy-gā* (Y, DD, 369) 'Вы не беспокойтесь. Все будет в порядке'.

²³ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 55, стр. 77; S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 763, p. 459; H. C. Scholberg, *Concise grammar of the Hindi language*, § 113, p. 89.

²⁴ Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 59.

²⁵ См. З. М. Дымшиц, *Язык урду*, стр. 74.

Из последнего примера явствует, что утверждения таких лингвистов, как Шекспир, Форбс, Келлогг, о том, что отрицательная частица *nahñ* не способна выступать с повелительным наклонением²⁶, не применимы к современному хинди.

Форма на *-iye (-ie)*

Данная форма, как и ее разновидности на *-jiye (-jie)*, *-je*, соотносится с местоимением *āp*. В грамматическом плане эту форму можно характеризовать как форму 3-го лица множественного числа повелительного наклонения, так как местоимение *āp* в хинди требует постановки глагола в форме 3-го лица множественного числа. Однако семантически она связана в первую очередь со значением 2-го лица, что вытекает из самого значения местоимения *āp*, которое в побудительных предложениях современного хинди (и не только в побудительных) соответствует русскому местоимению *вы*, *Вы*. Данная форма используется при выражении учтивого, вежливого побуждения, обращенного к одному лицу или ко многим лицам: *is samay mere āpar krpā kījie, maiñ kal svayam upasthit hūngā* (P, SS, 60) 'Сейчас, пожалуйста, окажите мне милость. Завтра же я сам явлюсь'; *is kī takdīr kā faisla āp logoñ ke supurd kiya jāta hai. tai kariye* (MN, 404) 'Его судьба вверяется в ваши руки. Решайте'.

При выражении запрещения с этой формой чаще всего употребляется отрицательная частица *nā*, выступающая перед глаголом: *larkī kī cintā āp na kījiye. ise maiñ sambhāle hūñ* (Y, DD, 267) 'О девочке вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я за ней присматриваю'.

При выражении запрещения могут также использоваться отрицательные частицы *mat*, *nahñ*, из которых первая встречается как перед глаголом, так и после него, а вторая обычно следует за глаголом: *Ninnī ne kṣṇ svar meñ prativād kiya*, «*saugandh mat khāiye*» (MN, 196) '«Не клянитесь, пожалуйста», — тихо ответила Нинни'; *āp unheñ sudhār nahñ sakte, to kam-se-kam bigārie mat* (P, M 1, 319) 'Если уж вы не можете содействовать их (детей) исправлению, то, по крайней мере, пожалуйста, не портьте их'; *jī jī! āp jāiye nahñ, āp se mujhe bahut bātēñ karnī haiñ* (JS, 180) 'Сестрица, вы не уходите, пожалуйста. Мне нужно с вами о многом поговорить'.

²⁶ J. Shakespear, *A grammar of the Hindustani language*, 3 ed., London, 1826, p. 127; D. Forbes, *A grammar of the Hindūstānī language*, London, 1855, p. 123; S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 766, p. 459.

Келлогг и Камтапрасад Гуру в своих грамматиках языка хинди обращают внимание на то, что форма на *-iye (-ie)* используется в качестве простой формы сослагательного наклонения в предложениях, не выражающих побуждения²⁷. В подтверждение ими приводятся примеры из литературных источников, относящихся к XIX в., например, из «Байталь-пачиси» («Двадцать пять рассказов демона») Лаллу джи Лала и «Шакунтала» Раджи Лакшмансинха. В частности, Келлогг приводит такой пример, взятый из «Байталь-пачиси»: *jo mar jāiye to saṁsār ke dukh se chūṭiye* (BP, 3) 'Если кто-либо умирает, то избавляется от страданий в этом мире'²⁸.

Действительно, такое использование формы на *-iye(-ie)* нередко наблюдается в произведениях на хинди, написанных в XIX в. Приведем еще пример из «Байталь-пачиси»: *sab se bihtar yah hai ki kanyā ke hāth pīle kar dīiye* (BP, 106) 'Уж лучше всего [мне] окрасить руки дочери в желтый цвет'. Оно также характерно для языка «Прем Сагар» Лаллу джи Лала: *jis per ko jar hī se ukhāriye, tis meñ phūl phal kāhe ko lagegā* (PS, 11) 'Как может вырасти цветок или плод на дереве, которое с корнем вырвешь из земли?'; *ab yah hū byāhan jog, ise śīghra kahīn na dīje, to haṁseṅge log* (PS, 146) 'Она достигла уже брачного возраста. Коли ее скорей не выдать [замуж], то люди засмеют'.

Данная форма употребляется в прозаических произведениях XIX в. (особенно начала XIX в.), выступая в придаточной части сложноподчиненного предложения при различных типах связи его частей. В приведенных примерах представлены предложения с условно-следственным, изъяснительным, относительным типом связи. Келлогг приводит пример на использование указанной формы в придаточной части при выражении целевого отношения: *is liye maiñ āyā hūñ ki apne bhāiyoñ ko le jāy mātā ko dīje* 'Я явился сюда для того, чтобы забрать своих братьев и отдать их матери'²⁹. Ее употребление для выражения значения цели наблюдается и в языке Садасукха Лала, о чем ярко свидетельствует отрывок, помещенный Г. А. Зографом в работе «Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв.»³⁰. Приведем лишь небольшую выдержку из этого отрывка: *is hetu nahīn parhte haiñ ki caturāt ki bāteñ kahte logon ko bahkāiye aur phuslāiye...* '[Науки] изучают

²⁷ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 768, p. 461; K. Guru, *Hindī vyākaran*, § 597(a), p. 462.

²⁸ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 768, p. 461.

²⁹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 763, p. 461.

³⁰ См. Г. А. Зограф, *Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв.*, М., 1961, стр. 30.

не для того, чтобы хитрыми речами обманывать и опутывать людей...

Использование этой формы не в побудительной функции в независимом предложении иллюстрируется примером из «Шакунталы», который мы находим у Келлогга и Камтапра-сада Гуру: *manuṣya-jāti kī striyaṃ meṃ itnī damak kahāñ pāiye* 'Где можно найти такое великолепие у женщин рода человеческого?'³¹.

При употреблении в предложениях, не выражающих побуждение, форма на *-iye (-ie)* не характеризуется каким-либо определенным значением лица: субъект действия, обозначенного глаголом, мыслится неопределенно, и конкретное значение лица может быть определено лишь на основании контекста. Эта особенность данной формы послужила основанием для утверждений, что данная форма употребляется безлично³². Нам представляется более правильным говорить о неопределенно-личном или, скорее, об обобщенно-личном значении этой формы, которое может проявляться и в современном хинди.

Подобное использование формы на *-iye (-ie)*, рассмотренное нами на материале языка произведений, относящихся к XIX в., свидетельствует, как нам кажется, о том, что нельзя не принимать в расчет влияние прежнего презенса пассива на становление этой формы. При этом надо учитывать два момента: а) в истории языка хинди имело место переосмысление в модальном плане презенса индикатива, в связи с чем использование этой формы в функции сослагательного наклонения может объясняться ее связью с прежним презенсом; б) возможность отнесения этой формы к любому лицу (ее «безличное» употребление) является показателем того, что — как это бывает характерно для форм пассива — она формально не зависит от слова, обозначающего субъект глагольного действия.

В современном языке хинди разбираемая нами форма также используется не только при выражении побуждения. Иногда, выступая в предложениях, не являющихся побудительными и не сообщающих о побуждении, она сближается по смыслу и по функции с простой формой сослагательного наклонения. Такое употребление этой формы в современном хинди наблюдается реже. Примеры:

agar āp aise ek sīge kā nām batā dījīe to maiñ to umr āp kī gulāmī karūñ (P, Ss, 95) 'Если вы назовете хоть один

³¹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 770, p. 462; K. Guru, *Hindī vyākaran*, § 597(a), p. 462.

³² J. Shakespear, *A grammar...*, pp. 52—53; W. Yates, *Introduction to the Hindoostanee language*, Calcutta, 1827, p. 61.

такой департамент, то я стану вашим рабом на всю жизнь'; *jis dāulat se āp ko koī fāyda nahīn, use kyon na garībōñ meñ taqsim kar dījiye* (P, V, 144) 'Почему бы вам не поделить среди бедняков то богатство, от которого вам нет никакой пользы'.

В приведенных примерах глагольная форма соотносится с местоимением *āp* 'вы', 'Вы' и связывается со значением 2-го лица. Однако она может выступать и в обобщенно-личном значении: *ghar meñ kuhrām mac gayā jise dekhiye mijh par tyauriyāñ badal rahā hai, magar main ne parvāñ na kī* (P, PP, 288) 'В доме поднялась сумятица. На кого ни посмотришь, все сердятся на меня. Но я не обращал внимания'.

Такие нередко встречающиеся в хинди выражения, как *sac pūchiye* 'сказать по правде', *yon māniye* 'иначе говоря', *dūr kyon jāiye* 'зачем далеко ходить', появились в результате идиоматизации предложений с формой на *-iye(-ie)* в обобщенно-личном значении.

Форма на *-iyegā (-iegā)*

Данная форма, как и ее варианты на *-jiyegā (-jiegā)*, *-jegā*, соотносится с местоимением *āp* 'вы', 'Вы'. Подобно предыдущей форме, она используется при выражении учтвого, вежливого побуждения, обращенного к одному лицу или ко многим лицам: *āp māmā se kah dījiyegā kī āp kī bhī yahī rāy hai* (Nir, 141) 'Вы, пожалуйста, скажите дяде, что у вас такое же мнение'; *āp log jagal meñ bahut hoṣiyār rahiegā* (BV, 29) 'Вы, пожалуйста, будьте весьма осторожны в лесу'.

При выражении запрещения с этой формой чаще всего употребляется отрицательная частица *na*, выступающая перед глаголом: *ise kathā na samajiegā, saccī ghaṭnā hai* (P, SS, 43) 'Не думайте, пожалуйста, что это выдумка. Так было на самом деле'.

Нередко при выражении запрещения используется частица *nahīn*, обычно стоящая после глагола, а также может быть употреблена частица *mat*, для которой в данном случае более характерно положение перед глаголом: *khair āp ko batātā hūñ, kisī se kahiyegā nahīn* (KC, PR, 26) 'Ну хорошо, я вам скажу. [Только] никому не рассказывайте'; *āp yah kām mat kijiegā* (K, 67) 'Вы не извольте браться за это дело'.

Возникает вопрос, имеется ли разница в употреблении для выражения побуждения между рассматриваемой нами формой и формой на *-iye (-ie)*, и если таковая имеется, то в чем она состоит. Келлогг отрицает существование различия между

этими двумя формами в семантическом плане. Он пишет: «Менее часто встречающаяся форма на *-yegā* не отличается от формы на *-ye*»³³. Однако, по мнению многих грамматистов, рассматриваемая нами здесь форма, включая в свой состав морфему *-gā*, в противоположность предыдущей форме повелительного наклонения обладает значением будущего времени³⁴. Весьма четко подобная точка зрения сформулирована в грамматике Грина: «Форма на *iyegā* также употребляется для обоих чисел и отличается от предыдущей формы (на *-iye*. — В. Л.) лишь значением будущего времени, придаваемым окончанием *-gā*»³⁵. Если учесть, что благодаря наличию морфемы *-gā* будущее время изъявительного наклонения отличается по форме от сослагательного наклонения (простой формы), то станет очевидной допустимость постановки вопроса об этой морфеме как показателе будущего времени и в системе повелительного наклонения. Как уже отмечалось выше, индийские грамматисты на этом основании относят форму на *-iyegā* к разряду *parokṣa vidhi*.

Материал современного хинди свидетельствует о том, что форма на *-iyegā* (*-iegā*), выступая при выражении побуждения, обладает способностью указывать на то, что осуществление действия мыслится в будущем, несколько отдаленном от момента речи: *āp mere khaccar le jāiye, kal tak vāpas bhej dījiyegā* (КС, Т, 37) 'Вы забирайте моих мулов, но верните их, пожалуйста, не позднее завтрашнего дня'; *savere āyeñ to zarā tambh kījiegā* (Р, N, 174) 'Если [он] явится утром, то накажите его, пожалуйста'.

Особенно ярко значение отдаленного будущего проявляется в первом из приведенных примеров, где анализируемая форма выступает вместе с формой повелительного наклонения на *-iye* (*-ie*), относящей выполнение действия ко времени, непосредственно следующему за моментом речи. Далее, об отмеченной временной направленности побуждения, выражаемого при помощи анализируемой формы, свидетельствует то, что этой форме не свойственно, в отличие от формы на *-iye* (*-ie*), выступать вместе с наречиями или словосочетаниями, обозначающими ближайшее будущее. Для нее оказывается характерным использование вместе с наречиями, указывающими

³³ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 767, p. 460.

³⁴ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 56, стр. 77; Т. Е. Катенина, *Язык хинди*, стр. 59; J. Shakespear, *A grammar...*, p. 53; J. T. Platts, *A grammar of the Hindustānī or Urdū language*, London, 1874, p. 138; H. C. Scholberg, *Concise grammar of the Hindi language*, § 105, p. 78.

³⁵ A. O. Green, *A practical Hindustānī grammar*, pp. 62—63.

на отсутствие временного предела: *jaise āpne abtak uskī rakṣā kī hai, vaht nigāh us par sadaiṃ banāye rakhiyegā* (P, PP, 298) 'Присматривайте за ним всегда с той же тщательностью, с какой вы до сих пор оберегали его'; *inspektor ne kahā — āp kadāpi is jhanjhaṭ meñ na paṛiyegā...* (K, 67) 'Инспектор сказал: «Вы никогда не вмешивайтесь в этот спор...»'.

Однако различие между двумя упомянутыми формами в характере временной ориентированности выражаемого побуждения проявляется не всегда. Так, в помещенном ниже примере один раз встречается форма, характеризующаяся морфемой *-gā*, и два раза — форма на *-iye (-ie)*; причем в одном случае вторая из форм служит для выражения побуждения к выполнению действия в несколько отдаленном будущем, не противопоставляясь в семантическом плане первой из форм, в другом случае — для выражения побуждения к немедленному выполнению действия; *tumhāre dādā ā jāyaṅge, tab tum cale jāoge?* — *aur kyā karūṅgā, bahūjī. yahāñ koī kām dilvā dījiegā, to paṛā rahūṅgā. mujhe moṭar calānā sikhvā dījie, āp ko khūb sair karāyā karūṅgā. nahīñ, nahīñ bahūjī, āp haṭ jāie, main patilī utār lūṅgā...* (P, M 2, 323) 'Ты уедешь, когда вернется твой отец?' — «А что я буду делать, сестрица? Попробуйте обеспечить меня какой-либо работой, тогда я останусь. Научите, пожалуйста, меня водить машину. Я вас здорово покатаю. Нет, нет, сестрица, вы отойдите, я [сейчас] сниму сковородку...» Интересно отметить, что в том же произведении, изданном на урду, мы встречаем *sikhvā dījiyegā* (P, V, 100) 'Научите, пожалуйста'.

Как нам представляется, побуждение к выполнению действия в несколько отдаленном будущем в целом ряде случаев можно понимать как такое побуждение, при высказывании которого говорящий как бы оставляет на усмотрение собеседника выполнение самого действия. В связи с этим нам кажется, что если все-таки ожидается немедленное осуществление действия, то побуждение с формой на *-iyegā (-iegā)* звучит несколько вежливее, чем побуждение с формой на *-iye (-ie)*: *Śivanāth kī or dekh unhoñ ne kahā — kṣamā kījiyegā, main yahāñ is samay ā gaī...* (Y, DD, 100) 'Бросив взгляд в сторону Шиванатха, она проговорила: «Извините меня, пожалуйста, за то, что я пришла сюда в такое время...»' Очевидно, имея в виду эту сторону выражаемого побуждения, Гривз в своей грамматике хинди отмечает, что данная форма «в общем предназначается для лиц, обладающих большим достоинством»³⁶. Итак, мы видим, что для рассмотрения ана-

³⁶ E. Greaves, *Hindi grammar*, p. 280.

лизируемой формы как в рубрике *parokṣa vidhi*, так и в рубрике *pratyakṣa vidhi*, что мы наблюдаем у Камтапрасада Гур, имеются основания семантического порядка.

Форма на *-iyegā (-iegā)* употребляется в современном хинди не только для выражения побуждения. Соотносясь с местоимением *āp* 'вы', 'Вы', она нередко выступает как форма будущего времени изъявительного наклонения, в связи с чем некоторые грамматисты склонны расценивать ее при таком употреблении как вежливую форму будущего времени, отличную от формы будущего времени императива³⁷. В таком значении она предстает перед нами в следующих примерах: «...*āp ne mujhe sadā ke liye mol le liyā*.—«*rakhiye tah kar. cār din meñ bhūl jāiyegā. phir aise muñh pher lījiyegā, jaise kabhī kī pahcān na rahī ho...*» (Nir, 82—83) '...Теперь я вам вечно обязан'.—«Ах, оставьте. Через четыре дня [вы все] забудете, а потом станете отворачиваться, словно мы и не были давно знакомы...»'; *kal kis tren se jāiyegā?* (K, 60) 'Каким поездом [вы] поедете завтра?'; *jab tak yāh savāl pūrā na kījiyegā, dvār se na haṭūngā* (P, Ss, 72) 'Пока [вы] не выполните эту просьбу, [я] не отойду от двери'.

Своеобразный оттенок передается данной формой, образованной от сложновербального глагола *dekh lenā* 'увидеть'. Употребляя ее при обращении к собеседнику, говорящий стремится подчеркнуть справедливость своего высказывания о будущем, в связи с чем фразе на хинди в переводе на русский язык соответствует предложение «Вот увидите»: «...*aur bābūji, merā dil kahtā hai kī vah āyegī zarūr. dekh lījiegā* (P, M 2, 217) '...и сердце мне, господин, подсказывает, что она непременно вернется. Вот увидите'.

Итак, различие между формой на *-iyegā (-iegā)* и формой на *-iyē (-ie)* наблюдается не только при выражении побуждения, когда для первой из форм оказывается характерной способность выражать значение более или менее отдаленного будущего. Различие между двумя формами проявляется также и в случае их использования во внеимперативной функции: если первая из упомянутых форм выступает как эквивалент будущего времени изъявительного наклонения, то второй из форм свойственно употребление в качестве эквивалента простой формы сослагательного наклонения.

Большой теоретический интерес представляет мнение о том, что в форме, характеризующейся морфемой *-gā*, императивное значение является производным от значения вежливого

³⁷ J. Dowson, *A grammar of the Urdu or Hindustani language*, London, 1887, p. 179; «A basic grammar...», p. 62.

будущего времени (в аспекте изъявительной модальности), присущего, как мы видели, этой форме³⁸.

При образовании будущего времени изъявительного наклонения морфема *-gā* присоединяется к форме, возводимой к презенсу индикатива. Поэтому допустимо предположить, что и при образовании вежливой формы морфема *-gā* присоединяется к форме, генетически связанной с прежним презенсом индикатива. Однако если при образовании будущего времени изъявительного наклонения морфема *-gā* претерпевает изменения в зависимости от рода, а в мужском роде в зависимости от числа слова, выполняющего в предложении функцию подлежащего, то форма на *-iyegā* (*-iegā*), включающая в свой состав эту морфему, во всех случаях остается неизменной. Ее неизменяемый характер свидетельствует об отсутствии согласования между глаголом и словом, обозначающим субъект глагольного действия. Следовательно, в какой-то мере данная форма обладает признаками пассивных форм.

Форма на *-iyu* (*-io*)

Эта форма, как и ее разновидность на *-jiyo* (*-jio*), употребляется в современном хинди редко. Она соотносится с личными местоимениями *tū* 'ты' и *tum* 'вы'. Во втором случае побуждение может относиться как ко многим лицам, так и к одному лицу. Уже из того факта, что данная форма не соотносима с местоимением *āp* 'вы', 'Вы', следует, что она не может служить для выражения такого вежливого побуждения, которое передается при помощи форм на *-iyu* (*-ie*) и *-iyugā* (*-izgā*). Все же Келлогг, Гривз, А. П. Баранников считают ее вежливой формой повелительного наклонения³⁹. Камта-прасад Гуру, напротив, отказывается видеть в ней форму, выражающую вежливое побуждение⁴⁰. В грамматике, изданной правительством Индии, она трактуется как форма, обозначающая нечто экстренное, опасность, предостережение, и называется исключительным («восклицательным») императивом⁴¹.

Те немногочисленные примеры на употребление этой формы, которыми мы располагаем, склоняют нас к заключению, что выражение вежливого побуждения не составляет ее сле-

³⁸ «A basic grammar...», p. 62.

³⁹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 767, p. 46); E. Greaves, *Hindī grammar*, p. 28); А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 56, стр. 77.

⁴⁰ K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 392, p. 287.

⁴¹ «A basic grammar...», p. 62.

цифики. В хинди данная форма используется, как нам кажется, для придания побуждению большей настоятельности, когда выполнение действия не оставляется говорящим на усмотрение собеседника: *lekin jald āiyo* (P, M 4, 165) 'Но приходи побыстрее'; *rāstā bilkul sīdhā hai, kahīn dāhine bāyeñ muṛiyo nahīn* (P, V, 67) 'Дорога совершенно прямая. Нигде не сворачивайте ни направо, ни налево'.

Так же нужно понимать значение данной формы в примерах, приводимых в работе «A basic grammar...»: *dauriyo! āg lagī* 'Бегите, возник пожар'; *caliyo! bheriyā āyā* 'Уходит, появился волк'⁴². Выражение значения экстренности, опасности, предостережения представляет собой лишь частный случай и определяется на основании контекста.

Для этой формы в ряде случаев оказывается характерной способность относить действие к плану более или менее отдаленного будущего: *acchā! kal śām ko zarūr cale jāiyo* (КС, КК, 163) 'Ну, ладно. Завтра вечером обязательно убирайтесь отсюда'.

В упомянутой выше грамматике говорится, что употребление рассматриваемой глагольной формы в качестве императива будущего времени является архаичным или диалектальным⁴³. Однако, как нам кажется, имеется гораздо больше оснований говорить то же самое об употреблении данной формы вообще в применении к современному языку хинди.

В произведениях, созданных в начале XIX в., форма на *-iyo (-io)* встречается чаще, чем в книгах современных авторов. Мы находим ее в таких произведениях, как, например, «Прем Сагар» и «Байталь-начиси» («Двадцать пять рассказов демона») Лаллу джи Лала, «Рассказ о рани Кетки и принце Удай Бхане» Мир Иншаалла Хана Инша, в прозе на урду: «Сад и весна» Мир Аммана, «Сказки попугая» Хайдар Бахш Хайдари. Примеры: *chīn bhar ise apne pas se judā mat kījo* (BP, 234) 'Не оставляй ее ни на один миг'; *ab jo vah tujhe le jāve to kuch hacar pasār na kījiyo, us ke sāth ho lījiyo* (RKK, 18) 'Теперь, если она возьмет тебя, ты не увиливай, а сопровождай ее'.

Замечены случаи, когда эта форма связывается со значением 3-го лица, выражая пожелание или косвенное побуждение: *khudā tum ko zindā rakhiyo* 'Да хранит тебя бог'⁴⁴; *...jo koī bhūle to pichle deroñ par jāiyo* (PS, 100) '...кому ж случится заблудиться, пускай тот возвращается к шатрам'.

⁴² «A basic grammar...», p. 62.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ См. J. T. Platts, *A grammar...*, p. 137.

Как видно из примеров, при выражении запрещения с рассматриваемой глагольной формой употребляются отрицательные частицы *mat*, *nahīn*, *na*. Первая из перечисленных частиц встречается с данной формой чаще, чем остальные.

Использование формы на *-nā* в императивной функции

Как уже отмечалось выше, данная форма языка хинди может служить для выражения побуждения. При этом она обычно соотносится с местоимением *tum* 'вы', 'ты', например: *tum merī or se kṣamā māṅg lenā* (P, M 2, 235) 'Вы извинитесь за меня'.

При выражении запрещения чаще всего с этой формой используется отрицательная частица *mat*, которая может выступать как перед глаголом, так и после него: *dekho, andar kist ko mat āne denā* (K, 79) 'Смотри, никого не пускай внутрь'; «*chūnā mat use*», *idhar kī striyon ne āturtā se kahā* (Nir, 86) «Не трогайте его», — сказали с беспокойством находившиеся здесь женщины'.

Реже используются отрицательные частицы *na* и *nahīn*, из которых первая предшествует глаголу, а вторая следует за ним: *merī raziya ab tumhāre havāle hai, ise kaṣṭa na hone denā* (A, P, 116) 'Моя Разия теперь на вашем попечении. Не причиняйте ей страданий'; *tab kabhī-kabhī hamārī aur sītāphal kī yād karnā, bhūlnā nahīn* (MN, 116) 'Тогда время от времени вспоминайте нас и плод ситапхаль. Не забывайте'.

В отдельных случаях, эта форма соотносится с местоимением *tū* 'ты' и даже с местоимением *āp* 'вы', 'Вы': *mere sāth cālegī yā nahīn? phir pīche se na kahnā, mujh se kahā nahīn* (P, M 1, 142) 'Пойдешь со мной или нет? Потом не говори, что я не позвал тебя'; *māñjī, āp jāyañ, phir kabhī ānā* (P, M 1, 273) 'Вы бы ушли, мать. Приходите когда-нибудь потом'.

В грамматической литературе высказывается точка зрения, что при выражении побуждения форма на *-nā* относит осуществление действия ко времени, более или менее отдаленному от момента речи⁴⁵. О такой временной направленности выражаемого побуждения, кроме двух последних из приведенных выше примеров, могут свидетельствовать и следующие примеры, где разбираемая форма во временном плане противопоставлена форме на *-o*: *is vakt calo. savere phir ā jānā* (P, M 2, 247) 'Сейчас уходи. Рано утром приходи опять'; *abhi man lagakar*

⁴⁵ S. H. Kellogg, *A grammar...*, § 753 (3), p. 444; K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, § 386 (4), p. 28; «A basic grammar...», p. 62.

parho. jab tumhare pitā jī ā jāyāñ, to jo icchā ho vah kar-nā (Р, М 2, 247) 'Пока занимайся усердно. Когда вернется твой отец, делай, что тебе заблагорассудится'.

Итак, данной форме, как и формам на *-iyegā (-iegā)* и на *-iyo (-io)*, оказывается свойственной способность передавать значение более или менее отдаленного будущего. При этом от формы на *-iyo (-io)* она отличается большей употребительностью. Ее же отличие от формы на *-iyegā (-iegā)* состоит главным образом в том, что она, соотносясь преимущественно с местоимением *tum* 'вы', 'ты', противопоставляется во временном отношении форме на *-o*. Следовательно, рассматриваемая форма противопоставлена форме на *-o* так же, как форма на *-iyegā (-iegā)* противопоставлена форме на *-iye (-ie)*. Иногда она точно так же противопоставляется форме, равной основе глагола, соотносимой с местоимением *tū* 'ты'.

Сходство между анализируемой здесь формой и формой на *-iyegā (-iegā)* в функциональном отношении при их соотнесенности с различными местоимениями ясно представлено в следующем примере: *«tumhārā byāñ kisī burhiyā se hī karūñgī, dekh lenā»* — *«to main bhī zahar khā lūngā, dekh lījiegā»* (Р, М 2, 330) '«Я женю тебя на какой-нибудь старухе. Вот увидишь». — «А я тогда приму яд. Вот увидите»'.

Однако нередко данная форма используется для выражения такого побуждения, при котором выполнение глагольного действия мыслится следующим непосредственно за моментом речи. Такое употребление этой формы иллюстрируется двумя примерами, помещенными выше (см. второй и третий примеры из приведенных в данном разделе). О нем ярко свидетельствует и такой пример: *sahsā Gokul ne pukārā — Māñī, ek gilās thanḍhā pāñī to lāñā, barī pyās lagī hai* (Р, М 1, 209) '«Мани, принеси стакан холодной воды. Сильно хочется пить», — воскликнул вдруг Гокуль'.

В тех случаях, когда нужно выразить настойчивую просьбу, с рассматриваемой формой нередко употребляются наречия *avaśya*, *zarūr* 'непременно', 'обязательно': *nahīñ, tum avaśya āñā, main khāne ke liye pratikṣā karūñgī* (Y, DD, 261) 'Нет, вы приходите обязательно. Я буду [вас] ждать к обеду'; *tum bhī zarūr yah ām khāñā* (BB, 36) 'И вы непременно съешьте этот плод манго'.

По мнению А. П. Баранникова, эта форма, когда побуждение относится к настоящему времени, выражает усиленную вежливость или же, когда имеется в виду будущее время, — безусловный приказ⁴⁵. Приведенные примеры свидетельствуют

⁴⁵ А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, § 57, стр. 78.

о необоснованности такой точки зрения. Во всяком случае ни в одном из примеров, где осуществление действия мыслится в плане будущего времени, отдаленного от момента речи, эта форма языка хинди не соответствует инфинитиву русского языка в императивном значении, рассматриваемому А. П. Баранниковым в качестве ее эквивалента при переводе на русский язык. Точно так же вряд ли можно усмотреть характер усиленной вежливости в таком побудительном предложении: *Māni, ek gilās ṭhaṇḍhā pāni to lānā* 'Мани, принеси стакан холодной воды'.

По нашему мнению, вежливость побуждения, передаваемого посредством этой формы, определяется тем, с каким личным местоимением она соотносится в том или ином предложении. Поскольку в большинстве случаев она соотносится с местоимением *tum* 'вы', 'ты', постольку можно утверждать, что в отношении выражения учтивости она уподобляется, как правило, форме на *-o*.

На фоне противопоставления *pratyakṣa vidhi: parokṣa vidhi*, существующего между так называемыми вежливыми формами повелительного наклонения, форма на *-nā* расценивается как второй член аналогичного противопоставления, затрагивающего формы, которые не принято считать вежливыми. Иными словами, форма на *-nā* так относится к форме на *-o* (отчасти и к форме, равной основе глагола), как форма на *-iyegā (-iegā)* относится к форме на *-iye (-ie)*. При этом она, как нам кажется, вытесняет форму на *-iyo (-io)*, уже ставшую архаичной. Тот факт, что эта форма, выражая побудительное значение, выступает в качестве необходимого члена одного из двух рядов противопоставления *pratyakṣa vidhi: parokṣa vidhi*, свидетельствует об обоснованности ее рассмотрения в качестве формы повелительного наклонения современного хинди. Нельзя также не учитывать двух следующих моментов: а) употребление этой формы в качестве финитной глагольной формы фактически исчерпывается ее императивной функцией, б) при выражении запрещения она используется с отрицательной частицей *mat*, которая применяется исключительно в побудительных предложениях.

К вопросу об использовании форм повелительного наклонения в придаточной части сложного предложения

Назначением форм повелительного наклонения является выражение побуждения, и предложения с глаголом в форме этого наклонения по цели высказывания являются обычно побудительными. В силу своей специфики побудительные пред-

ложения тяготеют к самостоятельности, обособленности в потоке речи и им присуща особая (побудительная) интонация; превращение в придаточную часть сложноподчиненного предложения нельзя считать для них характерным. Следовательно, повелительному наклонению, как наклонению, выступающему в императивной функции, не может быть свойственно употребление в придаточной части сложного предложения.

Выше говорилось о том, что форма на *-iye (-ie)* иногда используется как эквивалент простой формы сослагательного наклонения, а форма на *-iyegā (-iegā)* — как эквивалент формы будущего времени изъявительного наклонения. При этом они могут выступать в придаточной части сложноподчиненного предложения. В тех примерах на подобное употребление повелительного наклонения, которые были приведены выше, функция выражения побуждения повелительным наклонением не выполняется. Внеимперативное употребление наблюдается не только у двух отмеченных форм. Как показывает помещенный ниже пример, форма на *-nā* также не имеет побудительного значения, выступая в придаточной части сложного предложения как эквивалент сослагательного наклонения: *agar phir kabhī mujhe pīte dekhnā to muñh meñ kālikh lagā denā* (P, PP, 277) 'Плуньте [мне] в лицо (букв. 'вымажьте мне лицо сажей'), если когда-либо снова увидите, что я пью [вино]'. Однако когда глагол хинди в форме повелительного наклонения занимает позицию, свойственную сказуемому придаточной части сложного предложения, он может в какой-то мере сохранять императивное значение. Это преимущественно наблюдается при изъявнительном типе связи частей сложноподчиненного предложения, когда в придаточной части излагается содержание того побуждения, о котором сообщается в главной части: *udhar caprāsī ko bhī hukm huā ki logon ko yahān se haṭāo* (K, 113) 'Затем и посыльному было приказано, чтобы он удалил оттуда людей' (букв. '...был приказ, что удали отсюда...').

В этом примере говорящий сообщает не о своем собственном повелении, а о повелении какого-то третьего лица. Наиболее обычным при сообщении о такого рода повелении является для современного хинди употребление простой формы сослагательного наклонения в придаточной части, например: *mukhya adhiṣṭhātā ne hukm diyā ki larke nirdiṣṭa samay se ādh ghantā pahle ā jāyañ* (P, M 4, 5). Директор приказал, чтобы мальчики пришли на полчаса раньше установленного времени'.

Повелительное же наклонение является показателем того, что соответствующая часть высказывания далеко не полностью

утратила признаки прямой речи и, следовательно, занимает промежуточное положение между независимым (простым) предложением, с одной стороны, и придаточной частью сложного предложения, с другой. Мы называем ее придаточной частью — прямой речью⁴⁷.

Если же говорящий сообщает о своем собственном поведении, то императивное значение глагольной формы проявляется вполне отчетливо: *aur maiñ āp se kahtā hūñ ki āp mujhe apnā kām karne dījīe* (Р, М 7, 36) 'А я прошу вас не мешать мне заниматься своим делом' (букв. 'А я вам говорю, что дайте мне заниматься своим делом').

Иногда повелительное наклонение используется в сложном предложении и при выражении уступительного значения. В таком случае им тоже сохраняется оттенок побуждения: *...magar ise svatantratā kahīe yā mithyā abhimān — maiñ ne apnī hālat ko kisī par prakat nahīñ hone diyā* (S, N, 58) '...называйте это независимостью или мнимой гордостью, [но] я ни перед кем не обнаружил свое [материальное] положение'.

Итак, хотя в целом для повелительного наклонения хинди не характерно употребление в придаточной части сложного предложения, все же в языке наблюдаются случаи, когда формы этого наклонения выступают в синтаксической позиции сказуемого придаточной части.

Употребление форм повелительного наклонения в качестве частиц

Формы повелительного наклонения ряда глаголов утрачивают в определенных случаях свое первоначальное лексическое и грамматическое значение и могут в связи с этим восприниматься как слова другой части речи. Среди таких форм следует отметить форму *cāhiye (cāhie)* глагола *cāhnā* 'желать', 'хотеть', которая, как известно, в современном хинди по сути дела является предикативным наречием со значением 'нужно', 'следует', 'желательно'.

Формы повелительного наклонения, в особенности форма на -o, таких глаголов, как *calnā* 'идти', *ānā* 'приходить', *le-nā* 'брать', часто выступают в качестве модально-волевых частиц.

В такой функции повелительное наклонение первых двух глаголов обычно используется в предложениях с простой

⁴⁷ См. В. П. Липеровский, *Сложноподчиненное предложение в современном литературном языке хинди*, — «Вопросы грамматики языка хинди», М., 1962, стр. 188, 189.

формой сослагательного наклонения, в которых выражается или намерение, готовность говорящего совершить действие, или же призыв говорящего к совместному совершению действия, например: *calo koḷ aṛ jūtā hī kharīd lūñ, koḷ sasta jūtā* (KC, AD, 154) 'Куплю-ка я другие ботинки, подешевле'; *āo hāth milāyañ. tum āj se hamārā dost hai* (S, N, 205) 'Ну, давай пожмем друг другу руки. С сегодняшнего дня ты мой друг'; *calo ab ghar caleñ, āo tumheñ uṭhā lūñ* (KC, T, 60) 'Ну, теперь пошли в дом. Давай я понесу тебя'.

Форма глагола *calnā* чаще употребляется при выражении намерения, готовности, а форме глагола *ānā* отдается предпочтение при выражении призыва к совместному выполнению действия. Когда в предложении передается значение намерения, готовности совершить действие, форма повелительного наклонения от упомянутых глаголов движения как бы выражает побуждение, обращенное говорящим к самому себе и направленное на то, чтобы было осуществлено действие, обозначенное глаголом в форме сослагательного наклонения.

Повелительное наклонение от глагола *lānā* 'приносить' также может быть использовано в качестве модально-волевой частицы при выражении намерения, готовности совершить действие: *lāo main cāu banāyī* (Y, DK, 163) 'Приготовлю-ка чай'.

Повелительное наклонение от глагола *lenī* выступает в качестве частицы в предложениях, выражающих побуждение посредством формы повелительного наклонения, а также при категорическом утверждении того, что действие будет немедленно осуществлено говорящим (в таком случае в значении будущего времени обычно выступает претерит изъявительно о наклонения), например: *...lo dekho! piche inspaikṭar sāhab lambe dāg bharte cale ā rahē haiñ* (CGh, 97) '...гляди-ка! Позади размашисто шагает [полицейский] инспектор'; *dut! tumheñ śarm nahīñ ātī, lo main calī* (Am, 89) 'Ступай прочь! У тебя нет никакого стыда. Ну, я ухожу'.

Глагол движения также может употребляться в качестве частицы при выражении побуждения: *āo uṭho, khāñz kē kamre meñ āo...* (Y, DK, 36) 'Ну-ка, поднимайся. Иди в столовую...'; *tum ne sunā yā nahīñ? calo, mere sāth baiṭho* (S, N, 151) 'Ты слышал или нет? Ну-ка, садись рядом со мной'.

Как видно из примеров, формы повелительного наклонения, выступающие в хинди в качестве частиц, обычно соответствуют при переводе модально-волевым частицам русского языка: -ка, дай-ка, давай-ка, давай, давайте, ну, ну-ка и др.

Форма повелительного наклонения глагола *dekhnī* 'смотреть' тоже семантически сближается с частицами, когда го-

ворящий использует ее для того, чтобы обратить внимание собеседника на свои слова. Это явление наиболее ярко проявляется в побудительных предложениях, выражающих предостережение: *dekho yah avasar hāth se na jāne denā* (lr, 31) 'Смотрите же, не упускайте этот случай'.

Впрочем, форма глагола *dekhnā* в подобных примерах может сближаться по своей функции с такими междометиями русского языка, как *чу*, выражающее призыв к вниманию, и *чур*, выражающее призыв к согласию.

Роль частиц при употреблении форм повелительного наклонения

Выше отмечалось, что повелительное наклонение глаголов *calnā* 'идти', *ānā* 'приходить', *lenā* 'брать', *lanā* 'приносить', употребляясь в качестве частиц, привносит в значение сказуемого, выраженного глаголом в форме повелительного наклонения, модально-волевые оттенки. Своеобразный оттенок — призыв обратить внимание на содержание высказываемого — передается формой повелительного наклонения глагола *dekhnā* 'смотреть', выступающей в роли частицы (или междометия).

В целях смягчения просьбы или приказания с формами повелительного наклонения часто используется частица *zarā*. В связи с этой функцией она на русский язык обычно переводится словом «пожалуйста». В предложении она, как правило, предшествует форме повелительного наклонения: *āp hāth-muñh dho zarā viśram kījiye* (Y, DD, 267) 'Умывшись, вы, пожалуйста, отдохните'; *caprāsi ne lalkārā — zarā kadam bahāuz calo, bābū!* (P, PPh, 17) 'Шагайте, пожалуйста, побыстрее, господин!' — воскликнул посыльный'.

Частица *zarā* по своему происхождению восходит к арабскому языку. Первоначальное значение этого слова «частица», «мелкий», «незначительный». Его эквивалентом санскритского происхождения является слово *tanik*, тоже используемое в современном хинди в качестве частицы: *tum tanik mahārāni ke pās calī na jāo* (lr, 88) 'Уж ты, пожалуйста, не ходи к махарани'.

Частица языка хинди *to* 'то' в побудительных предложениях часто выступает в роли усилительной частицы. При этом она, как правило, непосредственно следует за формой повелительного наклонения. В случае такого использования она семантически в общих чертах соответствует частице *же* русского языка или частице *-ка*: *kyā bat hai, kuch batao to* (K, 38) 'Да скажи же, в чем дело'; *būjho to! hamāre hāth meñ kyā hai?* (S, N, 42) 'Отгадай-ка, что у меня в руке?'

При использовании в одном предложении частиц *zarā* и *to* частица *to* обычно предшествует форме повелительного наклонения, выступая непосредственно перед глаголом: *zarā tum bhī to socio* (GM, 73) 'Уж вы тоже подумайте'.

Постпозитивная частица *to* может осложняться частицей *sahī* 'правда', 'ладно', 'пусть', в результате чего образуется сочетание частиц *to sahī*, усиливающее значение побуждения: *āgrah se use baiṭhāne ke liye dāktar svayam kharā ho gayā— āp zarā baiṭhiye to sahī* (Y, DD, 202) 'Чтобы усадить ее, сам доктор многозначительно поднялся [и проговорил]: «Ну, садитесь же, пожалуйста»'⁴⁸.

С формами повелительного наклонения иногда используется также постпозитивная усилительная частица *bhī* 'и', 'даже', 'все же'. Оттеняя побудительное значение глагольной формы, она вместе с тем является показателем того, что говорящий испытывает нетерпение, желая видеть действие осуществленным: *isiliē āp ke pās marte-girte āyā hūn. phir suniē bhī* (CGh, 105) 'Вот поэтому я и припелся к вам. Так выслушайте же [меня]!'.

С формами повелительного наклонения употребляется также частица *na*, и не только в функции отрицания. Обычно она рассматривается как отрицательная частица, соответствующая по своей роли в предложении частице русского языка *не*. В таком значении она является препозитивной по отношению к тому слову, к которому она относится. Ее использование в качестве отрицательной частицы с глаголом в повелительном наклонении, как и использование отрицательных частиц *mat* и *nahīn*, рассматривалось нами при анализе случаев употребления отдельных форм повелительного наклонения. Однако в хинди функция частицы *na* не ограничивается лишь выражением отрицания. Камтапрасад Гуру справедливо указывает, что она может выступать как вопросительная частица и как частица, выражающая уверенность (*niścay*)⁴⁹. При таком использовании она, как правило, является постпозитивной.

Выступая в качестве вопросительной частицы, частица *na* (а также и ее вариант *nā*) по своей роли в предложении близка таким частицам русского языка, как *а?*, *да?*, или обороту *не так ли?* Она обычно является показателем того, что говорящий ожидает услышать утвердительный ответ на по-

⁴⁸ Использование сочетания частиц *to sahī* с повелительным наклонением отмечается в грамматике Камтапраасада Гуру. См. K. Gugu, *Hindī vyākaraṇ*, § 596, p. 462.

⁴⁹ K. Gugu, *Hindī vyākaraṇ*, § 227, p. 146, 147.

ставленный вопрос: *kahie, gāṇṇ meṇ to kusal hai na?* (S, N, 161) 'Скажите, в деревне все благополучно, да?'

Таким же значением обладает эта частица при употреблении с формой повелительного наклонения на *-iyegā (-iegā)*, выступающей в качестве вежливой формы будущего времени: *ek sāhab ne pūchā — kahie kis din caliyegā? paṇḍit jī kuch anyamanaska the, bole — kahān? vah vyakti bolā — Kāngres meṇ, caliyegā na?* (K, 93) '«Скажите, пожалуйста, когда вы поедете?» — спросил один из господ. «Куда?» — спросил пандит, встрепелнувшись. «На заседание Конгресса. Ведь вы поедете, да?» — проговорил господин'.

Отмеченной семантической особенностью подобных вопросительных предложений объясняется то, что предложения такой структуры в случае утраты ими вопросительного характера приобретают характер уверенного, убедительного сообщения. В связи с этим частица *na (nā)* начинает восприниматься как усилительная экспрессивная частица, близкая по своей роли в предложении частице *ведь* русского языка: *ma-gar merī śart yād hai nā — bhārī sabhā meṇ yah kahnā hogā, pardā burā* (S, SS, 139) 'Но [ты] ведь помнишь мое условие. [Тебе] придется заявить всему собранию, [что] парда — это зло'.

Усилительно-экспрессивная роль оказывается свойственной частице *na (nā)* и при ее использовании с формами повелительного наклонения, например: *us ne tīsrī bār pūchā — mān, batā do nā tumheṇ kyā duḥkh hai* (S, TY, 12) '«Скажи же, мама! Что тебя тревожит?» — спросила она в третий раз'; *abhi kuch ḥand hai, phir dhūp tīra ho jāygi, kariye na ārambh* (MN, 107) 'Пока еще прохладно, а потом будет печь солнце. Начинайте же'.

Итак, мы можем констатировать следующее: 1) для форм повелительного наклонения характерно употребление вместе с частицами или используемыми в качестве частиц словами, принадлежащими к другой части речи; 2) роль этих лексических элементов в побудительных предложениях состоит или в привнесении дополнительного модально-волевого оттенка в значение повелительного наклонения, или в усилении выражаемого побуждения, или в смягчении просьбы или приказания, или же в том, чтобы обратить внимание слушающего на содержание выражаемого побуждения; 3) в общих чертах они по своей функции соответствуют модально-волевым и усилительным частицам русского языка, а также и другим словам, модифицирующим смысл выражаемого побуждения.

Результаты анализа языкового материала можно представить в виде следующих выводов:

1. В языке хинди насчитывается шесть различных глагольных форм (включая сюда и форму на *-nā*, морфологически совпадающую с неопределенной формой глагола), которые в функциональном плане характеризуются прежде всего способностью выступать в качестве сказуемого побудительного предложения, передавая при этом значение 2-го лица.

2. Функциональной особенностью этих форм обуславливается то, что они в отличие от других финитных форм глагола: а) относят осуществление глагольного действия лишь к будущему времени (непосредственно следующему за моментом речи или отдаленному от момента речи); б) выступают по преимуществу в независимых предложениях в составе прямой речи; в) употребляются в тесной связи с особой, повелительной, интонацией, которая является органической принадлежностью предложений, выражающих побуждение; г) часто вызывают опущение в предложении подлежащего, выраженного местоимением, передающим значение 2-го лица.

3. Все эти формы на основании их функционального сходства могут быть объединены как формы одного наклонения, называемого повелительным.

4. В тех сравнительно немногочисленных случаях, когда формы повелительного наклонения выступают в предложениях, не выражающих побуждение, они семантически сближаются с формами других наклонений. Так, форма на *-iyegā (-iegā)* может выступать как эквивалент будущего времени изъявительного наклонения, а форма на *-iye (-ie)* — как эквивалент простой формы сослагательного наклонения.

5. Наиболее обычным синтаксическим условием выполнения повелительным наклонением внешнеимперативной функции является его использование в придаточной части сложного предложения, а в семантическом плане внешнеимперативная функция повелительного наклонения, как об этом свидетельствует форма на *-iye (-ie)*, бывает связанной с возможностью его отношения не только ко 2-му лицу, но и к другим лицам.

6. Из форм повелительного наклонения форма, равная основе глагола, обладает узкой сферой применения в силу характера своей семантической направленности, а форма на *-iyo (-io)* является устаревшей и поэтому мало употребительной.

7. Остальные четыре формы повелительного наклонения в зависимости от того, с каким местоимением они соотносятся, или в зависимости от того, какое временное значение ими

передается, целесообразно разбить на две пары противопоставляемых друг другу форм. В зависимости от первого из перечисленных факторов мы имеем следующее противопоставление: форма на *-iyegā (-iegā)* и форма на *-iye (-ie)*: форма на *-nā* и форма на *-o*, где первый член оппозиции представлен двумя формами, соотносящимися с местоимением *ār* 'вы', 'Вы', т. е. вежливыми формами. В зависимости же от второго из перечисленных факторов две пары форм противопоставляются друг другу следующим образом: форма на *-iyegā (-iegā)* и форма на *-nā*: форма на *-iye (-ie)* и форма на *-o*, где первая пара представлена формами, в которых обычно реализуется способность относить осуществление действия к будущему, отдаленному от момента речи, т. е. формами, причисляемыми в индийских грамматиках к *ragokṣa vidhi*.

8. В свете существования двупланового противопоставления, выявленного в применении к формам повелительного наклонения, форма на *-iyo (-io)* представляется обладающей свойствами второго члена первой оппозиции и первого члена второй оппозиции, а форма, равная основе глагола, может восприниматься как второй член первой и второй оппозиции.

9. При выражении запрещения с формами повелительного наклонения употребляются отрицательные частицы *na*, *mat* и *nahīn*. Отрицательная частица *na* является препозитивной по отношению к формам повелительного наклонения глагола, частица *nahīn* — постпозитивной, а частица *mat*, сфера использования которой в современном хинди ограничена лишь побудительными предложениями, может выступать как перед глаголом, так и после него.

10. Формы повелительного наклонения ряда глаголов могут использоваться в качестве модально-волевых частиц. При таком употреблении их функция состоит не в выражении побуждения, а в привнесении дополнительного модально-волевого оттенка в значение сказуемого.

11. Повелительному наклонению свойственно употребление вместе с частицами или их функциональными эквивалентами, оттеняющими или модифицирующими смысл выражаемого побуждения, что свидетельствует о наличии в хинди тенденции выражать побудительные значения лексико-грамматически. Будучи включенными в словесную ткань предложения, частицы и их функциональные эквиваленты создают благоприятные условия для использования интонационных средств в целях выражения побуждения.

12. Некоторые особенности функционирования так называемых вежливых форм повелительного наклонения могут быть

объяснены влиянием прежнего презенса пассива на их становление. С другой стороны, можно предположить, что в употреблении вежливых форм как от переходных, так и непереходных глаголов сказывается влияние древнеиндийского оптатива (или прекатива), который, кстати сказать, в условиях фонетического сближения с пассивом мог способствовать рождению последним активного значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникает вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой наклонения хинди, являющиеся, как известно, средством выражения модальных значений в системе глагола.

Изъявительное наклонение выражает действие, осуществление которого представлено как факт действительности. Действие, обозначенное глаголом, стоящим в форме этого наклонения, предстает как соответствующее действительности в том смысле, что в высказывании имеется в виду факт его реализации в настоящем, прошедшем или будущем времени. Итак, специфика изъявительного наклонения состоит в том, что оно наделяет глагольное действие признаком реальности и в этом отношении оказывается противопоставленным сослагательному, условному и повелительному наклонениям.

Для сослагательного наклонения характерно употребление, при котором упоминание о действии имеет место безотносительно к факту реализации данного действия, вне связи с констатацией факта его реализации (нереализации). В этом плане сослагательное наклонение обнаруживает общность с повелительным наклонением, но противопоставляется изъявительному, а также и условному наклонению.

Как уже отмечалось, отличительной функцией условного наклонения является выражение значения: нереальности, противопоставляемой действительному ходу событий, реальной ситуации, с акцентом на нереализованность осуществимого действия. Отсюда вытекает, что это наклонение употребляется в связи с отрицанием факта реализации (нереализации) данного глагольного действия. Следовательно, условное наклонение характеризуется признаком отнесенности выражаемого им значения к факту осуществления (неосуществления) данного действия в отличие от сослагательного и повелительного наклонений, которые данным признаком не располагают.

Данный признак соотносительности присутствует в условном наклонении в силу того, что нереальность, выражаемая этим наклонением, противопоставляется действительному ходу событий, является соотносимой с определенной ситуацией, мыслимой в качестве существующей в действительности. Из этого следует, что он неразрывно связан со способностью условного наклонения сигнализировать о реальной ситуации, о том, что именно происходит на самом деле. Точнее говоря, наличие этого признака обуславливается тем, что отправным моментом для употребления условного наклонения в соответствующей части высказывания является определенный реальный факт действительности. Это значит, что признак отнесенности к факту осуществления (неосуществления) действия роднит условное наклонение с изъявительным.

Повелительное наклонение выражает побуждение к совершению (несовершению) действия, направленное на собеседника говорящего лица. Следовательно, оно обладает признаком направленности воли говорящего на участника речевого акта. В этом отношении оно противопоставлено трем остальным наклонениям, так как они данный признак оставляют невыраженным, хотя, что характерно для условного и особенно для сослагательного наклонения, не отрицают его. В частности, значение побуждения (в том числе и побуждения, обращенного к собеседнику) является одним из частных значений сослагательного наклонения, производным от значения желания, пожелания. Поэтому повелительное наклонение хинди, обладая по сравнению с сослагательным наклонением значительно более узким диапазоном применения, в семантическом плане тяготеет к последнему. Повелительное наклонение в хинди, как и в других языках, служит средством формирования особого типа предложений по цели высказывания — предложений побудительных. В связи с этим оно лежит как бы в другой плоскости по сравнению с другими наклонениями.

Таким образом, категорию наклонения языка хинди можно представить образованной рядами финитных форм, противопоставленными друг другу по трем различительным признакам:

1) по признаку реальности—нереальности глагольного действия,

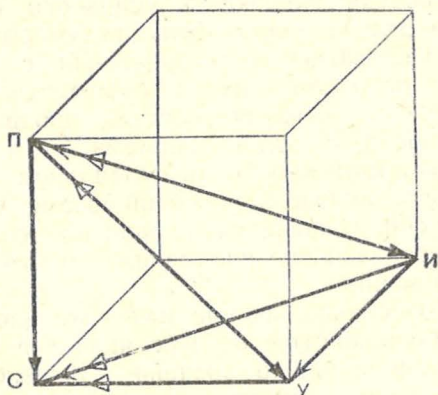
2) по признаку отнесенности—неотнесенности выражаемого значения к факту осуществления (неосуществления) действия,

3) по признаку направленности—ненаправленности воли говорящего на участника речевого акта.

Это находит отражение в следующей таблице:

Признак	Наклонение			
	изъяви- тельное	сослага- тельное	условное	повели- тельное
Реальность—нереальность	+	—	—	—
Отнесенность—неотнесенность	+	—	+	—
Направленность—ненаправлен- ность	—	—	—	+

Сослагательное наклонение во всех этих противопоставле-
ниях выступает как немаркированный член. Графически взаим-
ную связь между наклонениями можно изобразить в виде пи-
рамиды, вписанной в куб.

Здесь стрелками трех различных видов в зависимости от
различительного признака (соответственно $\leftarrow$ $\dashleftarrow$ $\cdots\leftarrow$),
указано направление от маркированного члена оппозиции к не-
маркированному, а противопоставленности наклонений по одному
из признаков графически соответствует отрезок, равный стороне
квадрата, противопоставленности по двум признакам — отрез-
ок, равный диагонали квадрата, и противопоставленности по
трем признакам — отрезок, равный диагонали такого прямоу-
гольника, в основании которого лежит диагональ квадрата.

Сослагательное и условное наклонения современного хинди
однотипны как по составу форм, так и в отношении принципа

строения форм, входящих в каждое из этих наклонений. Они имеют по четыре формы, из которых одна по своему морфологическому строению является простой, а три остальные строятся аналитически. Аналитические формы каждого из этих двух наклонений, а именно: перфектив, имперфектив и дуратив — образуются путем сочетания соответствующего причастия основного глагола со вспомогательным глаголом *honā* 'быть' в простой форме соответствующего наклонения. В основе различия между аналитическими формами сослагательного и условного наклонений лежит видовой признак.

Однако отношение между простой формой и аналитическими формами отличается своеобразием в рамках каждого из этих двух наклонений. Простая форма сослагательного наклонения обладает временным значением следования (будущности) и лежит вне сферы оппозиций по видовому признаку, затрагивающих аналитические формы. Она, как правило, не взаимозаменяема с аналитическими формами сослагательного наклонения. Простая же форма условного наклонения при употреблении в отличительной функции, напротив, временным значением не располагает и в сравнении с аналитическими формами (это в основном касается перфектива и имперфектива) характеризуется универсальностью, проявляющейся в ее взаимозаменяемости с этими формами. В тех же случаях, когда противопоставленность (в модальном плане) простой формы условного наклонения простой форме сослагательного наклонения не обнаруживается, первая из форм обычно несет в себе временное значение следования по отношению к плану прошедшего времени.

Более многочисленны формы изъявительного наклонения. Назначением большинства из них является выражение как временного, так и видового значения. В некоторых формах, строящихся по тому же принципу, что и аналитические формы сослагательного и условного наклонения (причастие + глагол *honā* 'быть'), а именно в аналитических формах, для образования которых использована форма будущего времени вспомогательного глагола *honā* 'быть', временное значение уступает место значению предположительности относительно реальности действия или, в более широком смысле, значению неочевидности по отношению к реальному действию. Тем самым данные аналитические формы делят участь, которая постигла форму будущего времени глагола *honā* 'быть' при его самостоятельном употреблении (вне состава аналитической формы).

Специфичностью повелительного наклонения в функциональном плане определяется своеобразие входящих в него форм.

Для них в современном хинди существенной является взаимная противопоставленность в следующих двух планах: а) по степени вежливости выражаемого побуждения (что проявляется в соотносении форм повелительного наклонения с личными местоимениями), б) по степени отдаленности (неотдаленности) осуществления обозначенного глаголом действия от момента речи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A,BP — Upendranāth 'Ašk', *Baiṅgan kā pāudhā*, Nilābh-prakāśan-grh, Ilāhābād, [S. a.].
- A,KS — Upendranāth 'Ašk', *Kāle sāhab*, Nilābh-prakāśan-grh, Ilāhābād, [S. a.].
- A,P — Upendranāth 'Ašk', *Pinjra*, Nilābh-prakāśan-grh, tīsrā saṅskaraṇ, Ilāhābād, 1952.
- AD — Jayśankar 'Prasād', *Ākāś-dīp*, Bhārati bhaṇḍār, Liḍar pres, pañcam saṅskaraṇ, Ilāhābād, samvat 2011.
- Am — Vallabh Agravāl, *Amāvas*, Agravāl printiṅg pres, Farru'hābād, [S. a.].
- BB — āgarjun, *Bābā Baṭesarnāth*, Rājkamal prakāśan, dvitīyāvṛtti, Dillī, 1961.
- BP — «The Baitāl Pachisi or twenty-five tales of a Demon», edited by E. B. Eastwick, Hertford, 1855.
- BV — «Bangāl ke van meṅ śikārī», Svayambhātī pustakālay, Vārāṇasi, [S. a.].
- CGh — Bhagavatsvarūp Caturvedi, *Cumbakoṅ kā ghar*, Rājkamal prakāśan, 1961.
- GM — Bhairavprasād Gupta, *Gangā malyā*, Rājkamal prakāśan, Bambaī, 1953.
- GrS 2 — «Śabdārtha Sṛī Guru Granth Sāhib ji», pothī ḍuḡi, Lāhaur, 1946.
- HS — «Rāmbahorī Śukla aur Bhagīrath Miśra, *Hindī sāhitya kā udbhav aur vikās*, Hindī bhavan, Jālandhar aur Ilāhābād, 1956.
- Ir — Jayśankar 'Prasād', *Irāvati*, Bhārati bhaṇḍār, Liḍar pres, tṛtīya saṅskaraṇ, samvat 2006.
- JS — Udayśankar Bhaṭṭa, *Jīvan aur sangharṣa*, Rājpal enḍ sanz, Dillī, [S. a.].
- K — Viśvambharnāth Šarmā 'Kauśik', *Kallol*, Vinod pustak mandir, dvitīya saṅskaraṇ, Āgrā, 1954.
- KC,AD — Kṛṣṇacandra, *Annadātā*, Rājpal enḍ sanz, Dillī, 1954.
- KC,GA — Kṛṣṇa Candar, *Ek gadhe kī ātmakathā*, Rājpal enḍ sanz, dvitīya saṅskaraṇ, Dillī, [S. a.].
- KC, Gar — Kṛṣṇacandra, *Garjan kī ek śām*, Rājpal enḍ sanz, Dillī, [S. a.].
- KC,HQ — Kṛṣṇan Candar, *Havāi qil'e*, Urdū buk istāl, Lāhaur, 1947.
- KC,HV — Kṛṣṇan Candar, *Ham vahṣī haṭh*, Hindustānī publiṣiṅg hāns, Ilāhābād, 1952.
- KC,KK — Kṛṣṇacandra, *Kaśmīr kī kahāniyān*, Rājpal enḍ sanz, Dehlī, [S. a.].
- KC,PR — Kṛṣṇacandra, *Pancrangī*, Hind kitābs limited, Bambaī, 1950.
- KC,T — Kṛṣṇacandra, *Talāṣ*, Hind kitābs limited, Bambaī, 1950.

- MN —Vṛndavanilāl Varmā, *Mṛgnayanī*, Mayūr prakāśan, sātvin āvṛtti, Jhānsī, 1955.
- Nir —Sūryakānt Tripathī 'Nirālā', *Nirupamā*, Bhārati bhaṇḍār, Līḍar pres, saptam saṅskaraṇ, Prayāg, samvat 2011.
- NK —« ai kahāniyān».
- NN —Candra Prakāś Agravāl, *Nyāy ke nām par*, Agravāl printiṅg pres, Farrukhābād, [S. a].
- P,D —Premcand, *Durgādās*, Hans prakāśan, Ilāhābād, 1953.
- P,DB —Premcand, *Do bahaneṅ aur anyā kahāniyān*, Sarasvatī pres, Banāras, 1948.
- P,GJ —Premcand, *Grāmya jīvan kī kahāniyān*, Sarasvatī pres, Banāras, 1952.
- P,JK —Premcand, *Jangal kī kahāniyān*, Hindustānī publiṅg hāus, Ilāhābād, [S. a].
- P,KK —Premcand, *Kutte kī kahānī*, Sarasvatī pres, Banāras, 1951.
- P,M1 —Premcand, *Mānasarovar*, bhāg 1, Sarasvatī pres, Banāras, 1953.
- P,M 2 —Premcand, *Mānasarovar*, bhāg 2, Hans prakāśan, Ilāhābād, [S. a].
- P,M 4 —Premcand, *Mānasarovar*, bhāg 4, Hindustānī publiṅg hāus, Ilāhābād, 1951.
- P, M 7 —Premcand, *Mānasarovar*, bhāg 7, Sarasvatī pres, Banāras, 1953.
- P, IN —Premcand, *Nirmalā*, Sarasvatī pres, Banāras, 1953.
- P, PD —Premcand, *Prem-dvāīśī*, Hans prakāśan, Ilāhābād, 1954.
- P, PP —Premcand, *Prem-pacīsī*, Hindī pustak ejensi, Jhānvāpī, Kāśī, samvat 1994.
- P,PPh —Premcand, *Pāñc phūl*, Sarasvatī pres, Banāras, 1952.
- P,Ss —Premcand, *Saptasaroj*, Hindī pustak ejensi, Kalkattā, samvat 1983.
- P,SS —Premcand, *Santa-uman*, Sarasvatī pres, Banāras, 1951.
- P,V —Prem Cand *Vāridāt*, Maktaba-e-jāme'a, Dehli, 1945.
- PS —Lallalālji, *Śrī Prem Sāgar*, prakāśak-panḍit Pṛthvināth Bhārgav, pratham saṅskaraṇ. Banāras, [S. a].
- RCM —«Ramacaritamānasa», āgarīpracārīnī sabhā, Kāśī, samvat 2005.
- RKK —Sayyad Iṣāallāh Khān, *Rānī Ketkī kī kahānī*, āgarīpracārīnī sabhā, Kāśī, samvat 2007.
- S,N —Sudarśan, *Nagīne*, Vorā enḍ kampanī, Bambaī, 1947.
- S,P —Sudarśan, *Parivartan*, Inḍiyan pres limited, Prayāg, 1937.
- S,SS —Sudarśan, *Sudarśan-uman*, Rājpal enḍ saiz, Dillī, [S. a].
- S,TY —Sudarśan, *Tirtha-yātrā*, Inḍiyan pres limited, Prayāg, 1927.
- SB —Sūryakānt Tripathī 'Nirālā', *Sukul kī bibī*, Bhārati bhaṇḍār, Līḍar pres, Ilāhābād, samvat 2004.
- Y.Abh —Yaśpāl, *Abhiṣapta*, Viplov kāryālay, Lakhnaū, 1948.
- Y,DD —Yaśpāl, *Dāśdrohī*, Viplov kāryālay, Lakhnaū, 1943.
- Y,DK —Yaśpāl, *Dācā kāmrūd*, Viplov kāryālay, Lakhnaū, 1944.
- ZPh —Khvāja Ahmad 'Abbās, *Za'farān ke phūl*, Kutub publiṣarz limited, Bambaī, 1948.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Монографии по вопросу о наклонениях

- Delbrück B., *Der Gebrauch des Conjunctivus und Optativus im Sanskrit und Griechischen*, Halle, 1871.
Gonda J., *The character of the Indo-European moods. With special regard to Greek and Sanskrit*, Wiesbaden, 1956.

II. Монографии по истории индо-арийских языков и языка хинди

- Bloch J., *L'indo-aryen du Vēda aux temps modernes*, Paris, 1934.
Sen S., *Comparative grammar of middle Indo-Aryan*, — «Indian linguistics», vol. X—XII, 1949—1952.
Sen S., *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, — «Indian linguistics», vol. XIII, 1952—1953.
Tagare G. V., *Historical grammar of Apabhraṃśa*, Poona, 1948.
Tivārī, Udaynārāyaṇ, *Hindī bhāṣā kā udgam aur vikās*, Prayāg, samvat 2012.
Varma, Dharendra, *Hindī bhāṣā kā itihās*, Hindustānī ekeḍemī, Prayāg, pañcam saṁskaraṇ, 1958.

III. Грамматики и грамматические очерки

- Баранников А. П., *Хиндустани (урду и хинди)*, Л., 1934.
Баранников А. П., Баранников П. А., *Хиндустани (хинди и урду). Грамматический очерк*, М., 1956.
Дымшиц З. М., *Язык урду*, М., 1962.
Катенина Т. Е., *Язык хинди*, М., 1960.
«A basic grammar of modern Hindi», English version, Government of India, Ministry of education and scientific research, 1958.
Greaves E., *Hindī grammar*, 2 ed., Allahabad, 1933.
Kellogg S. H., *A grammar of the Hindī language*, London, reprinted 1955.
Scholberg H. C., *Concise grammar of the Hindī language*, Oxford University Press, 3 ed., Bombay, 1955.
Guru, Kāmtāprasād, *Hindī vyākaraṇ*, Nāgarīpracārīṇī sabhā, Kāśī, ṣaṣṭha punarmudraṇ, samvat 2017.
Vājpeyī, Kīṣoridās, *Hindī śabdānuśāsan*, Nāgarīpracārīṇī sabhā, Kāśī, samvat 2014.

IV. Монографии и статьи по грамматике хинди

- Липеровский В. П., *Сослагательное, условное и повелительное наклонения в современном литературном языке хинди*, — «Вопросы грамматики языка хинди», М., 1962.
- Липеровский В. П., *Употребление форм сослагательного наклонения литературного хинди и урду в придаточных предложениях различного типа*, — Сб. «Языки Индии», М., 1961.
- Липеровский В. П., *Употребление форм сослагательного наклонения литературного хинди и урду в самостоятельном предложении*, — Сб. «Языки Индии», М., 1961.
- Лозовой Л. Г., *Условные предложения в современном литературном хинди*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XIII, Индийская филология, М., 1958.
- Ambike, Shrimati Susheela, *The connotation of the conditional in spoken Hindī*, — «Indian linguistics», vol. XXI, Turner Memorial, III, Linguistic society of India.
- Grierson G. A., *The modern Indo-Aryan polite imperative*, — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1910, January.
- Lienhard S., *Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindī*, Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1961.
- Saksena, Baburam, *A peculiar use of the conditional in spoken Hindī*, — «Sir Ralph Turner Jubilee Volume», I, Deccan College, Poona, 1958.
- Leprovskī Vi. Pi., *Hindī meṇ sambhāvnārtha ke rūṇ kā prayog*, — «Hindī anuśilan», Dhīrendra Varmā Viśeṣāṅk, Prayāg, 1960.
- Lipervovskī V. P., *Hindī bhāṣā meṇ sandehārtha*, — «Sammelan patrikā», bhāg 47, sankhyā 1, Hindī sāhitya sammelan, Prayāg, śaka 1882.
- Lipervovskī V., *Hindī bhāṣā meṇ sanketārtha*, — «Nāgaripracārīṇī patrikā», varṣa 66, ank 1, samvat 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Изъявительное наклонение	6
Формы изъявительного наклонения и их основные функции	6
К вопросу о выделении предположительного наклонения	18
Заключительные замечания	26
Глава II. Сослагательное наклонение	29
Образование форм сослагательного наклонения	29
О гегезисе сослагательного наклонения современного литературного хиди	30
Употребление форм сослагательного наклонения	35
Употребление форм сослагательного наклонения в независимом предложении	36
Употребление форм сослагательного наклонения в придаточной части сложноподчиненного предложения	52
Заключительные замечания	74
Глава III. Условное наклонение	79
Выделительность форм условного наклонения из флитных форм глагола хиди и их образование	79
Употребление форм условного наклонения	83
Употребление условного наклонения в сложном предложении при условно-следственном типе связи его частей	90
Употребление условного наклонения в независимом предложении	106
Употребление условного наклонения в придаточной части сложноподчиненного предложения	114
Заключительные замечания	126
Глава IV. Повелительное наклонение	130
Образование форм повелительного наклонения	130
Употребление форм повелительного наклонения	135
Заключительные замечания	156
Заключение	159
Список софращей	164
Краткая библиография	166

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
68	20 сн.	<i>hi</i>	<i>hi</i>
131	6 сн.	аффиксов	морфем
132	3 св.	аффиксах	морфемах

Зак. 1770